

ISSN 0869-6403

**ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК**

**НА
БОЕВОМ
ПОСТУ**

**8
'94**

ЗА КРАПОВЫЙ БЕРЕТ

Читайте в номере
материал нашего корреспондента

Фото Б. БУЛГАКОВА

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Издается с 1958 г.

8'94

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВУТРЕННИХ ВОЙСК

В НОМЕРЕ:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

КОТЛЯРОВ А. В наших руках – безопасность людей 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КИСЛЫЙ Ю. Впереди бригады всей 7
МУЧАК И. Бой с тенью 12
ГРОБИВКИН Л. Ключи с правом передачи 17
БУЛГАКОВ Б. За краповый берет 21
УШАР А. "... Бронепоезд стоит на запасном пути,"
или Тринадцатый подвиг Геррака 23

■ ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

СМЫСЛОВ Б.: "Я со службой связывал жизнь," 26
ПЕТРОВ А. Войскам не жить без лейтенантов 33
Письма читателей 39

■ РЕТРОСПЕКТИВА

ДЕНИСОВ А. За день до весны 40

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

КОКОШКИН П. Беломорканал. 30-е годы. 45
СЛОБОДЯНЮК В. Человек, который не лгал 50
ДОВЛАТОВ С. На что жалуетесь, сержант? 52
ДМИТРИЕВ П. Дальний лес (стихи) 57
ГОРЧАКОВ О. Вне закона (главы из романа) 59

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ЛИНДЕР И. Гармония силы и души 72
Автодайджест 76
Шахматный клуб 78
Сад-огород 79

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
коллегия:

АРТЮХОВ Е. А.,
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОНДАРЕВ П. Т.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
ДУРБАЖЕВ В. А.,
ЕРХОВ Е. И.,
ЗАЙЦЕВ А. П.,
КАВУН С. Ф.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный
секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КУДРЯШОВ В. И.,
КУЗЬМИН Н. П.,
МАЛЮТИН С. Н.,
ОВЧИННИКОВ В. В.,
СЕНКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного
редактора),
УШАР А. Г.,
ЧЕРНЫШОВ П. П.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель – МВД России.

Издатель – Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методи-
ческих материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат
ответственность несут авторы. При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1994

Сдано в набор 30.06.1994 г. Подписано к печати 1.08.1994 г.
Формат бумаги 70×1081/16. Усл. печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1383. Тираж 10 000.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 480 руб.,
(индекс 70610), для предприятий и организаций – 1500 руб.
(индекс 73175), в розницу – свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление

Э. П. Копылова.

Корректоры

И. Н. Инюшина, Л. Н. Полякова.

На первой странице обложки:

фото В. М. Булгакова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

*Заместитель
начальника штаба
внутренних войск
МВД России —
начальник отдела
инженерно-технического
обеспечения ГУКВВ
генерал-майор
Александр КОТЛЯРОВ
отвечает на вопросы нашего
корреспондента*

В НАШИХ РУКАХ — БЕЗОПАСНОСТЬ ЛЮДЕЙ

— Товарищ генерал-майор, еще недавно возглавляемая вами служба была связана в основном с охраной периметра объектов пенитенциарной системы. Сейчас вы занимаетесь организацией принципиально иного вида боевого обеспечения деятельности войск. Разница существенная. Что же изменилось в инженерно-технических структурах округов, соединений и частей?

— Еще в середине восьмидесятых годов, проанализировав содержание и перспективы служебно-боевой деятельности внутренних войск, мы пришли к выводу, что ее инженерно-техническое обеспечение нуждается в серьезной корректировке. В первую очередь это было продиктовано повышением удельного веса оперативных и специальных моторизованных частей в охране общественного порядка на фоне сложных социально-экономических процессов, вызванных радикальными переменами в жизни страны. Чуть позже, когда одна за другой вспыхнули

горячие точки и нашим военнослужащим пришлось нести тяжкий крест миротворцев, защищать честь и достоинство граждан, пострадавших от междоусобиц, во весь рост встала проблема совершенствования защиты личного состава, бронетехники, объектов от средств поражения, используемых преступными вооруженными формированиями. Да и резко обострившаяся криминогенная обстановка за пределами стреляющих регионов потребовала изменить статус службы, которая ведала инженерно-техническими средствами, расширить ее функции с учетом задач боевого обеспечения в новых условиях. Действовали, что называется, по фронтовому, без раскаток и бюрократических проволочек: время поджимало. В короткие сроки была проделана большая работа по оптимизации оргштатной структуры (в округах, соединениях и частях созданы отделы, отделения и группы ИТО), формированию новых подразделений, укреплению материальной базы, повышению качества подготовки специалистов. В соответст-

вии с Законом о внутренних войсках четко определили приоритетные направления инженерно-технического обеспечения служебно-боевых задач.

— А какие проблемы сегодня волнуют вас как руководителя отдела?

— Прежде всего необходимо сосредоточить усилия на глубокой оперативно-тактической проработке ИТО. Учиться прогнозировать события, предвидеть ситуации, в которых можем оказаться завтра. Параллельно ускорять проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по созданию новых средств обеспечения специальных операций, индивидуальной бронезащиты, активной обороны, модернизации инженерной техники и инженерного вооружения.

Не решен пока вопрос о взаимодействии управления внутренних войск по охране важных государственных объектов и специальных грузов с ответственным за разработку ТСО научно-производственным объединением «Элерон». И вот печальный результат: процессы модернизации технических средств охраны и тактика их применения на промышленных предприятиях оборонного комплекса развиваются автономно, нет единого центра, координирующего планы НИОКР с задачами военного ведомства. А игра, образно говоря, должна вестись в одни ворота. У нас есть конкретные предложения. Правительство с ними знакомо. Думается, ответ не заставит себя долго ждать: дело не пустяковое, речь идет о державных интересах.

Из-за недостатка денежных ассигнований приостановлена поставка в войска технических средств охраны. А они нам нужны как воздух: ТСО на многих объектах отработали все мыслимые и немыслимые сроки. Правда, ответственные товарищи из Главного управления материально-технического и военного снабжения МВД уверяют, что это временные трудности. Дай-то Бог! Ведь связи с предприятиями складывались десятилетиями, а приостановка на месяц или на два оплаты наших заказов может привести к разрушению промышленно-войсковой кооперации.

— Согласно закону внутренние войска финансируются за счет средств республиканского бюджета Российской Федерации отдельной строкой. И вдруг довольствующий орган берет на себя ответственность за срыв платежей по договорам, которые, как я понял, заключены непосредственно военным ведомством.

— В том-то и фокус. Де-юре распорядителями кредитов являются командующий внутренними войсками МВД России и командующие округами. А де-факто между ними и подрядчиками вклиниваются посредники — финансово-экономическое управление и ГУМТиВС МВД: первое ассигнует, второе занимается поставками материальных средств. Такая система имеет свои достоинства и недостатки. Но пока не сняты противоречия между положениями закона и ведомственной практикой, плюсы тонут в море минусов.

— Функция охраны исправительно-трудовых учреждений, а стало быть, и система ИТСО передаются в структуры исполнения наказания. Но история создания современных инженерно-технических средств под эгидой войск, конечно же, не канет в Лету. Какие ее страницы вам особенно памяты, Александр Петрович?

— Начинали мы практически с нуля. До включения конвойной охраны в состав внутренних войск техническим обеспечением службы никто всерьез не занимался. Довольствовались самыми дотопными средствами сигнализации. Вдоль периметра на проволоке — бутылки и консервные банки с гайками; у вышек — «грохота»; емкости с булыжниками, обваливающимися на металлические листы при срабатывании веревочного «датчика». Словом, это надо было видеть...

Для того чтобы вывести ИТСО на переловые рубежи НТР, оборудовать объекты современными инженерно-техническими системами, в научно-производственном объединении под крышей погранвойск открыли лабораторию. За три года она с великими потугами выдала на-гора... один очень несовершенный радиолучевой датчик. Уразумев, что на чужих дрожжах наше тесто не взойдет, решили вести НИОКР своими силами. Под руководством начальника отдела ИТСО ГУВВ генерал-майора Николая Васильевича Андрианова был создан испытательный полигон центрального подчинения, преобразованный впоследствии в специальное конструкторское бюро. Этот поистине уникальный коллектив занимался не только фундаментальными и прикладными исследованиями, конструкторскими разработками, но и внедрением в серийное производство прошедших испытания образцов. За время существования СКБ войска получили более двадцати новых инженерных и технических средств, благодаря чему удалось в

шесть раз сократить количество непресеченных побегов.

Комплексное внедрение на объектах электронной техники (она стала выполнять большую часть функций часового) повлекло за собой изменение и тактики действий караулов, обеспечило коренной перелом в боевой службе, способствовало стабилизации численности войск.

К сожалению, после смены руководства МВД СССР в 1983 году процесс пошел в обратную сторону. С подачи министра Федорчука, приказавшего любой ценой изжить побегов, был изобретен так называемый активный способ охраны ИТУ. В теории — разумное сочетание визуального наблюдения и электронно-технического контроля за обстановкой в запретной зоне. На практике — все на вышки.

Как известно, при волонтеристских способах решения проблем планируемые цели и достигнутые результаты оказываются на противоположных полюсах. Так случилось и на сей раз. Дополнительные государственные затраты, резко возросшая нагрузка на личный состав, с одной стороны; развал налаженной системы ИТСО, с другой — вот плоды воинствующего дилетантизма. До курьезов доходило. Некоторые, с позволения сказать, новаторы, махнув рукой на электронику, начали всерьез подумывать... о возвращении к банкам-склянкам. Хорошо, вовремя остановили ретивых геростратов в руководящих креслах. А то все пульта и датчики в момент оказались бы на свалках. У нас ведь как привыкли? «До основания, а затем...»

— Да уж, ломать не строить...

Не обошли вниманием тогдашние горе-реформаторы и нашу научно-конструкторскую базу. Ликвидировали СКБ, большую часть специалистов перевели во вновь созданный НИИ спецтехники, оставив главку небольшой центр инженерно-технического обеспечения. Начальник войск генерал армии Иван Кириллович Яковлев дважды писал Федорчуку, доказывая неразумность такого шага, но его аргументы оставили без внимания... Оптимистическая нота: в настоящий момент последствия разрушительных реформ в основном ликвидированы. Суровые обстоятельства заставили таки повернуться лицом к технике. Больше внимания стали уделять регламентным работам, повышению ответственности должностных лиц за эксплуатацию ИТСО. И результаты, как говорится, налицо: с прошлого года

четко обозначилась тенденция к сокращению побегов. Важно сохранить ее во время передачи охранных функций исполнительной-трудовым учреждениям. Не допускать расслабленности, иждивенческих настроений. Оказать помощь администрации колоний в техобеспечении службы, овладении тактикой использования ИТСО, подготовке специалистов. Это наш профессиональный долг.

— А что ждет войсковых специалистов инженерно-технических средств? Вряд ли все, как один, захотят стройными рядами уйти под крышу другого ведомства...

— Естественно, структурные преобразования в системе охраны ИТК затронут судьбы многих сотен людей. И я заверяю своих коллег: ни один из них не окажется за бортом. Тот, кто примет решение остаться в войсках, будет по возможности трудоустроен без переезда в другой регион. Где это не удастся, переведем к новому месту службы с оказанием всесторонней помощи в обустройстве. Что касается желающих перейти в систему исполнения наказания, препятствовать им не будем. Старая истина: не суть важно, в каком департаменте ты служишь Стычеству, главное — как служишь.

— Александр Петрович, говоря о приоритетах в обеспечении служебно-боевой деятельности войск, вы, конечно же, в первую очередь имели в виду их многотрудную миротворческую миссию в районах чрезвычайного положения. Как справляется там с поставленными задачами корпус войсковых инженеров?

— Отмечу главное. Люди выполняют свои обязанности не жалея сил, каждый специалист прекрасно понимает: качественное фортификационное оборудование мест несения службы и подступов к ним, своевременная инженерная разведка маршрутов движения маневренных групп и автоколонн, проверка саперами дорог, объектов, участков, где ведутся сельскохозяйственные работы, — все это направлено на поддержание высокой боеготовности сил правопорядка, а значит, сохранение самого ценного — жизней воинов и мирных граждан, которых они призваны защищать. В горячей точке постоянно находятся офицеры отделов ИТО штаба внутренних войск МВД России, Северо-Кавказского округа, должностные лица соединений и частей, выполняющих там миротворческие задачи. Разумеется, не в качестве праздных наблюдате-

лей и ни за что не отвечающих ревизоров. Их опыт как самых что ни на есть боевых руководителей неоднократно выручал командиров в критические минуты. Я уж не говорю об умелой организации инженерно-технического обеспечения в масштабах войсковой оперативной группы.

Конечно, хватает и нерешенных проблем. Они связаны, главным образом, с постоянной сменой войск в зоне действия режима ЧП и — примета нынешнего смутного времени — дефицитом финансовых и материальных средств...

— Из-за этого приходится идти на поклон к представителям местной администрации, чтоб выбить технику и материалы для инженерного оборудования мест несения службы. А в удельных коридорах власти привыкли тянуть бюрократическую резину... Помню, в прошлом году начальнику ВОГ чуть ли не к ультиматуму пришлось прибегнуть: не выручите автокраном и бетонными блоками — снимем КПП, для вас же, господа хорошие, стараемся... Подействовало!

— Ничего не попишешь... У нас есть все необходимое для выполнения разовых задач: инженерные машины разграждения, подъемные краны, экскаваторы, бульдозеры, трайлеры. Повторяю: для разовых. Скажем, действия отряда обеспечения движения... В 1992 году наш инженерно-саперный батальон успешно справился с расчисткой завалов в районе села Кехви в Джавском ущелье. А вот с долговременными задачами труднее. Так что без помощи местных органов власти пока не обойтись.

— Делается что-нибудь для наращивания инженерных мускулов?

— Еще бы! Недавно принято решение о создании инженерно-саперных подразделений в дивизиях оперативного назначения, бригадах и полках. Формируются и уже начинают действовать подразделения минно-розыскных собак. И, надо сказать, очень эффективно. Благодаря четвероногим помощникам в районе ЧП обнаружили склады боеприпасов, оставшихся еще со времен Великой Отечественной войны. Великолепно показали себя собаки при проверке подземных коммуникаций Белого дома.

Но это не все. Недавно приступили к подготовке войсковых саперов. Качество их учебы за партами проверяется в горячей точке. Группы разминирования неоднократно предотвращали взрывы

магистральных газопроводов в Северной Осетии, обезвредили много взрывоопасных предметов. Короче говоря, даром свой хлеб наши специалисты не едят.

— Инженерная техника для вновь созданных подразделений поступает из Вооруженных Сил России?

— Да, это наиболее приемлемый путь укрепления материальной базы. Заказали вот пятнадцать мощных подъемных кранов... а платить нечем. Рынок! Спасибо коллегам армейцам, здорово нас выручают. Налаживаем тесные личные контакты, путем передачи с баланса на баланс получаем инженерную технику, выводимую из дальнего зарубежья. Но перефразирую известную поговорку: «На друга надейся, а сам не плошай». Изыскиваем дополнительные резервы — за счет военной смекалки и предприимчивости...

— Извините, товарищ генерал... Смекалка, предприимчивость! Раскроете коммерческую тайну? Или...

— Да какая там тайна. Не о частной фирме — об Отечестве радеем. К примеру, установили ИТСО на нескольких объектах Министерства обороны, а взамен — бесплатный ремонт нашей техники. Знаю: далеко не все одобряют бартерные сделки подобного рода. Но когда нет государственного регулирования межведомственных связей, поневоле приходится следовать рыночным правилам игры.

— Наиболее трудный участок службы в районе ЧП — войсковые заставы, прикрывающие зону безопасности вдоль административной границы между Северной Осетией и Ингушетией. Как они оборудованы в инженерном отношении?

— Возведены фортификационные сооружения, защищающие от огневых налетов. Обустроены места несения службы на участках ответственности. Налажены полевое энергообеспечение и водоснабжение. Где необходимо, установлены сигнальные мины. Словом, специалисты инженерной службы сделали немало.

— Как известно, мы значительно уступаем силам правопорядка западных стран в оснащении спецсредствами. Будет ли в ближайшее время ликвидирован этот разрыв?

— Значительно? Ничего подобного! По ряду позиций даже опережаем западных коллег. Сравните отечественные и иностранные средства индивидуальной бронезащиты — у наших жилетов изно-

состоятельность выше. Не случайно от зарубежных заказчиков отбоя нет.

В чем нас опережают — так это в наборе специальных средств, позволяющих обезвредить преступников без летального исхода. И не потому что наша прикладная наука плетется в хвосте. Главный сдерживающий фактор — правовые ограничения. Скажем, в Ольстере всю используют электрошоковые средства типа «Тайзер». У нас они под запретом. Жестко ограничены внутренние войска и милиция в применении ранцевых газогенераторов, водометных машин, сигнальных мин, не говоря уж о более мощных средствах активной обороны...

— В результате несем моральные и физические потери, не можем выработать эффективную тактику противодействия агрессивной толпе. Сколько раз боевики захватывали военных в заложники, окружая бэтэзры кольцом женщин и детей! А теперь представим, что на броне установлены азрозольный распылитель слезоточивых и усыпляющих химических веществ, лучевая пушка, генератор инфразвуковых волн, оказывающих парализующее воздействие. С помощью этих гуманных спецсредств можно рассеять любую толпу, не пролив ни капли крови.

— Вот мое мнение как специалиста и ученого: спецсредств гуманного воздействия в чистом виде не существует. Американцы еще во Вьетнаме испытывали инфразвуковое устройство «Кёрдлер», для наведения ужаса. Так вот, наряду с психозффектом наблюдались такие явления, как фибриляция грудной клетки, аритмия сердца, расстройство внутренних органов. Далеко не безобидно и световое излучение: при ярких вспышках перегорает глазной нерв, расслаивается роговица глаза.

Для выработки тактики бескровной нейтрализации насильственных действий толпы нужно оптимально сочетать законодательные нормы, технические возможности специальных средств и прогнозировать последствия их применения. Тогда никто не бросит в нас камень, обвиняя в нарушениях прав человека. И себя сохраним, и экстремистов обезвредим с минимальным ущербом их здоровью.

У нас есть резервы для оснащения войск новейшими средствами активной обороны. Успешно прошли испытания касетные светозумовые гранаты, переносимый малогабаритный миномет для дистанционного воздействия со светозумовым эффектом, объемноде-

тонирующие взрывные устройства. Но пока не будут сняты принятые в прошлом и не учитывающие нынешней криминальной ситуации правовые ограничения, о промышленном производстве перечисленных образцов этих средств не может быть и речи.

— Товарищ генерал-майор, описывая историю создания современных ИТСО, спецсредств, вы скромно умолчали о своем вкладе в укрепление материальной базы инженерно-технического обеспечения внутренних войск. Расскажите вкратце об основных вехах вашей служебной биографии, сфере научных интересов.

— Ну разве что вкратце... Окончил Воронежский радиотехнический техникум, работал в конструкторском бюро Сергея Павловича Королева. Затем — учеба в Орджоникидзевском командном училище МВД. Служба. Преподавательская работа в стенах альма-матер. После окончания Военной академии связи занимал должность главного инженера узла связи внутренних войск, командовал учебным полком, руководил отделом ИТСО главка, специальным конструкторским бюро, НИИ спецтехники. Предпоследняя должность — заместитель начальника управления связи и специальной техники МВД.

Сфера научных интересов. Кандидатская диссертация посвящена проблеме автоматизированных комплексов охраны и обороны гидротехнических сооружений. Высшей аттестационной комиссией присвоено ученое звание «старший научный сотрудник», спустя некоторое время — «профессор». Занимался проблемами управления социальными и экономическими системами. Участвовал в разработке специальных средств воздействия с использованием инфранизочастотных колебаний и объемнодетонирующих взрывных устройств. Ныне специализируюсь в области управления и теории информации. Имею более сорока изобретений.

— И последний вопрос, Александр Петрович. Что бы вы хотели пожелать своим коллегам, всем офицерам войск?

— Больше внимания инженерно-техническому и другим видам боевого обеспечения службы! Особенно в зоне действия режима ЧП. Больше компетентности! Это не громкие слова. Не дежурный призыв. В наших руках самый ценный капитал — жизнь и безопасность людей.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

Штрихи к портрету командира части

*В армии полки хорошими будут от полковников,
а не от уставов, как бы быть им должно.*

Генерал-фельдмаршал П.А.Румянцев.

ВПЕРЕДИ БРИГАДЫ ВСЕЙ

НЕ УГОДНО ЛИ, читатель, сыграть в увлекательную деловую игру? Вопросы по жизни, скучать не придется. Согласны? Тогда начнем...

Скажите не кривя душой, как поведете вы себя на месте среднестатистического офицера, когда плечи затрещат под грузом нерешенных проблем, твердая почва, вздыбленная реформами, уйдет из-под ног, а будущее, сулившее заманчивые перспективы, покроется мраком? Плюнете, устав от безнадёги, на карьеру и ничтоже сумняшеся подадитесь на вольные хлеба – туда, где нервы не треплют и платят поболее? Или запишетесь в пофигисты и начнете травить душу жалобами на судьбу-злодейку в горьких застольных беседах с однополчанами? А может быть, приказав себе не пищать, соберете волю в кулак и с удвоенной энергией потянете свой нелегкий воз? Если у вас настоящий мужской характер и стержень духовный, без которого служивый – всего лишь человек в погонах, выкован из прочного материала, можете, не отвечая, сразу же перейти к решению следующей ситуационной задачи.

И еще вопрос на засыпку. Вы тяжело заболели, шагю без посторонней помощи ступить не можете. Доктор велит немедленно лечь в госпиталь. Но, как назло, в это самое время вы остались без заместителей и командуете полком в одиночку. Такое иногда случается: скажем, совпадают очередной отпуск, сессия, командировка плюс вакансия – офицера перевели с повышением, а замены еще не подыскали. Да мало ли обстоятельств заставляют командира временно тянуть служебный воз без пристяжных? Готов биться об заклад, вы подчинитесь эскулапу, и никто вас за это не осудит, не упрекнет в равнодушии и безответственности: со здо-

ровьем не шутят, а воинский коллектив некоторое время продержится и без штатного руководителя.

А теперь представьте другой вариант решения несложной морально-психологической задачи. Утром, как всегда ровно в 6.40, у подъезда останавливается "уазик", водитель и еще один солдат помогают вам спуститься по лестнице, точнее, выносят на руках, потому что ноги вас не слушаются — ущемлен нерв, затем, доставив в часть, таким же макаром сопровождают до кабинета. Вы работаете по своему обычному распорядку до 21.00, превозмогая острую боль в пояснице, без послаблений выполняете все, что накануне нарезали себе в плане. И так три дня кряду, пока не подставит плечо отозванный из отпуска заместитель по работе с личным составом.

Не всякому человеку такое под силу? Согласен. Так же, как и пахать на втором дыхании за мизерное жалование, не зная, что грядущий день готовит.

Об одном из них и пойдет речь в этих заметках. Кстати, загаданные чуть выше шарады — из его биографии. Знакомьтесь: полковник Игорь Артыкбаев. Должность — командир бригады. Место службы — лес...

АКСИОМА: если утром из подразделения нет неприятных вестей, можно считать, день пройдет без выматывающей нервы чрезвычайщины. Исключения лишь подтверждают правило. Чаще всего, знает всяк, негатив проявляется ночью, когда... Ну, словом, ясно, когда и почему.

Эта ночь прошла в бригаде без происшествий, если не считать...

Последний доклад из батальонов, и на спокойное лицо полковника Артыкбаева ложится еле заметная тень.

— Ушел солдат? Подробности!

Все, на запланированной с командиром беседе о делах и проблемах передовой части сегодня можно поставить крест, с тоской подумал я. Сейчас начнутся разборки, накачки, не до прессы будет Игорю Олеговичу. Тем более, комиссия из управления дивизии работает, проводит контрольно-проверочное занятие за полугодие, как пить дать, вцепится в горло: почему ослабили контроль за личным составом, снизили эффективность работы с

людьми и тэ дэ и тэ пэ — мало ли у нас любителей сыпануть соль на раны.

К счастью, я ошибся. Внимательно выслушав комбата, полковник Артыкбаев отдал распоряжение начальнику оперативного отделения по организации розыска и неторопливо положил телефонную трубку. Во время разговора с подчиненными офицерами ни словом, ни интонацией не выдал своих эмоций.

— Солдат — из местных, далеко не убежит, — произнес негромко, словно успокаивая себя. — Дадим знать родителям, чтоб сообщили в часть, как только сынок домой заявится. Если на полпути розыскники не перехватят.

— А я, грешным делом, решил: ну сейчас только перья от командира батальона полетят. Да и другим не поздоровится.

Артыкбаев пожал плечами:

— У меня рабочие замы, доверяю им как самому себе. И комбаты с ротными знают свой маневр. Кому положено — разберутся, доложат о результатах служебного расследования. А поднимать шум раньше времени — только делу вредить...

Что ж, можно позавидовать офицерам бригады. Другой на месте Игоря Олеговича уже метал бы громы и молнии, дабы блеснуть перед проверяющими искусством оперативного реагирования на негативную ситуацию. Не разумея, что истинное искусство руководителя в том и состоит, чтобы не мешать подчиненным вести свои партии в служебном оркестре по нотам функциональных обязанностей; направлять, подсказывать, координировать их усилия согласно командирской партитуре — да, но не бить по рукам дирижерской палочкой, не хватать за смычки и уж тем более не заводитьсь для показания начальству всеподданнейшего рвения, заставляя исполнителей играть в темпе "аллегро", когда по замыслу требуется спокойное ровное "анданте".

Конечно, ситуация ситуации — рознь. К примеру, серьезное осложнение обстановки на охраняемых объектах или в воинских коллективах может потребовать быстрой смены ритма работы. Но и в экстремальных условиях комбриг не будет суетиться, пороть горячку, дергать людей, как марионеток, — на этом заострят мое внимание многие

сослуживцы полковника Артыкбаева — и те, кто под его началом, и те, для кого бригада стала трамплином к вышестоящим должностям. Что бы ни случилось, не потеряет лица, не изменит своим правилам Игорь Олегович. Взяв ситуацию под жесткий контроль, оставит офицерам широкий простор для самостоятельных, не скованных мелочной опекой действий. А главное, ни на минуту не забудет о том, что кроме «зоны особого внимания», есть у него, комбрига, десятки других горячих участков.

Впрочем, командирское «анданте», не имеет ничего общего с поглаживанием по головке. В чем, в чем, а уж в отсутствии требовательности полковника Артыкбаева не упрекнешь. Скорее, наоборот. Кое-кто в «верхах», считает, что комбриг чересчур круто гнет свою линию. Ему даже тактично намекали на сей счет: помягче бы, Игорь Олегович...

— Полгода к нему притирался, — вспоминает заместитель командира бригады по работе с личным составом подполковник Александр Медведев. — Хотя мы однокашники, на одном курсе учились в Новосибирском училище. А он словно забыл об этом. Пока находимся в части — строго выдерживает дистанцию сугубо деловых, служебных отношений. Малейшее упущение с моей стороны — на ковер. Но я не обижался. Видел: жестко требуя с подчиненных, Игорь и к себе относится по-спартански. Рабочий день у него — четырнадцать-пятнадцать часов. Иногда позволяет себе отдохнуть — в воскресенье после обеда. Вот так. Служба, служба, служба — ей Артыкбаев отдается полностью. Без остатка. И другим планку до предельной отметки поднимает. Характерный эпизод. Получил я квартиру, вещи перевез. А на следующий день запланирована моя командировка в отдаленный батальон. Прошу командира войти в положение и отложить поездку на пару-тройку дней, чтобы не оставлять семью на узлах. Он даже рассердился: «И это говорит главный воспитатель части? Поедете в установленный срок». Спорить бесполезно. Скрепя сердце поехал. А у самого на душе кошки скребут. Ну, думаю, спасибо тебе, Игорь Олегович, уважил. Проходит немного времени, и в такой же ситуации оказался сам командир. День переезда в новую квар-

тиру совпал у него с днем начала работы в подразделении — ежели следовать ранее намеченному. Он и последовал, несмотря на уговоры замов. Перетащил с помощью солдат свой скарб — и вперед, в батальон. Ну как после этого на него обижаться? Кремьень, он и есть кремьень...

Да, надо ему отдать должное: вопросы планирования и контроля — святая святых в работе Артыкбаева. Землетрясение ли, наводнение или конец света — план будет выполнен, шутят в бригаде. Память Игоря Олеговича — как компьютер — фиксирует все до последней запятой. И горе тому, кто страдает служебным склерозом...

Есть и другая изюминка в артыкбаевской методе. Полистав бригадные «талмуды», к удивлению своему обнаружил отметки о проведении, скажем так, неканонических мероприятий. К примеру, выездные агитбригады, воюющие как передовые отряды на чепзопасных направлениях.

— Его, Артыкбаева, инициатива, — пояснил подполковник Медведев. И самокритично добавил: — Иногда прямо досада берет, ведь это моя кафедра — организация воспитательной работы. А командир и здесь уступом вперед идет, успевай только претворять в жизнь его идеи... За последние месяцы с подачи Игоря Олеговича дважды бросали агитдесант в батальоны для оказания помощи офицерам в борьбе с дедовщиной и неслужебными связями. Сеансы воспитательной терапии включали просмотр видеопольма, ознакомление солдат с приговорами военного трибунала, делами отбывающих наказание преступников, обсуждение повести Юрия Полякова «Сто дней до приказа». В составе агитбригады активно действовали юрист, заведующая библиотекой, врач. Предвижу, кто-то скажет: для «героев», нынешнего смутного времени такие информационно-психологические атаки — все равно что мертвому припарка. А я настроен оптимистически. Если вести наступление на армейские пороки по всему фронту с использованием различных сил и средств — толк будет. Главное, не сидеть сложа руки. Выступая с таким требованием, наш командир сам принимает живейшее участие в воспитательных акциях. Что же касается непосредственно боевой службы, то здесь, убежден полковник Артыкбаев,

сам Бог велел ему быть впереди бригады всей, и он неизменно перекрывает нормы проверки караулов.

Думается, после этих слов нет необходимости подробно говорить об очевидном. О том, что личный пример комбрига оказывает огромное мобилизующее воздействие. Все воспринимают его высокую требовательность с пониманием и одобрением. Сейчас, наверное, и нельзя по-другому. Жизнь трудная, скудная, не знаешь, что подстерегает тебя за поворотом. И... лес да лес кругом. От безысходности некоторые офицеры и прапорщики тянутся к рюмке. А тут дамоклов меч: к выпивохам Игорь Олегович беспощаден. Разговор короткий: пьянка — «неполный ход», повторная — суд чести и документы на увольнение. Кстати, для себя Артыкбаев установил сухой закон. Это тоже сдерживает любителей зеленого змия.

Я НЕ СТАЛ СПРАШИВАТЬ, как учился он командовать людьми, сочетая строгость, выдержку и мудрость. Предвидел — ответит: с боевыми наставниками повезло. Вспоминаю о первых годах службы, не раз называл фамилии ротного, комбата, командира полка. Сейчас, по его словам, держит равнение на комдива: «Светлая голова, богатейший опыт, за каждым решением, приказом, требованием просматривается стройная, глубоко продуманная система, в которой нет места настроению, пристрастию, все подчинено главному — интересам дела».

Комбриг не знает, что примерно такими же штрихами набросал его, Игоря Артыкбаева, портрет в строгом служебном интерьере заместитель командира дивизии полковник Юрий Гмызин. Он же поведал мне пересказанную выше историю с болезнью, несколько раз повторив восхищенно: «Редкой пробы труженик...».

Таким помню его и я, с лейтенантской еще поры. Соседями были несколько лет: батальон алма-атинского конвойного полка, в котором Игорь стартовал замполитом роты, и редакция газеты регионального управления внутренних войск, где автор этих строк учился владеть журналистским пером, квартировали в одном здании. И хлеб-соль делили мы с Артыкбаевым в холостяцком общежитии. В общем, не с чужих слов знаю: такого, как он, за-

взятого службиста, неутомимого пахара среди офицерской молодежи в части не было. Во время усиления, итоговых проверок, ввода в строй новобранцев мог неделями не выходить из роты, где чувствовал себя как рыба в воде. Причем по собственному почину, без нажима «сверху». Сам диктовал себе напряженный распорядок. И в обычные, «мирные» будни работал на износ — от подъема до отбоя.

— Не тяжело вот так, изо дня в день? — спросил однажды Игоря. — Ведь никакой же личной жизни!

— Нормально. По мне — в самый раз.

Позже, немного повзрослев под офицерскими звездами, я пойму, где истоки его командирского рвения. Там, где встречаются, соединяясь в прочном сплаве, «надо», «хочу» и «нравится». Проще говоря, есть такая профессия — Родину защищать, и есть к ней призвание. Точка. Этим все сказано.

Помнится, сидели как-то мы за рюмкой чая в дружной офицерской компании, вспоминали курсантское житье-бытье. Один лейтенант, завладев нашим вниманием, начал травить прикольные байки о пьянках, самоволках, «дуэлях», с командирами и преподавателями. Народ от души веселился. Лишь Артыкбаев, покусывая сигаретный фильтр, хмурил брови. Потом не выдержал и перебил рассказчика злой репликой:

— Заливаешь ты, Валера, классно. Только знай, с подобных настроений и начинается разваливаться армия.

Уже тогда он терпеть не мог легковесного, насмешливого отношения к военному делу. Максимализм? Может быть. Но на таких вот максималистах Русь и войско ее держались и держатся.

И еще штришок к портрету Игоря Артыкбаева. Даже в отпуск в родной Усть-Каменогорск ездил с плановым караулом в спецвагоне. «Лишний раз службу проконтролирую. Чем плохо?», — упреждал подколки коллег железным аргументом.

По труду, как говорится, и честь. Год — замполитом, два — ротным (вывел подразделение в отличные), три — начальником штаба батальона: по тем временам — головокружительный рост. После окончания академии — заместитель командира полка, начальник штаба бригады, в 34 года назначен комб-

ригом. Звания «капитан» и «полковник» присвоены досрочно. Редкий офицер его возраста имеет такой послужной список.

Но говорить с Игорем Олеговичем об этом — пустое занятие. Скажет: «Самое важное для меня — чтобы работа с людьми приносила реальные плоды. Чтобы офицеры тебе верили, переживали вместе с тобой за состояние дел и несмотря на все трудности не снижали планку ответственности, требовательности к подчиненным».

Простая и ясная философия.

СФОРМУЛИРОВАННОЕ командиром моральное кредо и определяет микроклимат в бригаде. Сказано же: рать сильна воеводой. Не потому ли так спокойно чувствовал себя полковник Артыкбаев во время работы проверочной комиссии. Знал наверняка: часть не ударит в грязь лицом. И не ошибся. Зачет за полугодие экзаменуемые подразделения сдали на твердую четверку. Это без учета коэффициента трения, вызванного... Впрочем, судите сами.

Непреходящая головная боль всех офицеров — острейший дефицит активных штыков. Чтобы заткнуть зияющие бреши в боевых порядках, нужно пополнение численностью до батальона. Это сегодня, а в осенне-зимний период прошлого года после увольнения в запас двух призывов некоторые подразделения по три-четыре месяца охраняли объекты гарнизонным способом, не покидая караульных помещений. Солдаты в прямом смысле слова валились с ног от усталости. Чего это стоило комбригу, знает только он один. Его кабинет в то время напоминал КНП на передовой, разве что пули не свистели над крышей да снаряды поблизости не рвались. А сколько суток в «окопах» провел, оказывая помощь на местах, укрепляя боевой дух солдат и офицеров, сколько студеных ночей не доспал от неизбывной тревоги: как там на постах?.. А ведь еще необходимо было выполнить программу боевой подготовки, к проверочным занятиям готовиться. Наверстывали упущенное весной, с прибытием молодого пополнения. В темпе, по-фронтовому. И вновь комбригу ни сна, ни покоя. А тут еще из управления лесных исправительно-трудовых учреждений достают, требуют взять под охрану объект, закрытый по причине нехватки конвойных стра-

жей. Периметр ни много ни мало — шесть км. Присутствовал при разговоре полковника Артыкбаева с высоким начальством из сопредельного ведомства. Не всякий выдержал бы мощный прессинг генерала, «хозяина тайги». А Игорь Олегович, даром что молод, блеснув дипломатическим искусством, свел телефонный «поединок», вничью: коллег надо уважать, особенно когда им крупно задолжал.

Бригадный долг коммунальным службам УЛИТУ — 229 миллионов. Когда удастся оплатить счета, ведает, наверное, один Господь Бог. Казна части пуста. Офицерам постоянно задерживают выплату денежного довольствия. Поистине настоящая драма для командира. Люди работают не жалея себя, честно исполняют воинский долг, а держат их на положении государственных нищих. Спасибо, не ропщут офицеры и прапорщики, стойчески несут свой тяжкий крест, не сдают завоеванных позиций.

По итогам минувшего года бригада вошла в четверку сильнейших среди аналогичных частей. Совсем неплохо, если учесть, что лидеры дислоцированы в крупных промышленных центрах России. Думал: ну хоть на этом-то пункте в рассказе о победах и бедах своих подчиненных Игорь Олегович произнесет местоимение «я»: организовал... обеспечил... нацелил... мобилизовал. Иной командир на его месте солсьем бы заливался, рекламируя свой опыт. А он, хоть и впереди бригады всей, знай себе замов нахваливает: «Подполковник Медведев Александр Анатольевич — прекрасный организатор воспитательной работы, начштаба подполковник Куркин Анатолий Сергеевич — службист каких поискать, заместитель командира части полковник Пак Сергей Максимович — в прошлом командир лучшего в дивизии батальона, начальник тыла полковник Максимов Петр Васильевич — заботливый хозяин... Горы с такими, как они, можно свернуть».

Неспроста говорят: в армии хорошие полки — от полковников. А дивизии... Впрочем, не буду забегать вперед...

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ.

*Северо-Западный округ
внутренних войск МВД России.*

Частное мнение

*Надо говорить трусам, что они храбрые, если
желаем, чтобы они такими сделались.*

Наполеон.

БОЙ С ТЕНЬЮ

Размышления о морально-психологической подготовке

ОТ ЯДЕРНОГО УДАРА земля превратилась в огромное кострище. Лишь кое-где одиноко маячат обуглившиеся пни — жалкие остатки некогда могучих дубов. При полном снаряжении под раскаленным солнцем цепочка солдат передвигается по полю боя. Линия обороны противника старательно прилизана ударной волной. То там, то здесь виднеются присыпанные землей обгорелые руки и ноги, стоят изуродованные, с оплавленными боками танки и артиллерийские системы...

Нет, это не кадры ужасного боевика, и, к счастью, не хроника боевых действий третьей мировой войны. Даст Бог, разум убережет человечество от атомного безумия. Но именно на таком фоне, по мнению американских военных психологов, следует организовывать реальную боевую учебу, в ходе которой решаются вопросы морально-психологической подготовки солдат.

А мы, до недавнего времени представители и адепты самого справедливого в мире строя и гуманного общества, сколько себя помним с пеной у рта хаяли методу заграничных ястребов, отравляющих сознание солдатских масс, вырабатывающих у них качества, необходимые для ведения преступно агрессивной войны. Наверное, и по идеологическим соображениям все учебники военной психологии настоятельно рекомендовали: "Первостепенное значение для повышения психологической устойчивости и готовности к бою имеет формирование у воинов коммунистического мировозз-

рения, их идейная закалка. Поверьте, цитирую без капли сарказма. Действительность изобилует красноречивыми тому свидетельствами. Хрестоматийный пример: "за Родину, за Сталина!", поднимались в атаку, жертвуя собой, советские солдаты во время Великой Отечественной.

Но очевидцы утверждают и другое: при виде нового, ранее неизвестного и грозного оружия в условиях массированного применения артиллерии и авиации, когда земля смешивается с небом и горит металл, многие, увы, забывают о высокой идее, и даже самые убежденные атеисты вдруг осеняют себя крестным знамением, поднимая очи горе. Страшно, всем страшно. И это естественно.

Хотя нынешнее поколение и называют "воюющими детьми невоевавших отцов", нам, к счастью, не пришлось испытать ужасов атомного катаклизма. И пока представители Вооруженных Сил наносят на карты след радиоактивного облака и укрываются в бункерах от воображаемых ядерных взрывов, закаляя свою волю и психику, солдаты внутренних войск выполняют более прозаичные задачи: конвоирование осужденных, охрана судебных заседаний, совместное с милицией патрулирование городских улиц, обеспечение общественного порядка во время публичных мероприятий. Оперативные же части в одно мгновение могут быть выдернуты из привычного распорядка дня зычной командой "Сбор," и отправлены в любую точку страны для ликви-

дации массовых беспорядков в населенных пунктах и ИТК, освобождения заложников, ликвидации последствий аварий на охраняемых объектах и стихийных бедствий. Словом, это люди, которые выполняют повседневные задачи в обстановке, когда нужно рисковать жизнью, применять оружие против преступников и уклоняться от пуль бандитов.

Помнится, еще задолго до "поджога" горячих точек мне довелось выполнять задачу по охране общественного порядка на Тушинском аэродроме во время проведения рок-концерта. Ранее аналогичные представления проходили организованно и помпезно, а наше присутствие было чисто символическим: послушать музыку — одно удовольствие. Но на этот раз обстановка неожиданно накалилась. Прибыв как на парад, мы буквально через полчаса облачились в бронезилеты, каски и вооружились резиновыми палками. Еще бы, на огромной территории собралась многолюдная толпа: панки, рокеры и прочая "hipповая", и стриженная под "петуха", братия, к тому же изрядно подогретая и продолжающая сей небезалкогольный подогрев. В военных щедро летели пустые бутылки, разбивались о металлические шлемы на головах солдат. Одному бойцу осколком стекла порезало переносицу, другой едва увернулся от брошенного перочинного ножа. Мощные динамики рвали слуховые перепонки громовой музыкой. И тут я заметил, что рядовой Михинов, находящийся в войсковой цепочке, побледнел и замер, словно парализованный. Подменил его, отправив в тыл, а позже у медиков уточнил диагноз: ступорное состояние вследствие отрицательных психических явлений. Парень действительно был настолько эмоциональным, что происходящее произвело на него сильное отрицательное впечатление. Словом, оказался неподготовленным к действиям в подобной ситуации. А как же остальные? Поразмывлив, пришел к выводу: многие из тех, кто не отличался дотоле силой воли и крепостью характера, подавляли (или компенсировали?) возникающий у них страх повышенной агрессивностью, без разбору размахивая налево и направо резиновыми палками, что тоже вряд ли заслуживает похвалы — хрен редьки не слаще. Стало быть, к выполнению подобных задач людьми необходимо готовить. Недаром специалисты уверяют, что психологический фактор — серьезная поражающая сила, ведущая к потерям в сложной обстановке: человек физически здоров, но из-за психиче-

ской слабости разумно и взвешенно действовать не в состоянии. Короче: голова не варит, ноги не идут и руки не слушаются. Как же защититься от этого поражающего фактора?

Советские военные психологи считали, что, создавая искомый механизм защиты, находятся в более выгодных условиях по сравнению со своими зарубежными оппонентами, ибо имеют в арсенале мощную систему коммунистического воспитания и идейной закалки молодежи, которая позволяет качественно решать вопросы повышения психологической устойчивости в бою и воспитания готовности к самопожертвованию.

Английский военный журнал "Ройял юнайтед сервисиз инститьюшн" в семидесятые годы писал: "Прежде всего необходимо дать солдатам внутреннюю силу, которая поможет им преодолеть ужасы войны. Русский солдат обладает безграничной верой в коммунизм, в Россию и русский образ жизни. Он твердо знает, что единственным желанием его противника является уничтожение того, что ему дорого. Это неплохое кредо для солдата". Согласитесь, трудно заподозрить в лояльности к нашему строю в прошлом потенциального противника. Логичнее признать его правоту. Тем паче, что жизнь, к несчастью, устраивала и нам порой серьезные испытания, доказывающие обоснованность утверждений английских военных теоретиков.

Довелось и нам действовать в условиях радиоактивного заражения местности. Мирный атом, вышедший из-под контроля, принес беду на черномыльскую землю.

Народ отреагировал патриотическим порывом. Решимость и морально-психологическая готовность общества бороться с разбушевавшейся стихией были поистине фронтовыми. Каждый человек посчитал своим долгом внести весомый вклад в ликвидацию последствий аварии. Перечислялись деньги на счета, пороги военкоматов обивали добровольцы. И все же основная тяжесть работ (о чем и поньше известно не многим) по изоляции опасной зоны и поддержанию установленного режима выпала на долю военнослужащих внутренних войск. Вот лишь некоторые факты, скрупулезно собранные войсковыми журналистами. Читаем: "Когда произошла авария, коммунист Хрущев подал рапорт: „Прошу направить для прохождения дальнейшей службы в район Чернобыльской АЭС...“ Просьбу лейтенанта удовлетворили. Гордый оказанным доверием, он, как говорится, всего себя отдает делу". ...Сер-

жант Н. Найманов и рядовой Н. Медведев не были добровольцами, прибыли на АЭС в составе своих подразделений. Но к исполнению обязанностей относились добросовестно. В условиях повышенного уровня радиации на бронетранспортерах доставили десять караулов к месту несения службы и обратно... "Перед трудностями не пасуем!", - с пафосом тех времен писал в газете "По зову Родины" командир отдельного отделения сержант Я. Кузь. А что имеем сейчас.

Как-то в командировке в одной из частей попался мне на глаза любопытный документ - справка о морально-психологической готовности личного состава к выполнению задач по ликвидации последствий аварии на АЭС. Речь шла, по сути, о ситуации, аналогичной чернобыльской. Прошло-то всего-навсего восемь лет, а один из поражающих факторов - психологический - заявил о себе в полный голос. Казалось бы, каких разительных перемен достигли наши мораль и психология. А из опрошенных военнослужащих ни один (!) не выразил энтузиазма и стремления безоговорочно выполнить поставленную задачу, зато каждый пятый заявил, что он категорически против работы в радиоактивной зоне. Вот такой "прогресс". Как ни печально созвучать, но новаторский лозунг: "Если не я, то кто?", уступил место другому, базарно-рыночному: "А почему я?".

Журнал "Военная мысль", еще в период развитого социализма опубликовал несколько методик расчета психологических потерь в условиях применения ядерного оружия. В момент взрыва восемьдесят процентов личного состава выходит из строя, через тридцать минут боеспособность восстанавливается у семидесяти пяти процентов солдат, а к концу первых суток она вновь падает до сорока процентов. Столь резкое снижение психологи обосновывают вторичной психической нагрузкой. Неужто она и настигла нас аж через восемь лет после Чернобыля? Или этому феномену есть не столь наукообразное объяснение? Все военнослужащие аргументируют свои отказы главным образом опасением за здоровье при отсутствии надежных средств защиты. Плюс к тому - не верят официально установленным допустимым дозам облучения: видать, обожглись... На молоке ли?

Да, фактор времени сыграл свою роль, представилась роскошная возможность пораскинуть мозгами. Чтобы побережь их. Авось пригодятся когда.

А ведь прежде подобные аргументы в расчет не принимались. Попробуй

риски какой-нибудь коммунист не выполнит задание партии и правительства. Сразу же партбилет - на стол и на карьеру - жирный крест. Это было равносильно тому, что Родину предать. Однако после августа 91-го КПСС ушла с политической арены, а вместе с ней кануло в Лету и моральное давление на ее членов. Полная свобода личности, свобода не только от партийного, но и от служебного долга. И когда в очередной раз возникла нужда вывести личный состав на площадь, дабы разграничить оппозиционные группировки, лейтенанту Андрею Васюкову хватило рапорта "...отказываюсь выполнять задачи по политическим соображениям", чтобы быть уволенным из войск в течение суток. Осознали: морально-психологической настрой стремительно падает. И сразу же офицеры органов по работе с личным составом, спасая положение и самоутверждаясь в системе новых войсковых отношений, окунулись в солдатские массы для изучения общественного мнения и морального климата в коллективах. А что на выходе? Жизнь покажет. Установить диагноз - не главное, важнее поправить ситуацию.

ПОНЯТИЕ "морально-психологическое состояние", и ранее было в практике. Но употреблялось лишь в качестве вопроса командира своему заместителю по политчасти, за чем следовал дежурный ответ: "Удовлетворительное", (трудно представить, при каких обстоятельствах оно могло быть неудовлетворительным). И далее, успокоенный расплывчатой по существу оценкой, командир принимал решение. И этого в эпоху парадно-показушной службы хватало с лихвой. Только после того, как возросшая политическая и экстремистская активность граждан вынудила нас сменить фуражки на каски, парадные кители - на бронежилеты и "укараситься", не аксельбантами, а щитами и резиновыми палками, отцы-командиры серьезно задумались о морально-психологической подготовке. Куда деваться, если уже не мирные демонстранты с воздушными шариками и разноцветными флажками проходили между войсковых цепочек, а толпа с обнаженными древками знамен, арматурными прутьями и булыжниками штурмовала неподвижную стену военнослужащих. А коли прибавить к этому довлеющий дамокловым мечом "тбилисский синдром", (тоже своеобразная вторичная психическая нагрузка), остается только одно: ждать, у кого в противостоянии нервы окажутся покрепче.

Полностью снять психическую напряженность, возникающую в сложных условиях, на мой взгляд, невозможно, но снизить ее отрицательное воздействие, либо сделать так, чтобы она влияла мобилизующе-положительно — вполне реально: посредством целенаправленной программы обучения и воспитания солдат. И ныне никто не сомневается в настоятельной необходимости единой концепции морально-психологической подготовки, которой, увы, нет. И, пожалуй, никогда не было. Препятствие по ее организации, следует признать, носило декларативный характер. Предписывалось скрупулезно анализировать (не имея под рукой четких критериев оценки) и учитывать ее состояние. Само собой подразумевалось, что в ходе боевой учебы и воспитательной работы отдельные погрешности и изъяны сглаживаются «автоматично». А они, окажись, почему-то не сглаживались. Напротив — всячески препятствовали достижению поставленной цели.

Лучше поздно, чем никогда. Поняли — нужны объединенные в единую систему принципы подбора и комплектования спецподразделений и оперативных частей, программа организации боевой подготовки в условиях, приближенных к реальным, работа по повышению престижа службы во внутренних войсках, оценочного рейтинга ее общественной значимости. С чего начать? — извечный вопрос. Видимо, с последнего. Благо, уже есть солидный задел: нормативные акты, и, в частности, Закон о внутренних войсках разъясняют обывателю государственную важность задач, выполняемых силами правопорядка. Их элита — спецназ и оперативные части — вытеснили из сознания людей гипертрофированное представление о «тюремных» войсках, благодаря чему появилось немало желающих служить в подразделениях «краповых беретов». Серьезная заявка на то, что человек и морально, и физически, и психологически готов к единоборству с преступным миром.

Но этого мало. Отсутствует научно обоснованных тест-систем отбора держит командира в темной комнате, где ему предстоит отыскать черную кошку. И потому — у каждого свой маневр, апробированный по методу ненаучного тыка. Со стороны это напоминает пробежку по минному полю. И все же бой с тенью лучше, чем позорная сдача позиций.

Очевидный шаг вперед — создание в войсках службы психологического противодействия. Несколько смущает ее странное название — опять «против»,

а когда же «за»? Да и направленность весьма туманна.

Но это полбеды. Худо, что все опять отдается на откуп ротным и взводным, которые по своему усмотрению учат бойцов мужеству. Без единой концепции.

Безусловно, преодоление огненно-штормовой полосы, обкатка танками, метание боевых гранат многое дают солдату в плане его подготовки. Но как здесь соблести принцип обучения от простого к сложному, не выйти за рамки пределов человеческих возможностей, насколько допустимо рисковать в учебных целях? Вопросы, вопросы...

Характерное обстоятельство: с каким остервенением когда-то охаивали западную методику, с таким же упоением сегодня примеряем ее на себя. Система воспитания мужества напрокат, да и только. Один командир взвода, насмотревшись американских боевиков, наносит на лица своих воинов боевую раскраску, полагая, что это поднимает их моральный дух. У другого на маршброске подчиненные скандируют: «Мы — спецназ, нас не победить!», пока не натыкаются на проверяющего, который устраивает офицеру разнос за самодеятельность: «Прекратите культивировать превосходство над другими подразделениями».

Адмирал С. Макаров в свое время говорил: «Бодрость духа... по преимуществу находится в руках строевых чинов, а потому изучение способов, как достигнуть успеха в этом направлении, составляет их прямую обязанность». Если верить адмиралу — прав лейтенант, как, впрочем, и тот командир роты спецназа, который разрешил в качестве наказания применять физические упражнения. Нарушил — упор лежа принять, и вперед — отжиматься до изнеможения. А почему бы нет, объясняет офицер, ведь в армии США так и растят суперменов. «Мы не в Штатах», — резонно замечает ему командир полка и требует прекратить порочную практику, смахивающую на неуставные взаимоотношения. «Есть», — отвечает ротный и... продолжает в том же духе. «Откуда такое пренебрежение к воинскому порядку?» — спрашивает его. «Не сегодня-завтра окажемся в горячий точке», — отвечает капитан, — и, возможно, с этими ребятами мне придется идти в бой. Нужен успех, а не потери. Да и солдаты не в обиде, воспринимают это не как унижение, а как учебу. Ну не знаю я иного способа воспитать у них мгновенную реакцию, безоговорочное подчинение и готов-

ность ежесекундно включиться в силовое единоборство”.

Охотно верю. Никто не хочет, да и не может аргументированно объяснить капитанам и лейтенантам, почему так делать нельзя. И уж, конечно, нет желающих взять на себя смелость и дать зеленый свет “новациям”, в стиле а-ля Штаты. Да и стоит ли изобретать велосипед. Что, если просто собраться и поработать профессиональным психологам, изучить зарубежную систему подготовки и высказать свое компетентное мнение: берем — не берем на вооружение. Потому как отдельные ее элементы, подсмотренные лейтенантами в видеофильмах и внедряемые в учебу, не дают желаемого результата. Напротив, извращают нашу и без того примитивную методику.

Настораживает и другое. Офицеры — люди зрелые, трезвомыслящие, понимающие, как не унизить чувство собственного достоинства бойцов, не допустить травмы, увечья. Но ведь отсутствие единой концепции морально-психологической подготовки, случается, приводит к тому, что в солдатской среде спонтанно возникают различные способы: проверки на прочность, к сожалению, отнюдь не безопасные для здоровья. Нет, не как следствие убежденности, а как проявление убежденности, что это действительно необходимо там, в стреляющих регионах.

Когда я призывался на срочную службу, мои сверстники валом валили в десант. В кулуарах военкоматов всюду травили байки о том, как происходит отбор. Дескать, посылают призывника в такой-то кабинет. Он открывает дверь — темно. Делает несколько шагов и падает... на батут, этажом ниже. Тут же включается свет, подскакивают люди в белых халатах и далее — по схеме: кровь на анализ, пульс, давление, частота дыхания, общее состояние. Лихо, правда? Теперь о том, как организованы немудреные солдатские экзамены в спецназе. Я осмелюсь рассказать о них только потому, что знаю: офицеры этого подразделения нынче полностью владеют обстановкой и пресекают всяческий беспредел, нагружая бойцов узаконенными приемами, предоставляя им условия для самоутверждения и реализации своих потенциальных возможностей.

А бывало и такое: брали два оголенных провода под напряжением 220 вольт, для пущей убедительности подключали лампочку и предлагали будущему “кrapовому берету”, прикоснуться к ним голыми руками, предварительно незаметно обесточив. Полагали: опасно для жизни, но если потребуется для

пользы дела — сможет или струсит? Представьте, каких усилий стоило претенденту на соискание кrapового берета взяться за тонкие металлические нити? Но если он на это решался, победа над собой была адекватна личной и всеобщей вере в его мужество.

Или еще: из центра комнаты на третьем этаже здания в учебном городке без информации о том, что происходит снаружи, необходимо быстро подбежать и, не раздумывая, выпрыгнуть в окно. Только потом выяснится, что внизу стоят четыре человека с натянутой плащ-палаткой. Негуманно? Верно. Рисованно? Конечно. Но эффективно и поучительно.

Не мной подмечено: жесткость к себе — путь к совершенству. А вот ситуация, в которой оказался сержант Винокуров в спецкомандировке — это действительно варварство. Его на виду у глазющей толпы, блокирующей бронетранспортер, облили бензином и грозили поджечь. Парень повел себя достойно, не начал косить людей из автомата, не запаниковал. Помогли хладнокровие и выдержка, высокая психологическая устойчивость, приобретенные в ходе тренировок. Уж не знаю, обрадую или разочарую читателя откровением сержанта, но именно занятиям по “солдатской методике”, благодарен он за бойцовскую закалку.

Нет, я, разумеется, не призываю сейчас всех подряд хвататься за оголенные провода и без разбору сгитар с третьего этажа, поскольку сам не одобряю такой самодельности. Если не предусмотрены вопросы страховки, а вместо надежной материальной базы — подручные средства, и сама организация — экспромт и сплошная импровизация — недалеко до беды. И все же результат подкупает. Посему и бездумно отвергать все и вся тоже не хочу.

Но призадумаемся, уважаемые военные психологи и товарищи командиры: не нам ли перчатка брошена? Для того чтобы там, в экстремальных условиях, выжить, а здесь — выполнить нами же созданные директивы, солдат вынужден изобретать изощренные методы и нешуточно рисковать. Не директивной же вооружаться, отправляясь в спецкомандировку?! Парадокс: “верхи”, требуют результатов, “низы”, — желают учиться. Как воздух нужен алгоритм мужества. Но кто заполнит образовавшийся между ними вакуум, предложит научно обоснованную концепцию и решится внедрить в систему подготовки единую методику? Кто? И тишина...

Майор И. МУЧАК.

Есть вопросы

КЛЮЧИ С ПРАВОМ ПЕРЕДАЧИ

Концепция развития внутренних войск МВД России, еще вчера имевшая форму схематичного плана, постепенно воплощается в жизнь. О некоторых проблемах реформирования и его влиянии на качество и надежность охраны объектов ИТУ наш корреспондент подполковник А.УШАР беседует с начальником исправительно-трудовой колонии строгого режима майором внутренней службы Л.ГРОБИВКИНЫМ.

— Леонид Борисович, прошло, наверно, уже достаточно времени, чтобы понять, какие позитивные перемены в функционировании ИТК произошли после передачи контролеров в ГУИН?

— Думаю, что буду субъективен в своих оценках.

— И все же?

— Так уж удачно сложилась моя судьба, что на каком бы участке я ни работал, у меня всегда завязывались тесные, добрые взаимоотношения с людьми военными. Может быть, поэтому и не сталкивался никогда с проблемами, возникающими в результате, скажем условно, двойного в прошлом подчинения контролеров: не знаю, хорошо это или плохо и укладывается ли в прокрустово ложе официального мнения. Правда, слышал порой от своих коллег из других колоний, как, мол, было бы просто решать все вопросы, повинуйся контролеры только начальникам ИТК. Не понимая выгоды, переспрашивал, пытался вникнуть в суть сбивчивых объяснений, касавшихся в основном частностей, мелких неурядиц. И, признаюсь, втайне радовался, что Бог милował. Но вот свершилось — передали. Недаром говорят: пока зубы не заноят — не вспомнишь, что ты зубастый. И, если вы не возражаете,

о плюсах переподчинения я расскажу чуть позже. А сейчас — о минусах.

— Хочется верить, что последних гораздо меньше.

— Вы правы — хочется. Да пока не верится. И так, первая потеря: дисциплинированность контролеров снизилась, что вполне очевидно (достаточно взглянуть на внешний вид некоторых из них) и в общем-то объяснимо. Жесткие каноны воинской жизни, уставная регламентация, логически стройная система контроля, наконец, сознание того, что ты — не на работе, а на воинской службе состоишь, — все это и многое другое держало контролеров, как говорится, в форме.

— Прошу прощения, Леонид Борисович, но, может, эта, как вы выразились, потеря — итог вашей же недоработки, а не следствие перемены места постоянной дислокации людей?

— Не стану спорить. Но согласитесь и вы: мы не в силах создать у себя ту особенную войсковую атмосферу, сам воздух которой насыщен уставными заповедями. Хочешь выжить — дыши, впитывая в кровь вместе с кислородом армейские правила. Не хочешь дышать — не выживешь. Далее: трудно сравнить прежний уровень служебной подготовки контролеров с нынешним. Тут я уже своих проколов не признаю, делаем все от нас зависящее. А то, что планка обученности, мягко говоря, не поднимается, — наша беда, а не вина. Ну кто в администрации колонии сумеет потягаться с командирами рот и взводов в организации боевой подготовки?

— Выходит, вы не располагаете ни возможностями, ни специалистами, способными впрячься в повозку учебного процесса и уверенно потянуть ее за собой?

— Суть, пожалуй, даже не в этом. Понимаете, в войсках контролеры за-

нимались планово, по программе, проверенной годами, с использованием учебно-материальной базы. У нас же до сих пор все нормативные документы еще апробируются, находясь на стадии эксперимента. Нет, недостатка в методических рекомендациях мы не испытываем. Однако результаты пока неважные. Разумеется, это естественный процесс, новые сапоги всегда жмут, и со временем, вероятно, проблема будет решена.

— **Не сразу Москва строилась. В войсках тоже когда-то начинали с нуля.**

— Слабое утешение. К примеру, мы абсолютно не в состоянии заниматься огневой подготовкой: нет ни стрельбища, ни автоматов.

— **А нужна ли контролерам огневая выучка? Ведь им и раньше только на занятиях приходилось держать в руках оружие.**

— Однозначно — да. Нельзя жить одним днем, сегодняшним. Обстановка может круто измениться в любую минуту. Не исключено, что вдруг возникнет острая необходимость, допустим, поставить контролера на наблюдательную вышку с автоматом. А он, не приведи Господь, по меньшей мере лет десять, а то и вовсе, если молодой, его в глаза не видел живьем. Ну как такой человек обеспечит надежность охраны на своем участке? Вот на чем базируется моя уверенность, что и огневая, и физическая, и другие виды служебной подготовки контролерам нужны.

— **Леонид Борисович, насколько я помню, вы хотели сказать несколько слов и о положительных аспектах переподчинения.**

— Безусловно, легче стало регулировать нагрузку в зависимости от обстановки на объекте и в целом управлять людьми.

— **В основном — для вас, а что получили контролеры?**

— Думаю, столь же мало, сколь и потеряли: их положение не изменилось. В лучшую сторону. Скорее, наоборот.

— **То есть?**

— Я имею в виду хронические задержки заработной платы, нехарактерные для войск. И за примером здесь далеко ходить не надо: последнюю полную получку мы видели три месяца тому назад. Даже если бы цены остались прежними, обеспечить семью самым насущным было бы непросто, а они, к сожалению, подскочили.

— **Как следствие — текучка кадров?**

— Еще не очень заметная, но уже в достаточной степени тревожащая нас.

— **Накауне передачи вам не слышком-то молодого пополнения мне не раз приходилось слышать суждения офицеров о том, что сосредоточение полной власти над всеми людьми**

ми в колонии в руках начальника ИТК — предпосылка абсолютно беспредела. Дескать, абсолютно замкнутая система, где хозяин — барин...

— И что хочу — то и ворочу, не так ли? Наивно полагать, что нахождение контролеров в войсковом строю — мощная и непреодолимая преграда для нечистоплотного руководителя, в стиле работы которого — вседозволенность, самоуправство и иные злоупотребления властью. И вы, и я наверняка сталкивались с подобными фактами из «колониальной» жизни. А уж сколько писали об этом газеты и журналы лет пять-семь назад — пропасть публикаций. Контролеры практически не мешали начальникам, культивирующим авторитарность и практикующим диктаторские замашки. Стало быть, все пророчества (и прошлые, и нынешние) неизбежности грядущего беспредела беспочвенны. Ситуация за колючей проволокой зависит не от двойного подчинения той или иной категории работников, а от того, что осужденные, на мой взгляд, довольно емко и метко окрестили словом «постановка».

— **Переведите, пожалуйста, на русский.**

— Не так-то просто. Это и уклад жизни, и горизонтально-вертикальные взаимоотношения, и господствующие тенденции...

— **И общественный строй?**

— В широком смысле — да. Когда прекрасные деловые и дружеские контакты администрации с военнослужащими, как, например, у нас, — неотъемлемые атрибуты постановки, имеет ли большое значение, кому подчинены контролеры? Убежден — нет. Поверьте, неважно, кто ими командует, главное — чтобы дело не страдало. Я не удивил вас своим, как и предупреждал, субъективным восприятием действительности?

— **Что вы, напротив. Думаю, это куда интереснее и мне, и, надеюсь, читателям журнала, чем безапелляционный официоз. Немного изменим тему беседы. В подразделениях, охраняющих ИТК, все больше и больше становится контрактников. Ни для кого не секрет, что передача этого, очередного ключа в ваши руки — не за горами...**

— Вот что меня и впрямь нешуточно пугает.

— **Неужели?**

— Возможно, пока. Ведь говорят же: не так страшен черт, как его малюют. Мне довелось пару лет поработать в следственном изоляторе, поэтому содержательную сторону охраны объекта изучил неплохо. Во всяком случае настолько, чтобы не разделять вздохов облегчения некоторых своих коллег — начальников колоний: мол, дождался светлого часа, теперь наконец все будет мое. Воспринимать передачу

контрактников администрации ИТК как манну небесную — по меньшей мере наивно. И вообще, по-моему, сосредоточение функций охраны и надзора в одних руках — опасно и чревато нежелательными последствиями.

Поясню на примере. Сегодня у меня на службу не вышло три контролера — кто по болезни, кто по семейным обстоятельствам, а кто и — еще точно не знаю — по неуважительной причине. Не в этом дело. Факт: не вышли. Не исключено, что также не выйдут и контрактники — живые люди. И я начну думать: перекрывать мне в светлое время кем-либо другим наблюдательную вышку или уж не суетиться? Подумаешь — несколько часов, тем более днем. Сойдет и так. Все, считайте, что начальник колонии пошел с самим собой на компромисс. Прецедент создан. Завтра я приму аналогичное решение уже гораздо легче, без особых угрызений совести. И одному Богу известно, чем все закончится. Ныне же я обладаю счастливой возможностью не думать над тем, какие силы ротный расставит по периметру зоны. Это его головная боль. Зато уверен на сто процентов: он скорее сам заступит на пост, чем оголит участок.

Другой немаловажный аспект — сохранность материально-технических ценностей. Если на КПП и КТП по ту и эту сторону «колючки», у меня будут свои — я лишусь спокойного сна напрочь. Люди всякие бывают. Один, увидев нечто существенное, но «плохо лежащее», положит лучше и правильнее, чтобы целее было. Другой же взвалит на плечо и понесет. Сейчас он дальше ворот вряд ли утащит этот «дар судьбы»; поди объясни служивым, что по чем! Завтра же, глядишь, со своим же другом — колониистским контрактником из охраны, неровен час, и договорится. Ладно, если бездельцу какую умыкнут (хотя тоже не ладно), а коли решатся играть по-крупному, не размениваясь на пустяки? Да и кто даст мне гарантию, что мои «свои», не выпустят на свободу осужденного за приличную мзду, находясь в доле?

— Ну зачем же видеть везде только плохое, Леонид Борисович? Попадаются, разумеется, и нечистоплотные люди, но в большинстве своем...

— Начальник колонии должен думать обо всем (сегодня обо всем, кроме охраны, а завтра и о ней тоже). А уж о недопустимости нарушения законности и злоупотреблений служебным положением подчиненными — в первую голову: чай, не цветы выращиваем — преступников содержим. У меня только рецидивистов не менее трехсот!

— И что, лишь часовые-военнослужащие удерживают вас от компромиссов с собой?

— Компромисс компромиссу рознь. В вопросах охраны они немислимы. Но,

повторяю, увы, реальны при концентрации управления под одной крышей. Если приведенный пример вас не убедил, предлагаю другой, с пылу, с жару. Пару часов назад, приехав в колонию, я увидел, что не мешало бы очистить подъездные пути к воротам ИТК. Выходит, нужен хороший тракторист-бесконвойник. Где взять? Неоткуда. И я вынужден был связаться с руководством воинской части, оформить соответствующим образом бумаги для того, чтобы вывести осужденного под усиленной охраной для очистки дороги. Это, конечно, потребовало некоторых затрат времени, но вы наверняка заметили трактор у ворот? Работает! И я спокоен: бойцы за преступником глядят в оба.

Теперь представьте, что «все вокруг колхозное, все вокруг мое». Подниму телефонную трубку: «Слушай, там дорожку почистить надо. Подыщи спеца да приставь к нему кого-нибудь». Зек съедет на трактор и уедет. Хорошо, если контрактника с собой не прихватит.

— Не знаю, мне кажется, вы намеренно сгущаете краски и ведете речь только о ложке дегтя, упорно не замечая целой бочки меда. Возьмите ваш последний эпизод, но без совершенно нехарактерной, нетипичной развязки. Сами же говорите — сколько времени и сил напрасно потеряли, пока переговорили с руководством части, подготовили необходимые заявки. Ну зачем вам эта бюрократия?

— А что в ней плохого?

— Как же?!

— Очень просто. В последние годы мы пересмотрели свое отношение ко многим понятиям, кроме этого. И зря. На мой взгляд, именно благодаря тому, что вы называете бюрократией, в нашей пенитенциарной системе относителен порядок. Власть бумаги в деле противостояния преступности — лучше полного безвластия и анархии, так же как и множественность инстанций — своеобразная иерархическая лестница — желательнее самоуправления и беспредела. Кто такой бюрократ? Дословно — столоничальник, государственный служащий, облеченный властью. И все. Остальные нюансы привнесены господствующей долгое время идеологией для создания образа буржуазного, капиталистического клерка, от которого советский чиновник (словечко, между прочим, с душком, а ведь это — человек, имеющий чин, и не более) в корне отличается порядочностью, чуткостью и вниманием. Вот вы уже и улыбаетесь. Напрасно. Перед вами — самый обыкновенный бюрократ, считающий: если дело касается надежности охраны, правильнее раз-другой позвонить и исписать несколько листов бумаги, чем просто дать команду по телефону.

— Леонид Борисович, а может, ваши, прямо скажем, негативные ассоциации, связанные с предстоящим переходом охраны ИТХ в компетенцию ГУИНа, — следствие слабой осведомленности, нечеткого представления о том, как же все-таки надлежит строить деятельность колоний в новых условиях?

— Может быть. Я, как, впрочем, и многие другие, действительно плохо информирован о грядущих изменениях. Такова уж психология «совка»: он привык, что о хорошем его предупредают заранее и конкретно. Было время — указали дату вхождения в коммунизм. Жаль, промахнулись. Помню, высочайшим вердиктом объявили, что через пятнадцать лет каждая семья получит отдельную благоустроенную квартиру... Эту бы не отобрали какие-нибудь суперприватизаторы. Потом за 500 дней «до того, как», сообщили, что жить станет лучше и, естественно, веселее. Действительно обхохочешься. Неприятности же, как и кирпичи, падают на голову неожиданно.

— Вы пессимист, Леонид Борисович.

— Я реалист.

— Тогда, исходя из вашего опыта, должны готовиться сани летом: перестраивать караульное помещение, оборудовать в нем комнату для хранения оружия, кухню...

— Делаем уже. Более того, прикидываем способы и примерные графики несения службы. Думаем о том, кто у нас будет возглавлять караулы (убежден, что начкар — ключевое, главное лицо в охране, а где их взять?). И о том, кого в них назначить.

— Что вы имеете в виду? Людей же вам передадут, на тарелочке с голубой каемочкой.

— Спасибо. А чем я их удержу? Вы полагаете, они не знают, что у нас зарплату дают раз в квартал? Знают превосходно. Выходит, правительству нужно срочно, аврально изыскивать средства для обеспечения нормального функционирования колоний. Не та это сфера деятельности, о которой можно безболезненно и безбоязненно забыть. Нельзя шутить с огнем и передавать нам тех же контрактников, не отрегулировав механизм финансирования. Вон, на днях забастовали почти все сотрудники ИТК неподалеку отсюда, и старые, и новые, то бишь контролеры. Потребовали немедленно выдать им зарплату и не вышли на работу, оставив колонию на попечение служивых. А что охране? Стоят солдатухи будто ничего не произошло. Как и предписано Конституцией и целым пакетом законов о военной службе и воинской обязанности. И деньги получают вовремя. Хоть и чужие люди, а... родные. Свои бы, примкнув к остальным бастующим, ушли с постов — и ворота настежь. Представляете?

— Не очень.

— Вот и я тоже. Для внутренних войск, согласен, главное сейчас — переход на контрактный способ комплектования. У исправительно-трудовых колоний — другая задача: выжить в жутких рыночных условиях и, если не развить, то хотя бы сохранить производство. Все прочее — неактуально и лишь мешает выдерживать генеральную линию.

— Спасибо за откровенность.

Комментарий отдела войсковой жизни редакции

Древний мудрец заметил: одно несомненно, что нет ничего несомненного. Воистину так. Любые новации, за редким исключением, пробивают себе дорогу с трудом, продираясь сквозь тернии, преодолевая скепсис и недоверие окружающих, постоянно доказывая свое право на существование. Вероятно, это естественный процесс. Во всяком случае настолько же закономерный и объективный, как и переход внутренних войск на контрактный способ комплектования и передача функций охраны осужденных в ведение ГУИНа. Судите сами: ни в одном цивилизованном государстве молодым парням, еще вчера сидевшим за школьными партами и думающим, «делать жизнь с кого», не поручают охрану матерых преступников. Ибо понимают: соседство с последними пагубно влияет на неокрепшую психику и несформировавшееся мировоззрение ребят, что, увы, не раз убедительно подтверждала войсковая практика. Безусловно, не все пока идет гладко, что называется, без сучка и задоринки. Проблем хватает, трудностей хоть отбавляй. И говорить о них в полный голос можно и должно — с этой точки зрения беседа майора внутренней службы Л.Гробишкина с корреспондентом журнала, разумеется, полезна и конструктивна.

Важно осознать: для того чтобы считать себя полноправным членом мирового сообщества, наше государство и его правительство просто обязаны осуществить эту действительно гуманную реформу. Не только в целях упорядочения служебно-боевой деятельности внутренних войск и оптимизации исправительно-трудовой политики, но главным образом в интересах будущих поколений россиян.

Фото на обложке

ЗА КРАПОВЫЙ БЕРЕТ

Что такое краповый берет спецназовца внутренних войск? Форменный головной убор? Да, так. Но, сказав о нем только это, мы не скажем ничего. Берет для бойца спецназа — то же самое, что для части — Знамя. Это святыня!

Десантники и морские пехотинцы тоже носят береты — голубые и черные, но они их получают на складе вещевого имущества вместе с тельняшками, брюками и прочим обмундированием. А спецназовцу войск правопорядка краповый берет вручают перед строем командир после сложнейшего экзамена...

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! Кто из вас хочет, чтобы ему били по физиономии? В буквальном смысле. До синяков и до крови. Значит, нет желающих? Признаюсь: я тоже к их числу не принадлежу. А жаль! Да, жаль, что мне слабо встать рядом с теми парнями, о которых сейчас пойдет речь, рядом с офицерами спецназа. Нет, я не трус и даже не боюсь, просто реально оцениваю свои возможности. Вот среди спецназовцев частенько находятся такие, кто готов испортить себе цвет лица из желания испытать себя, дока-

зать, что ты не слабей товарищей и в крутой ситуации на тебя можно положиться. Ну а если это не просто тренировка, а экзамен на право носить святыню спецназа — краповый берет, то тут себя не жалеют, выкладываются на все сто.

УЧЕБНЫЙ ДЕНЬ, когда был снят этот фоторепортаж, для офицеров-спецназовцев, прибывших на сборы в Отдельную дивизию оперативного назначения внутренних войск МВД России, начался с построения. К ним обратился Герой России полковник Сергей Иванович Лысюк. Он просто спросил:

— Среди тех, кто еще не имеет берета, есть готовые сдать сегодня экзамен?

Поднялось три руки.

— Значит так, — заключил Лысюк, — кросс бегут все. Претенденты — в полной экипировке, остальные — налегке. После кросса с ходу преодолеваем огненно-штурмовую полосу. Потом пять минут передышки и — рукопашный бой.

Когда полковник Лысюк скомандовал бегом, если они есть, выйти из строя, любимец отряда пес Дар, тоже стоявший в строю, побежал на левый фланг. Его опекун и воспитатель старший лейтенант, за спиной которого

можно спрятать трехстворчатый шкаф, возмущенно крикнул:

— Эй, сачок! Ты куда?

Пес вернулся, сел у ног благодетеля, виновато заглядывая ему в глаза, дескать, извини, брат, промашка вышла. Кросс он пробежал вместе со всеми, как дай Бог каждому.

Но на дистанции всех удивил не Дар, а майор Владимир Медведев, один из экзаменовавшейся тройцы. Вот как о его забеге рассказывал лейтенант, выполнявший на кроссе роль проводника для приезжих коллег.

— Я сначала решил не сильно напрягаться, а этот маленький как врзал! Смотрю — из-под бронезилета только каблук мелькают. Ё-мое, думаю, так и жене на сапоги не заработаешь! Я — за ним. А он еще надал. Дар на четырех лапах бежал и то язык высунул, а мужик все чешет и чешет. Сам — как заводной и всех завел.

Но не все было так легко. Когда Медведев после двенадцатикилометрового кросса на сильно пересеченной местности, преодоления огненно-штурмовой полосы и спуска по стене пятиэтажки снял бронезилет, на его куртке сухими оставались только рукава.

Но на этом подвиги его не кончились. В рукопашном бою майор снискал симпатии всех присутствовавших и не столько мастерством, сколько напором, характером. Как его молотили! Не приведи Бог, не стойкому человеку. А он пер вперед, в атаку, подбадриваемый криками зрителей, а зрители-то не кто-нибудь — профессионалы, видевшие и сами проводившие таких боев без счета. Но тут и они завелись. Друзья кричат: "Володя, давай!". Незнакомые — в унисон: "Малыш, молодец!".

Двое других соискателей крапового берета, старший лейтенант Олег Корнеев и лейтенант Рауф Идрисов, тоже держались достойно. Досталось им, конечно, не слабо. Как сказал полковник Лысюк, на экзамене надо получить, чтобы и характер испытать, и урок преподать, показать слабые места в защите, а кого-то, может, и от зазнайства полечить.

В тот день все трое испытуемых экзамен выдержали. Получая из рук полковника берет, каждый из них опускался на одно колено, целовал завоеванную святыню, затем поднимался, на-

девал берет и, приложив к нему ладонь, рапортовал:

— Служу России!

Потом их всей толпой обнимали, поздравляли, похлопывали по плечам. Когда и эта церемония осталась позади, Владимир Медведев, шатаясь от усталости, двинулся к указанному месту показательных занятий и по пути буквально натолкнулся на полковника Лысюка. Сергей Иванович пожал его руку и сказал:

— Брат, я горжусь тобой! Ты настоящий боец!

И тут произошло то, чего я не забуду до гробовой доски. Вспухшее, в кровотоках ссадиная лицо озарилось такой счастливой улыбкой, какой я не видел ни у кого, ну, разве что у Гагарина на всему миру известной фотографии. Жаль, заснять не успел, слишком мимолетным было это видение. Больно улыбаться разбитыми губами.

СПЕЦНАЗОВСКИЙ ЭКЗАМЕН — дело не двух-трех часов. К нему идут долго и трудно. Через ежедневные изматывающие тренировки, через горячие точки, боевые операции, через истеричные воли политиканствующих хулителей. Спецназ — это не профессия, это образ жизни, судьба. Завидная со стороны, со зрительских скамеек и ох до чего тяжелая изнутри.

Подполковник Б. БУЯГАКОВ.

Фото автора.

Учебный центр

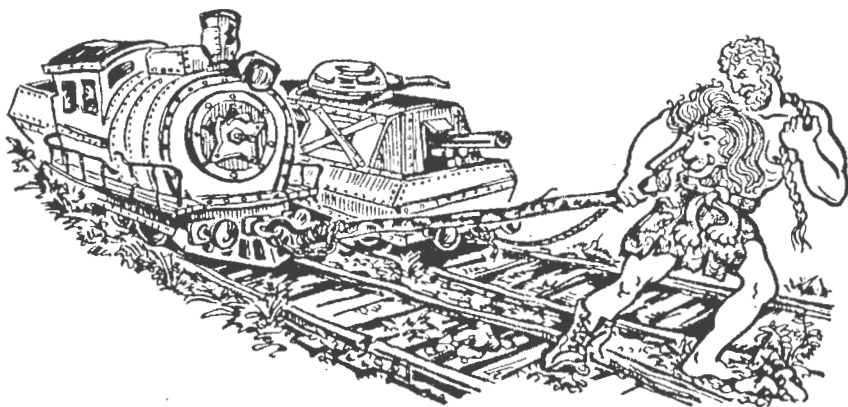
*Отдельной дивизии оперативного назначения
внутренних войск МВД России.*

301

Грустный фельетон

*Того, кто умер, к жизни нелегко вернуть.
Сенека.*

"...БРОНЕПОЕЗД СТОИТ НА ЗАПАСНОМ ПУТИ";

или Тринадцатый подвиг Геракла

ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ СМЕНЯЛИ друг друга удручающе монотонно и однообразно. Что было пороками – постепенно становилось нравами. Абсурдные идеи возводились в абсолюты. Незыблемые догмы и каноны тлели, превращаясь в пыль истории. Но что время для бессмертного героя? Абстрактная категория, не более. Геракл, сын Алкмены, жил в Фивах тихо и размеренно, не корысти для, а в угоду моде возглавляя скромную компанию «НАФИГ», (Наземная акционерная фирма имени Геракла) и неспешно работая над мифической эпопеей «В жизни всегда есть место подвигу». Он уже дописывал заключительную главу очередного тома под названием «Свято место пусто не бывает», когда внезапно по темечку его ощутили шибануло молнией. Стало быть, могучий Зевс-отец призывает, потирая слегка обожженную тыковку,

смекнул Геракл. И, не дожидаясь вторичного приглашения (больно все-таки), тут же явился пред грозные очи великого родителя и преклонил колено.

У ног царя богов возлежал Гермес, юноша с крыльшками на круглой шапке и на задниках легких сандалий, и, нервно покусывая губу, наблюдал за страданиями просто Марии на экране портативного японского телевизора.

– Сын мой, – прогремел Зевс хорошо поставленным командным голосом, – настал час очередного подвига, ибо неблагодарное человечество уже порядком подзабыло прежние твои славные деяния, а праздность порождает в душе неуверенность. Но предупреждаю: битвы с Лернейской Гидрой и Стимфальскими птицами – детские забавы в сравнении с тем, что тебе предстоит испытать.

– Твое слово – закон, о могущественнейший!

— А велю я перегнать бронепоезда внутренних войск МВД России с Дальнего Востока в твои родные Фивы.

— Зачем же? — любопытствовал малость ошарашенный Геракл, с опаской взирая на гриву синих молний над головой Зевса.

— Так надо! — веско аргументировал свой ответ хозяин Олимпа, из чего герой заключил, что и на этот раз, как и прежде, без козней коварной богини Атэ не обошлось. — Отправляйся немедленно.

— Кем же назовусь я воителям, отец?

— Нет проблем, брат мой, — вмешался Гермес, отвлекшись от действия. — Ведомо мне, что в войсках набирают ныне наемников, заботясь не столь об их добродетелях, сколь о количестве. Подчас гребут всех подряд и кого попало. Так что тебя-то уж точно возьмут, — и улыбнулся. Поди разберись — польстил или подначил?

Облачившись в камуфлированную для конспирации шкуру Немейского льва, Геракл первым же рейсом вылетел на восточную окраину неведомой ему России. В пути полистал кое-какие справочники и выяснил, что первые бронепоезда появились аж в середине XIX века в США, на Руси — в годы первой мировой войны. Энциклопедический словарь скупо сообщал о них как о чем-то давно забытом, канувшем, словно динозавры, в Лету.

— Клянусь Зевсом, так долго не живу! — в сердцах воскликнул герой.

И ошибся.

... К командиру отдельного дивизиона бронепоездов внутренних войск подполковнику Владимиру Ивановичу Краснопольскому Геракл явился под видом контрактника, как и советовал Гермес. Поскольку он оказался первым и, возможно, последним добровольцем, изъявившим желание послужить в этой глубинно-реликтовой части, офицер, с восхищением глядя на могучие бицепсы новобранца, тут же поставил его на все виды довольствия. Тем паче ставить-то особо было не на что: бронепоезда нигде не проходят по нормам положенности, а стало быть, практически ничем и не обеспечиваются. Так, по мелочевке разве.

ГЕРАКЛ НЕ ЗНАЛ, да и не мог знать, что командир с завидной пунктуальностью педанта регулярно подает заявки на горюче-смазочные материалы, запчасти, спецодежду, средства на техобслуживание и многое другое. С подобным успехом он мог бы стучать лбом о десятисантиметровую броню

своих "коробочек". Лица ответственные из окружного управления материально-технического и военного снабжения не скрывают улыбок, шутку, дескать, вам, представителям славного исторического прошлого, полагаются лишь кожанки да красные революционные шаровары. Но, к сожалению, не дают ни того, ни другого. Правда, примерно раз в три года выделяют краску и солидол для косметического ремонта и маскировки царапин времени, отчего боевые и технические качества бронепоездов, естественно, не улучшаются. Горючка? Исключительно НЗ на случай, не приведи Господь, военных действий, дабы с места тронуться. Остальное придется с боями добывать у противника. Впрочем, как тронуться, если не только зенитчиков и радистов, но и машинистов нет. Вообще. И танкистов — раз-два и обчелся. Не случайно же командира сотоварищи и знакомые в шутку называют директором музея.

Поведай об этом Владимир Иванович волонтеру, крепко бы пригорюнился Геракл, уразумев, насколько осложняется предстоящий подвиг: тут не только до Фив — до Байкала не дотянешь. Но подполковник деликатно промолчал, посчитав, что не всякое знание — сила. С их проблемами и полубогу не управиться. Вот даже боевую подготовку приходится организовывать по блату на матбазе соседней-армейцев.

— Квартируете-то где, Геракл Зевсович? — поинтересовался командир. — У нас, понимаете ли, с жильем туговато. Можно сказать, бедствуем.

— Непривередлив, — уклончиво ответил герой, с тоской подумав о роскошном дворце своего отчима Амфитриона.

— Тогда милости прошу, проедем к изделиям.

... После получасовой экскурсии ужасная Медуза Горгона, с которой Геракл мельком повидался в Тартаре, показалась ему очаровательной обояшкой в сравнении с двумя зловещими, намертво законсервированными бронированными чудовищами.

Личного состава в этой боеспособной (если судить по штатной структуре) части — котенок наплакал: вместе с офицерами и прапорщиками едва на отделение наберется. Стволы с зенитных установок предусмотрительно сдали на склад, чтобы целее были. Танки Т-55, снятые с вооружения еще во времена Троянской войны, напоминали крепко прикованного к скале Прометея.

Исподволь, дабы не вызвать ненужных подозрений, Геракл разузнал, что усиленные, невероятно тяжелые колесные пары бронепоездов по-своему уникальны, и если, не дай Бог, выйдут их строя, заменить их будет совсем не просто. Да и тепловоз, пожалуй, годился в сыновья тому паровозу, на котором Ильич в 1917-м прибыл из Финляндии в революционный Петроград. Не по летам, так по модификации, усталости металла и состоянию ходовой части, других узлов, агрегатов и креплений.

— А зачем вам эти громадины, ребята? — в недоумении спросил герой.

— Для защиты железнодорожных коммуникаций, переброски десанта, огневой поддержки войск при отражении нападения противника на охраняемые объекты, — бодро отрапортовал командир.

— Нет, серьезно?

— Кто знает? — глубокомысленно заметил подполковник. — Авось пригодятся когда. Правда, руководство честно признается: нам дешевле содержать их, чем списать. И это точно: порезать на металл — дорого, обслужить — очень дорого, использовать — чрезвычайно дорого, перегнать в другое место, например, на Кавказ — немислымо дорого и рискованно. Выгодно одно — не трогать.

— А сколько времени нужно, чтобы они своим ходом вышли из тупика?

— По нормам — двое суток, — отвел глаза в сторону Владимир Иванович, видимо, подумав, что изделия находятся не в большем тупике, чем они сами, люди служивые.

— Ежели вдруг всем необходимым обеспечат, в чем я лично сомневаюсь, за четверо, пожалуй, управимся, — добавил командир бронепоезда старший лейтенант А. Баранов. — Вот только далеко ли уедем?

— А ежели нет?

— Как там у Высоцкого: “Осталось только материться...” — грустно улыбнулся командир зенитного взвода прапорщик О. Качуровский. — Между прочим, никто из нас, кроме командира дивизиона, еще не видел, как этот металлолом движется.

— Увидите! — пообещал Геракл, твердо решив, что пора приступать непосредственно к подвигу, и направился напрямиком в ближайшее депо.

— Соляры и масла! — грозно потребовал с порога герой, поправив камуфлированную львиную шкуру.

— Пошел на фиг! — хором ответствовали спецы-железнодорожники.

Главе кампании “НАФИГ”, втайне по радовавшемуся популярности своей фирмы, однако, не понравился их тон.

— Я Геракл! — промычал он громче Критского быка.

— А я Степа, — спокойно ответил рослый и широкоплечий парень в промасленной телогрейке. — И если хочешь, пересчитаю зубы и тебе, и тому чучелу, которое ты на себя напялил.

Герой быстро выхватил короткий клинок, Степан взял гаечный ключ, которым запросто можно было открутить башню от танка, но, взвесив его на ладони, положил на место и ухватился за край двухметрового рельса, играючи покрутив его над головой.

— Зевс вам судья, — мрачно процедил Геракл и вышел. Что и говорить, нелегкое дело — отступить, не теряя присутствия духа.

Наутро бронепоезда исчезли. Не опохмелившийся по непонятным причинам обходчик Кузьмич напрасно божился, что видел на заре полуголого мужика, который, словно бурлак, впрягшись в два состава, тянул их за собой по параллельным рельсам. Поскольку за неделю до этого обходчик заметил чертей, призывавших поддержать оппозицию в Государственной Думе, ему не поверили.

Нашли их к обеду в трех километрах от тупика: рядом лежали, у насыпи, бездыханные — Геракл и бронепоезда с рассыпавшимися в металлическую труху колесными парами. И похоронили бессмертного героя подле грозных образчиков техники внутренних войск, которые ни один отечественный подъемный агрегат не сумел снова поставить на рельсы. Тяжеловаты больно эти колоссы на глиняных ногах.

Погоревали, конечно, о единственном, хотя и несколько странном контрактнике, не совладавшем с обычными тяготами войскового бытия. Что же касается “коробочек”, никто и не огорчился: какая разница — стоят или лежат бронепоезда на запасном пути? Главное — служба-то продолжается.

Подполковник А. УШАР.

В МРАЧНОЙ ПОДСОБКЕ дюжие молотцы-мастера в сизых клубках табачного дыма дружно забивали козла.

*Восточный округ
внутренних войск МВД России.*

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

Годы и судьбы

**Генерал-лейтенант в отставке
Б.К.СМЫСЛОВ:**

"Я СО СЛУЖБОЙ СВЯЗЫВАЛ ЖИЗНЬ"

— Борис Константинович, вы человек хорошо известный в наших войсках: как-никак отдали службе в них без малого 45 лет; начинали курсантом Саратовского военного училища и закончили генерал-лейтенантом, первым заместителем командующего внутренними войсками. Да и уволились совсем недавно. На мой взгляд, вы человек счастливой офицерской судьбы: ведь далеко не каждому удается достичь генеральских вершин, став к тому же вторым лицом в войсках. Тут, наверняка, кроме личных качеств какую-то роль сыграло везение, удача? Или вы не согласны со мной?

— На судьбу мне жаловаться грех — большая часть жизни отдана служению Родине, и все время во внутренних войсках МГБ, МВД. Правда, я поступал в погранучилище. Поскольку отец мой — пограничник, я хотел продолжать его дело. Но так сложилось, что Саратовское училище, когда я проучился в нем уже полтора года, было передано в состав внутренних войск. Так я стал офицером внутренних войск, и не жалею об этом. Хотя отец, пока был жив, огорчался, что я не продолжаю его службу в погранвойсках.

— Он тоже был офицер?

— Да, подполковник. Уволился в 53-м, когда шло большое сокращение. С детства разъезжал я с ним по стране, и службу представляю не только с курсантской, офицерской поры. Мальчиком я все время ходил в фуражке, в буденовке, в сапогах. Мы жили на заставах. Жили по-разному, в зависимости, какая застава. Порою и в бане, и в сарае, и в хорошем офицерском доме. И война нас застала на границе... Словом, сколько себя помню, так вроде бы и служил с отцом. И револьверы его разбирал и чистил. Винтовка в доме была, так я и ее чистил. Потом и автомат — первый ППД появился перед самой войной, и его изучил, будучи пацаном. На границе все это было оправданно. Жен офицеров, детей, кто повзрослей, конечно, вывозили на стрельбище, учили обращаться с оружием. И я не был исключением.

Из семейного
альбома

*Борис Константи-
нович и Светлана
Алексеевна Суще-
вы в 1953 году и со-
рок лет спустя.*

— Да и вообще, как в ту пору по-
лось, «в воздухе пахло грозой».

— Что верно, то верно. Вот так и
сложилось мое призвание. И это мне
помогало — где бы ни служил, в какой
бы должности ни находился: командиром
взвода в дивизии Дзержинского, комроты
в спецчастях под Ленинградом, в военном
институте, после его окончания — командиром
отдельного батальона в Петрозаводске, командиром
конвойного вологодского полка, в
академии Генштаба, затем начальником
штаба дивизии, семь лет командиром
дивизии да пять лет возглавлял
ВПУ... Я считаю, что все те должности,
которые мне доводилось проходить до
Главного управления внутренних
войск, мне помогали. Было легко под-
ниматься выше: я знал хорошо солда-
та, его нужды, психологию коллектива.
Я сам все это прошел, с детства не
только видел, как военные люди живут,
я жил в этой среде.

— Стало быть, у вас сама закуска
покрепче, чем у кого-либо?

— Потому и могу сказать, что я че-
ловек счастливый. Всю жизнь отдал
служению Родине, и этот шаг стал для
меня самым что ни на есть естествен-
ным.

— Наверное, ощущение счастливости
присутствует еще и потому, что вы
добились того, о чем мечта-
лось?

— Нет. Никаких мечтаний у меня не
было. Что значит — человек мечтает?
Мечта есть мечта, она подчас и несбы-
точна. Я же не мечтал, а знал, что
стану офицером. Просто не представ-
лял другого пути. Это был уже мой
жизненный склад, образ жизни, вы-
бранный раз и навсегда.

— Борис Константинович, но ведь
офицеры отцы достаточно у многих,
однако, далеко не все мальчишки
стремятся идти их дорогой. Иных,
напротив, отпугивает такая жизнь —
хлопотная, чемоданная, без сна и
отдыха...

— Тут очень важно, с какой поры тебя
знают твои дети. Одно дело, если они
тебя начинают осознавать как офицера

главка, другое — командира роты. Старшая моя дочь осознанно начала понимать, что ее отец — офицер, когда я уже был капитаном, а младшая — полковником, командиром полка (у моих девочек почти десять лет разницы). А когда с самых малых лет ты видишь, как живет твой отец, твоя семья, как живут сверстники — тоже дети офицеров, потому что других сверстников у меня, например, и не было — представление об офицерской жизни и о том, что тебя ожидает впереди без каких-либо иллюзий. Ведь многими еще офицер воспринимается, как о нем в книжках пишут: в белых перчатках, верхом на коне, со стеклом в руке... У меня все было иначе. Я видел своего отца, видел его товарищей, их жизнь, быт, их страдания, недосыпания — день и ночь в строю...

— Так вот именно это других и отталкивает от армии! Что ж я буду мучиться вот так-то, рассуждают они, лучше поищу путей полегче. Мало ли их в жизни? Пришел к станку, включил в восемь, выключил в пять, и привет! А тут — и день и ночь на службе.

— Что ж, выбор и у меня был широкий. Предлагали даже поступать не в военное, а в Строгановское художественное училище, поскольку рисовал неплохо. Но у меня-то самого никогда не было сомнений, куда идти. Помните крылатую фразу из фильма «Офицеры»: «Есть такая профессия — Родину защищать»? Вот, можно сказать, с моим матерью я и впитал это. В первый же день войны я понял одно: буду служить Родине, защищать ее. Этот мотив главный в выборе профессии. И когда сейчас ставят свою офицерскую профессию в зависимость от материальных условий, мне это просто непонятно. Я со службой связывал жизнь, а не надежды на материальное благополучие. И я понимаю так: каждый, кто выбрал офицерский путь, он его выбрал не по картинкам, а получил, наверняка, определенную информацию из фильмов, литературы, наблюдений. Офицерская жизнь ведь не просто тяжелый труд, это и физическая, и моральная тяжесть — это особенно хорошо понимают те, кто работает с людьми: учения, тревоги, постоянное недосыпание, нервоотрешка... Не форма наша привлекает по-настоящему того, кто идет учиться на офицера, а иное. И будучи начальником военного училища, я всем абитуриентам рассказывал, что их ждет, допытывался: почему тот или иной юноша выбрал себе офицерский путь. Если человек признавался, что ему нравится только антураж, я говорил: вы делаете ошибку. Военная форма быстро разонравится, как только столкнетесь с кроссами, ранними

подъемами, физическим трудом. Мне возражают: да какой там, дескать, физический труд? Но позвольте: провести целый день в поле с солдатами или сутками быть в карауле... Да что говорить!

— Но, Борис Константинович, некоторых привлекает возможность в сравнительно молодом возрасте уйти на пенсию. Да и до последнего времени наша пенсия была несравнима даже с той, что получал пенсионер союзного значения. Сейчас, когда мы вошли в полосу нестабильности, преимущества улетучились, возможно, это кого-то и отпугивает?

— Я считаю, что человек, который мечется, никогда в своей жизни не выберет профессию по душе. Его обязательно ждет неудача. Он не сможет четко определиться в своей жизни.

— А я вас хотел спросить: смогли бы вы найти в себе силы переломить судьбу и расстаться со стезей военного, стать специалистом в другой области? Практически вы уже ответили на этот вопрос. И все же, только откровенно, может быть, в начале службы были у вас моменты, когда хотелось все к черту забросить, уволиться? Ну уже хотя бы потому, что тебя не понимают, несправедливо обидели, обошли, ну и тому подобное?

— Были у меня моменты, когда очень тяжело приходилось. Ведь мы начинали свою службу офицерскую в какой период? Закончилась война, идет демобилизация в армии. Ну, правда, внутренние войска тогда не сокращались, они укреплялись, поскольку вели борьбу с бандитизмом. И мне пришлось в этом участвовать в Прибалтике, на Западной Украине. Но общий-то настрой какой? Идут эшелоны демобилизованных. Война закончилась, офицеры-фронтовики расходятся по домам, а я лезу в офицеры. Вроде бы зачем Родину защищать, ее уже защитили. Но я-то понимал, что и на мою долю хватит испытаний. Этой войной жизнь не кончается.

Потом умер Сталин, вскоре пришел Хрущев: 1 миллион 200 тысяч сократил по армии. А внутренние войска тогда подрезали в процентном отношении еще похлеще, чем армию. Борьба с буржуазными националистами завершилась, находила решение уже не военным, а политическим путем. Целые дивизии сократили на Украине, в Прибалтике. Из Германии выведены и расформированы одиннадцать наших полков. Многие увольнялись. Но у меня не было настроения увольняться. Только служить!

Во Фрунзе я служил в отдельном батальоне, который подпал под расформирование. У меня еще фотография

сохранилась той поры: сижу, повесив голову. А внизу подпись: "Что же делать дальше?". Но изменить профессии своей у меня желания не было никогда. Я и мысли такой не допускал. Фрунзенское мое замешательство было минутным. "Как, что делать? — удивилась жена. — Служить, разумеется!".

Человек должен видеть перед собой перспективу, сам намечать себе цель: стать ротным, закончить академию, возглавить полк, ну и так далее. Я бы мог, например, меньше мотаться по белу свету: предоставлялась возможность подольше задержаться в Москве. Был я тогда младшим помощником начальника отделения оперативного отдела Главного управления внутренних войск МГБ СССР. Генерал Головки — известный в войсках, фронтовой комдив, мой начальник. Но я не раздумывая поехал в отдельный батальон на должность помощника начальника штаба по боевой подготовке. Причем ехал туда с четким пониманием: войду в курс дела, попрошусь на роту и дальше — по командной линии, буду работать с людьми.

— Ну а бытовые условия? Сегодня это просто камень преткновения. Как вы чувствовали себя в ту пору? Переезды разве не вышибали из нормальной колеи? Ведь каждый переезд, по образному выражению, равен пережитому пожару. Или раньше жены меньше пилили за житейскую неустроенность, безденежье, за то, что дети практически не видят отца?

— Первая квартира появилась у меня, когда я стал майором. Уже была довольно большой старшая дочь. Честно говоря, рассказывать об этом трудно, ведь там такие фрагменты, что мне просто не верят, говорят: так не бывает...

— Уличают в сочинительстве?

— Вот именно! Когда в Москве служил, жил все время на частных квартирах. Во Фрунзе ехал — обещали: там устроишься. Да и, честно, мне уже надоело на втором десятке лет армейской службы все еще мыкаться по чужим углам. В общем, ехал с уверенностью: уж на периферии обязательно что-нибудь получу. А там командир части подполковник Аверкин сказал: "Квартира казенная только у меня одного. Все остальные живут на частных. Вот тебе начальник КЭС, иди с ним, он тебе подберет...". Пошли. Нас уговорили: мол, останавливайтесь здесь (муж с женой пристройку делают из самана, а вы, дескать, пока они возятся с ней, тут поживите). Да где же? Да тут вот. Сейчас кур выгоним, и живите. Сарай сараем, но лучшего ничего нет. Пошел я на службу, возвращаюсь: в углу уже возвышается кро-

вать (хозяин две подставки сделал, а матрац мы с женой купили раньше), стоят два наших чемодана буквой "т" — стол, стало быть, и салфеточки разложены. Двери нет — висит занавеска. На окошке тоже занавеска. Так и жили, а когда они хату достроили, в нее перебрались. Но это еще что! Там хоть тепло было. А вот под Ленинградом, в Морозовке, я жил с семьей на веранде. Холодно, зима наступает, дочка простужается. Хозяин, добрая душа, хотя и самим тесно (он с женой, бабушка, двое ребятшек) принял и нас в свою комнату. Так и жили одной семьей. Я уже был командиром роты...

Ну а первую свою квартиру получил после военного института, майором, перебравшись в Свердловск. Да не квартиру, что я говорю?! — комнату в коммуналке. Сосед — корреспондент дивизионной газеты капитан Мионов. Вот он с семьей, и я с семьей.

— Но вы так и не ответили: как супруга-то реагировала на все это?

— Так мы сразу договорились: не нить! Нас ждет нелегкая судьба. И она никогда не высказывала никаких упреков. Она у меня настоящая боевая подруга. Не просто укрепляла мой тыл заботой, вниманием, чуткостью, но и поддерживала морально. Пробьемся, говорила...

— Нынешняя молодежь торопится жить. В военных училищах среди старшекурсников до трети женатых. В ваши-то годы, знаю, все было иначе: лейтенанты стремились не семьями обзаводиться, а помогать родителям своим. Нынешние же до последнего момента, когда стали им более-менее прилично платить как контрактникам, все тянули с родителей. Вы-то, Борис Константинович, когда женились?

— Когда начал служить в Главном управлении, у Головки.

— А супруга — не офицерская дочь?

— Нет, отец ее — слесарь-инструментальщик седьмого разряда, участник войны. Мать работала в МГБ шифровальщицей.

— Я почему спросил? Мою, например, воспитывает теща. Чуть что, сразу ставит на место: "Я семнадцать мест сменила за время мужиной службы, а ты говоришь о каких-то трудностях, живя практически на одном месте!".

— Вот и я девятнадцать раз менял место службы. Тринадцать раз у нас были семейные переезды. И каждый раз, когда я уезжал к новому месту службы, пусть и невеликие наши домашние вещишки собирала жена и ехала ко мне. Потому что у меня зачастую просто и не бывало времени, чтобы приехать и забрать.

— И все же, товарищ генерал-лейтенант, жена, дочери, не считают ли они, что будь у вас другая жизненная дорога, они были более счастливы: и жилось бы поспокойнее, и сами они могли бы достичь большего?

— Мои дочери, пожалуй, все-таки избалованы судьбой. Что ни говори, они стали ощущать себя детьми офицера, когда наступило какое-то благополучие. Особых трудностей они не переживали. Хотя, конечно, порой нам бывало и тесновато. К примеру, в Вологде у меня, командира полка, были две маленькие комнатки. Став комдивом, получил трехкомнатную квартиру в 36 квадратных метров с крошечной кухней...

Вспомню — вроде бы ничего лишнего ни у себя, ни у детей. Мебель моя нынешняя побывала со мной и в Сыктывкаре, и в Ленинграде, и в Москву приехала. Другие что-то там продают, покупают новое. У меня же, если что и сохранилось, так это благодаря жене: ее заботам, вниманию, бережливости.

— А кто по образованию Светлана Алексеевна? Или в связи с тем, что приходилось всюду следовать за вами, это для нее уже роли не играло?

— После окончания школы она работала монтажницей на производстве. Ну а потом уже со мной устраивалась, действительно, где придется: и в домоуправлении, и делопроизводителем в районных паспортных столах... Где как. Шла туда, где была хоть малейшая возможность сочетать работу с заботой о детях и доме. Ее рабочий стаж около двадцати трех лет. Набрала, хотя сделать это ей было очень непросто.

— Сегодняшняя молодежь скептически относится к наставлениям старших, да и вообще глуховата к советам — живет себе на уме. И все же, Борис Константинович, я надеюсь, что ваш войсковой авторитет проломит ледяную корку скепсиса, вас услышат те, кто надумал уходить из войск. Что бы вы сказали именно им?

— Надо научиться преодолевать трудности и соблазны. Идти по избранному пути, веря, что все придет со временем. И квартира будет, и должность высокая, и самое главное — настоящее счастье, поскольку на трудном своем офицерском пути обязательно обретешь моральное удовлетворение: будет чем гордиться перед сослуживцами, которые придут продолжить твоё дело. Перед внуками, наконец! Ты честно жил, честно служил Родине, отдал все, что у тебя было, одной своей большой цели.

Всю свою службу я посвятил не бумагам, а людям. Чтобы добиться хо-

роших результатов — чтобы прилично выглядели рота, батальон, полк, дивизия, нужно сплотить коллектив. Если офицеры не будут думать так, как думает их командир, ничего не получится. Нужны сподвижники. Везде — и в ротном коллективе, и в батальонном, и в полковом. И в дивизии, хотя это много труднее, но все равно надо определенное ядро создавать и строить свои отношения с людьми на доверии. Мне ни к чему было искать где-то там причины успеха или отставания подразделений, части, соединения. Достаточно было посмотреть, каков его командир. В его отношении к людям кроется и успех и неудача любого воинского коллектива.

Мне и за последнее время довелось не раз выезжать в части, беседовать с офицерами. Иных не помню — когда был комдивом, они только начинали лейтенантами, и прослужили вместе мы немного, а вот считаю меня своим учителем. Приятно...

— А что больше всего беспокоит?

— То, что вижу — произошел переворот не только в умах молодежи. Меньше беды, когда молодой офицер пессимистически смотрит в завтрашний день, неизмеримо больше ее, когда командование полка во главе с командиром не верят в свое будущее. А ведь старший офицер всегда был более стоек, своим оптимизмом заражал подчиненных, вел, подавал пример. Сейчас этот стабилизирующий фактор утрачивается. И это очень опасно.

— Многие стали прагматически смотреть на вещи. Если в ваше время стремились служить офицеры, как говорится, всю жизнь — до 55, а то и до 60 лет, то теперь рассуждают несколько иначе: пенсия — в кармане, крыша — над головой. Пока есть силы и возраст невелик, надо пускать корни в другую почву.

— И куда они идут?! В охрану. Идут не для того, чтобы служить Родине, давшей образование, профессию, идут защищать частный капитал. И это меня волнует. Вернее, не волнует (волнует — нейтральное слово) — возмущает! Почему офицер идет служить кому-то?!

Я считаю, что подрыв морального состояния офицерского корпуса осуществлен и законами, которые вроде бы имели благие намерения. Они дали право молодому офицеру бросать службу, выходить в запас с сорока лет. Ну зачем? Я этого не могу понять. Почему пятидесятилетний генерал должен заканчивать свою службу, если у него только зрелость наступила, он только опыт приобрел?

— А что же делать?

— Нельзя жить стереотипами и порядками, которые были десять и даже пять лет назад. А мы же живем так:

обстановка изменилась, условия изменились, морально-политический климат изменился...

— Да сам человек изменился...

— Вот именно. Человека уже перестроили, его уже развратили нашей действительностью, будем так откровенно говорить. Поэтому надо искать стимулы, которые бы помогали удерживать офицеров в строю. Вот, например, после войны многие офицеры покидали армию, удержать кого-то было трудно. И что же? Было принято решение. За 10 лет безупречной службы получать медаль "За боевые заслуги", за 15 — орден Красной Звезды, за 20 — орден Красного Знамени, за четверть века — высшую награду — орден Ленина.

— И это при том, видимо, что после войны авторитет боевых наград был несравненно выше, чем сегодня?

— Ну конечно! Надо все "рогатки" убрать с офицерского пути. Сказали: честно трудись и будешь полковником, так и сделайте это. И не обязательно, чтобы за ним стояла академия, как требуют кадровики. Ну не смог он ее закончить, но ведь прошел академию жизни! Развешите ему руки, дайте выбрать место службы. Ну зачем его здесь мучить без жилья, если там — у него отец и мать, крыша над головой будет? Сейчас ведь диапазон получения жилья настолько сузился, что стал примерно как в 50-60-е годы: что часть сама построит, то и получит. Когда я был, например, командиром вологодского полка, мы за многие-многие годы сумели построить один сорокаквартирный дом. Ну разве он решал судьбу?

— Но ведь, Борис Константинович, тогда и жизнь человека шла по несколько иным рельсам. Ваше поколение росло в бараках, временках, хлебнуло лиха в войну, привыкло к мученичеству. Оно терпеливо сносило день нынешний, зная, что бывает и хуже. Ваш этот 40-квартирный дом тоже, наверняка, воспринимался очередной победой, светлым пятном в жизни. Но мы-то идем от противоположного: жизнь еще совсем недавно была неплохой. И родители вроде бы с жильем, и старшим товарищам по службе квартиры доставались без особых проблем, и машины покупались на офицерские рубли. Человек уверовал, что так и должно быть. Он разучился, а точнее, не научился по-настоящему переносить трудности. Он их, по сути, не знает. Ему трудно. Вот в чем беда. И как помочь?

— Чтобы человек не мучился, не теряя надежду в завтрашний день, государство в состоянии помочь ему. Во всяком случае, должна быть по-настоящему государственная политика в отно-

шении офицера. Если часть сегодня не может предоставить ему квартиру, пусть он, как это было с нами, поживет пока на частной, но пусть он знает, что те 20 окладов, которые он получает, выходя со службы, уже сегодня, допустим, пускаются в строительство жилья. На них строится дом, а в нем — его квартира, строится там, где он пожелает, отслужив, жить: на родине ли, или где он еще мыслит. Главное, чтобы он знал: деньги его работают, благоустроенное жилье ему гарантировано.

— Но деньги сегодня обесцениваются быстрее, чем строятся дома.

— Но я говорю — в принципе. Не всегда же будет существовать и теперешнее положение. Что-то да изменится к лучшему. Мы ведь тоже не сразу стали получать 10 процентов из местного строящегося фонда, от предприятий, которые охраняли. У каждого командира жилье подчиненных было сильнейшей головной болью. Но постепенно все устравивалось.

— А все-таки, как в ваше, послевоенное время выходили из положения?

— Каждый командир учитывал, какие материальные возможности у его офицера. Тогда у нас не было такого критерия: ты тут не служи, потому что тут родился, тут живут твои отец и мать. Наоборот, это приветствовалось. Если же офицер желал ехать на выдвижение, предупреждали: придется жить на частных квартирах. И в академию так посылали. Никаких общежитий тогда не было. Часть людей так и служила по месту рождения, там и росла. И ничего страшного не происходило. Я много знаю таких по Вологде, Петрозаводску, Сыктывкарю. Служили, постепенно улучшали жилищные условия. Кто-то, глядишь, удачно женился, у кого-то родители переехали в новый дом, а эту квартиру оставили ему... Вариантов много.

— Но тогда хоть цены были божеские. Сейчас же так дерут с нашего брата, что никакого денежного содержания не хватит, чтоб оплатить одно-двухкомнатную квартиру, особенно в крупных городах.

— Я, бывало, как говорил подчиненным — командирам рот, батальонов, полков: получите молодых офицеров, но имейте в виду (а я уже знал, кто к кому едет, сколько женатых, с детьми и т.д.), холостякам должно быть предоставлено общежитие. Ты хоть канцелярию отдай, а чтоб оно было. У нас ведь как сейчас: кабинет, приемная... Так вот — отдай кабинет! С табуреткой ходи, там, где ее поставил, там и твой кабинет. И поверьте, я ведь не байки рассказываю. Выходили из положения за счет сокращения нежилых площадей

Борис Константинович Смыслов. Лейтенантские годы.

в самих воинских частях, устраивали людей, хоть тесно, но...

— Не в обиде, по крайней мере.

— Не в обиде. А в семидесятые годы острота жилищного вопроса была снята. Если сегодня мы мало получаем от местных органов власти, с предприятий ничего не возьмешь (они сами уже почти ничего не строят), значит, нужно искать новые решения. Возможно, такие, которых не то что в войсках, в стране с 17-го года не было.

Я вижу, что сегодня в войсках действительно много проблем. Причем таких проблем с офицерским составом, которые возникли за последние два-три года, не было никогда. При всех прочих трудностях, которые переживали войска в прошлом, всегда был один мощный стабилизирующий фактор — идеологическая направленность людей.

— Стержень был.

— Именно стержень! Идеологическая стойкость была. Это раз. Второе: были высокие моральные принципы. Я не говорю о том, что раньше были какие-то особые условия для выделения офицеров как касты. Нет, наоборот, их еще больше, чем теперь, приравнивали ко всем остальным военнослужащим, делали одинаковыми с ними, хо-

тя, конечно же, нагрузка неизмеримо большая ложилась на их плечи.

И все равно это была категория людей, более чутко, обостренно понимающих долг перед Родиной. Сегодня эти чувства притупляются. И это самое опасное.

— Мы сегодня департизированы, но ведь убеждения остаются при людях. Я порой тоже спрашиваю дельных, толковых, а главное, перспективных офицеров: «Что же вам не служится?». И слышу в ответ: «А кому служить? Тем, кто такое сотворил с моей Родиной? Да и какой Родине служить: вот этой, отворачивающейся от своего защитника, капитализирующейся?». Что бы вы ответили им?

— Родину не выбирают. Да, сегодня она такая. Но ты делай все, чтобы честно служить ей. Служить России, которая есть, тем идеалам, которым тысячи лет, которые из поколения в поколение передавали наши предки.

— Спасибо за отеческие советы, товарищ генерал-лейтенант.

Вел беседу полковник

Е. АРТЮХОВ,

член Союза писателей России.

Под социальным углом

ВОЙСКАМ НЕ ЖИТЬ БЕЗ ЛЕЙТЕНАНТОВ

*Хотелось, чтобы и они не мыслили жизни
без войск*

“Лейтенант” в переводе с французского означает “занимающий место”. Появилось это воинское звание во Франции в XV веке, где так стали называть заместителей начальников отрядов. Со второй половины XVIII столетия во Франции и других странах “лейтенант” — воинское звание в армии и на флоте. В России — только на флоте. В Советских Вооруженных Силах введено с 22 сентября 1935 года.

Сегодня трудно представить себе внутренние войска без этой самой многочисленной категории офицерского состава. Кто командует взводами? Кто возглавляет караулы — будь то лесной в глухой сибирской тайге или по охране важного государственного объекта, войсковые наряды, в том числе и в районе чрезвычайного положения? Лейтенант. Он с подъема и до отбоя со своими подчиненными. Он им и командир, и старший брат. И уж если переводится “лейтенант” с французского как “занимающий место”, то место это в войсках одно из важнейших.

Кто они, лейтенанты 90-х? Как им служить? Эти и другие вопросы легли в основу беседы нашего корреспондента подполковника А. ПЕТРОВА с молодыми офицерами, проходящими службу в Московском округе внутренних войск МВД России.

Корр. Прежде всего хотелось бы узнать, почему из тысячи других профессий вы выбрали именно эту — Родину защищать?

Лейтенант ЛУНИН Алексей Борисович — заместитель командира роты материального обеспечения по работе с личным составом,

окончил Санкт-Петербургское высшее военное командное училище МВД России в 1992 году. Мое решение во многом определила судьба отца. Он у меня почти всю жизнь прослужил в органах внутренних дел. Поступал я в военное училище с одним желанием — как можно успешнее завершить учебу, стать грамотным офицером. Военных в нашей семье всегда уважали, считали людьми высокого долга и чести. Мне тоже хотелось стать таким. И вот я офицер. Но в жизни, увы, все оказывается намного сложнее, чем в юношеских грезах.

Старший лейтенант ПЛЕШАКОВ Андрей Викторович — командир взвода патрульной роты, окончил Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР в 1992 году. У меня служба Родине — тоже наследственное. То, что буду военным, решил еще мальчишкой и другого пути в жизни для себя не представлял. Почему именно в “Верховку”, пошел? Курсант-кремлевец — это звучит гордо! Хотя, честно говоря, поступить не очень-то надеялся. Конкурс был по тем временам просто безумный — пятнадцать человек на место. Но я очень старался — учиться в прославленном училище страсть как хотелось.

Корр. Говорят, хорошее начало — половина дела. Как сложилась ваша служба в войсках на первых порах? Как встретили вас в воинских коллективах?

АЛУНИН. В части нас, выпускников военных училищ, ждали. На десятидневных сборах молодых офицеров мы

узнали историю части, задачи, которые предстоит выполнять, особенности подразделений, где предстоит служить.

Отношения с офицерами роты установились самые хорошие. На первых порах меня не стали чрезмерно нагружать, дали возможность осмотреться, познакомиться с подчиненными.

Признаю, трудностей первое время хватало. Непросто складывались взаимоотношения с прапорщиками и сверхсрочниками — их в нашем тыловом подразделении немало. Сказывалась разница в возрасте — некоторые из них мне в отцы годились.

Хотел бы посоветовать будущим лейтенантам: в любом случае постарайтесь понять своих подчиненных. Никогда не горячитесь в обращении с ними, помните: вспыльчивость и грубость — признаки слабости.

Корр. Неужели только во взаимоотношениях с прапорщиками и сверхсрочнослужащими возникают трудности у молодых лейтенантов? Разве солдаты и сержанты срочной службы более "простая материя"?

Старший лейтенант ЯМБАРЫШЕВ Андрей Михайлович — командир взвода патрульной роты, окончил Пермское высшее военное командное училище МВД России в 1990 году. Установить правильные отношения с солдатами и сержантами тоже непросто. И тут сказывается разница в возрасте, но уже минимальная — с теми военнослужащими, кто увольнялся, она практически не ощущалась.

Общаясь с молодым офицером на занятиях и в повседневной жизни, солдаты присматриваются к нему — интересная ли личность их командир? Отношения с подчиненными гораздо проще, если совпадает круг ваших интересов. Тогда они видят в офицере не только командира, но и товарища, с которым можно поделиться самыми сокровенными мыслями, на поддержку которого можно рассчитывать в трудную минуту.

А.ПЛЕШАКОВ. У меня проблем в установлении отношений с подчиненными не было — работать с людьми хорошо научили в военном училище. У нас были прекрасные преподаватели. Практически все они прошли Афганистан, имели опыт воспитательной работы не только в мирной, но и в боевой обстановке.

Были трудности другого рода. В моем училище меня готовили как офицера

российских Вооруженных Сил, а не внутренних войск. Чем они занимаются, знал только в общих чертах по рассказам однокурсников, служивших в них срочную. До сих пор нет-нет да и сталкиваешься с вещами, о которых имеешь весьма смутное представление.

Корр. Исходя из личного опыта, какие изменения сделали бы вы в учебных программах военных училищ, чтобы как можно тоньше была грань, отделяющая войска от вузов, чтобы менее болезненно проходилохождение молодых офицеров в войсковую жизнь?

АЛУНИН. Увеличил бы продолжительность войсковой стажировки на последнем курсе. По возможности стажировал бы в тех частях, где предстоит служить большинству выпускников.

А.ПЛЕШАКОВ. Не совсем согласен. В училище надо учиться. Учебные программы и так насыщены до предела. Увеличивать продолжительность стажировок, по-моему, непозволительная роскошь. Другое дело давать больше практики непосредственно в самом училище. Здесь есть чему поучиться у американцев. В Вест-Пойнте, например, курсанты старших курсов являются командирами взводов, рот, батальонов на младших курсах. У них даже есть курсантская должность начальника училища. Так и называется — курсант-генерал.

Лейтенант КУРКИН Станислав Александрович — командир взвода, служит в части оперативного назначения, окончил Саратовское высшее военное командное Краснознаменное училище МВД России в 1993 году. Слабое место в подготовке будущего офицера — работа с документацией. Выпускник училища должен уметь оформить грамотно любой документ. Да и общеобразовательный уровень многих из нас не очень высок в сравнении с выпускниками гуманитарных вузов.

Что касается боевой подготовки. Мало времени в учебной программе отведено коллективному оружию. Жизнь показывает — офицер обязан в совершенстве владеть оружием бронетранспортера и боевой машины пехоты. Тот минимум, который дают в училище, явно недостаточен.

А.ПЛЕШАКОВ. Знания и навыки, что получил в училище, мне здорово пригодились в войсках. Об этом говорят и мои однокашники, принимавшие уча-

стие в обеспечении режима чрезвычайного положения в Северной Осетии и Ингушетии. Грань между такими понятиями, как "тактика внутренних войск," и "тактика мотострелковых войск," в бою носит условный характер. На войне как на войне!

Корр. Сегодня при распределении молодые офицеры уже не так рвутся в столицу, в большие города, которые стали ареной жестоких столкновений преступных группировок, сторонников тех или иных политических течений...

А.ЯМБАРЫШЕВ. Конечно, служба в специальных моторизованных воинских частях далеко не мед. Преступные группировки — а именно на них приходится сегодня львиная доля особо тяжких преступлений — прекрасно вооружены и оснащены в техническом плане. В их среде немало специалистов, которые умеют противодействовать правоохранительным органам. Но борьба с организованной преступностью не наша задача. Для этого есть специальные формирования. Мы же призваны оказывать помощь органам внутренних дел в поддержании общественного порядка на улицах, в местах проведения массовых мероприятий.

Бороться с уличной преступностью тоже непросто. У нас же этим занимаются солдаты срочной службы, которые приходят к нам на полтора года.

А.ПЛЕШАКОВ. Мне еще довелось заставить двухгодичников. Так вот, высокие результаты в боевой службе они стали показывать только последние полгода.

Корр. Здравый смысл подсказывает: а почему бы не предложить этим опытным солдатам служить дальше, по контракту?

А.ЯМБАРЫШЕВ. Предлагали. Но люди отказываются. Они остались бы контрактниками, выполни мы всего два условия: первое — дать им жилье, второе — приличную зарплату.

С.КУРКИН. Для меня служба с контрактниками — темный лес. Взять хотя бы взаимоотношения с этой категорией военнослужащих. Как себя с ними вести? Наверное, они требуют иного подхода, чем солдат срочной службы. Срочнику можно объявить замечание, наряд на службу. В конце концов отправить его на гауптвахту. Солдата-контрактника замечанием не проймешь. На него надо воздействовать рублем. И это должно быть оговорено

в контракте. Контракт и для солдата, и для сержанта должен представлять собой емкий документ, который исключал бы возможность двоякого толкования вопросов прохождения службы. Здесь важно не повторить ошибку, которую допустили по отношению к нам, молодым офицерам. Контракт, который подписывал я, — чисто формальный документ. Всего-то ссылка на три военных закона: "обязан...", "обязан...", "обязан...". Не таким должен быть контракт. В моем понимании это целая брошюра, в которой оговариваются мои обязанности перед государством и обязанности государства по отношению ко мне.

А так получается игра в одни ворота. Почему в контракте нет ни слова о жилье? Там должно быть записано четко и ясно, когда я, офицер, получаю квартиру — немедленно по прибытии в часть или спустя определенный срок — год, два, три... Должны быть предусмотрены штрафные санкции за нарушение государством этих условий.

По закону выпускникам военных училищ положена беспроцентная ссуда. Но попробуйте получить ее.

Старший лейтенант ШУСТРОВ Алексей Евгеньевич — командир инженерно-технического взвода, окончил Тюменское высшее военное инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И.Прошлякова в 1991 году. А по-моему, с контрактниками служить будет проще. Особенно в наших, технических подразделениях. Другое дело, что останутся сегодня только фанаты. Их же, к сожалению, единицы.

Корр. Недавно мне довелось разговаривать с офицером из отдела по работе с личным составом Московского округа внутренних войск. Он с горечью говорил о том, что увольнение из войск, в том числе и вчерашних выпускников военных училищ, приобрело массовый характер. На одном из заседаний военного совета округа рассматривалось двенадцать(!) рапортов об увольнении по различным мотивам. В среднем же в кадровые дни таких рапортов рассматривается пять-шесть. От него же узнал, что надумал уволняться и знакомый мне офицер — спецназовец, орденноносец, прошедший почти все горячие точки. Предлагали ему и должность спойную... И квартиру, правда, не ахти какую, дали. Нет, просит, отпустите подброду-поздорову. Работу

нашел, где платят деньги, а не гроши. Где сразу обещают улучшить жилищные условия и выделить служебную машину. Как удержать офицера?

Действительно, как? Как долго будут терять войска офицеров? Тех, которые в недалеком прошлом не мыслили себе жизни без военной службы. Сегодня им в обмен на их опыт, порядочность, профессионализм предлагают хорошую зарплату, жилье, другие житейские блага — то, что как раз войска предложить им не могут, — и они уходят.

А.ЯМБАРЫШЕВ. Чего уж там скрывать. Офицеры держатся в войсках на честном слове и энтузиазме. Тех, кто не бежит, впору к ордену представлять.

А что делать, чтобы офицеры не увольнялись? Выскажу свое мнение. Прежде всего привести в соответствие со стилем жизни денежное довольствие. На Кавказе говорят: мужчина за свою жизнь должен построить дом, вырастить сына и посадить дерево. Вырастить наследника и посадить дерево нашему офицеру еще по плечу, но построить дом удастся далеко не каждому.

Как жить? Моя семья опустилась сегодня ниже уровня бедности. Жена, молодец, не попрекает, терпит, но каково мне, молодому, здоровому, ощущать свое бессилие помочь семье улучшить материальное существование? Я знаю, что некоторые офицеры и прапорщики пробуют заниматься бизнесом, подрабатывают в охранных структурах — одним словом, ищут побочные доходы. То есть используют то самое драгоценное время, которое предназначено не только для отдыха, но и для повышения своего профессионального уровня. Неужто государство от этого выигрывает?

А.ПЛЕШАКОВ. У меня семьи пока нет. Но я имею возможность про запас откладывать гроши, которые постоянно обесцениваются. Я никогда не женюсь, пока не буду иметь задела на будущее. Приводить жену в шалаш и жить непонятно на что — это авантюризм чистой воды.

Можно, конечно, вырастить детей и в нищете, но придет время, и сын или дочь спросит меня: «Папа, почему ты не умеешь жить?».

Корр. Сколько, по вашему мнению, должен получать сегодня кадровый офицер?

А.ПЛЕШАКОВ. Не меньше, чем коммерсант средней руки. Почему раньше профессия офицера считалась престижной? Потому что он на общем фоне был все-таки обеспеченным человеком и знал, что, выйдя на пенсию, будет жить в достатке.

АЛУНИН. Обязательно надо решать жилищный вопрос. Я живу с родителями. Но это не значит, что мне повезло. Шансов в будущем получить свою квартиру практически нет. Я и мне подобные обречены на бесконечное прозябание в очередях на улучшение жилищных условий. У нас ведь какой принцип действует при распределении жилья? Квартиры в первую очередь — бесквартирным, а уж потом — нуждающимся в улучшении. Но если сегодня бесквартирных не могут обеспечить жильем, то что о нас говорить.

Корр. Значит, чтобы удержать офицера в войсках, ему достаточно хорошо платить и обеспечить жильем?

А.ШУСТРОВ. И по возможности гарантировать нормированный рабочий день. Сверхурочно офицер должен работать только в исключительных случаях, оговоренных в контракте. И за сверхурочные ему надо платить по повышенному тарифу.

Лейтенант ГЛУШКО Игорь Александрович — командир взвода, служит в части, предназначенной для конвоирования осужденных и подследственных, окончил Саратовское высшее военное командное Краснознаменное училище МВД России в 1992 году. Неадекватность служебной нагрузки денежному содержанию и явилась одной из причин того, что я написал рапорт на увольнение. Решиться на это, поверьте, мне было нелегко. К лейтенантским погонам я шел более долгим путем, чем мои товарищи. Три с половиной года проучился в нашем Владикавказском училище и все мучился сомнениями: не ошибся ли я в выборе профессии? Дабы расставить все точки над «i», написал рапорт с просьбой отчислить меня в войска. Служил в «конвое», заместителем командира взвода. Там, в войсках, почувствовал: военная служба — это мое. Восстановился в Саратовском училище. Стал офицером.

И вот, прослужив почти два года, увольняюсь. Почему?

Моя жизнь крепко связана с распорядком дня части, выполняющей задачи судебного и планового конвоирова-

ния. Живу я в семидесяти километрах от города, и, чтобы успеть на развод караулов, мне надо вставать в половине четвертого утра. И так почти каждый день.

Когда служба заканчивается поздно, домой не возвращаюсь — не успеваю. Ночую в части.

Пока у меня семьи нет, и слава Богу. Но рано или поздно она будет. Обречь свою супругу на вечное одиночество, оставить ее один на один со своими проблемами — это не по-человечески. Так жить не хочу!

О том, что имею за свою службу, говорить не буду. Сами хорошо знаете, как оплачивается у нас каторжный труд командира взвода.

Мне предлагали роту. Отказался. Не вижу смысла служить дальше. Проблемы личного времени офицеров и материального благополучия в войсках решатся не скоро. Наверяд ли улучшится и положение с жильем. Все так говорят: и молодые лейтенанты, и дослужившие до седых волос полковники.

Желающих служить все меньше. Я — единственный командир взвода на всю роту.

Ухожу без сожаления...

Старший лейтенант МУРАТКИН Константин Евгеньевич — командир взвода, служит в части, предназначенной для охраны исправительно-трудовых учреждений и конвоирования, окончил Новосибирское высшее военное командное училище МВД России в 1991 году. Я тоже увольняюсь. Из-за жилья. До недавних пор утился с семьей в общежитии при части, которое закрыли из-за аварийного состояния. Переехали в другое — у черта на куличках. Поселили нас на последнем этаже, где мы продолжаем бороться за выживание. В комнате сыро, холодно. Жена и маленький ребенок постоянно болеют.

Когда только пришел в часть, поинтересовался: скоро ли можно получить жилье? Посоветовали иллюзий на этот счет не строить. Я и не строю. За время моей службы очередь на квартиру практически с места не сдвинулась.

Надоело. Увольняюсь и еду к своим родителям. В УВД города, где они живут, предложили должность в паспортном столе и пообещали дать служебную квартиру.

С.КУРКИН. Не знаю, может, моя часть особенная, но за время, что я здесь,

никто еще из молодых офицеров не уволился. По крайней мере среди выпускников девяносто третьего года таких нет. Может, потому что служебная нагрузка упорядочена. Рабочий день у нас официально начинается в девять часов утра. Обеденный перерыв — с двух до трех. И если не задействован на службу, в шесть вечера можешь отправляться домой. Выходные — два раза в неделю. Конечно, не всегда в субботу и воскресенье.

Корр. И это при том, что ваша часть постоянно привлекается к выполнению служебно-боевых задач в горячих точках...

С.КУРКИН. В прошлом году три месяца провел в районе чрезвычайного положения на Северном Кавказе. По правде говоря, мне командировки нравятся. Для меня это одна из немногих, если не единственная, возможность посмотреть мир. Но я — холостой. Вот «женатикам», нелегко приходится: ты здесь, а твоя семья — за тысячу верст. Ютится в чужом углу. Одна только мысль — выгнали или нет? — с ума кого хочешь сведет.

Корр. Но командировка в район чрезвычайного положения не поездка в Сочи. Там есть риск, и немалый. К тому же не все с пониманием относятся к миротворческой миссии, возложенной на плечи воинов внутренних войск.

С.КУРКИН. Конечно, район чрезвычайного положения — зона повышенной опасности. Там и теперь нет-нет да и постреливают. И по нам тоже... Одни к нашему присутствию относятся с пониманием, другие — нет. Но несмотря ни на что мы выполняем свой долг. Кто-то же должен стоять между враждующими народами.

А.ШУСТРОВ. Сегодня престиж защитника Отечества здорово пошатнулся. Перестройка для армии вышла боком. У обывателя благодаря «плодотворной работе» средств массовой информации понятия «армия», «внутренние войска», ассоциируются с неуставщиной, беспределом и так далее. От армии, от военных шарахаются как черт от лада-на.

А.ЯМБАРЫШЕВ. Об отношении к военным, к офицерам в частности, можно судить по одним только репликам, которые отпускают в наш адрес соотечественники на улице, в общественном транспорте. Могут сказать громко, чтоб весь вагон слышал: «Эй, полков-

ник! Куда лезешь!.. "Ты, военный, уберу фуражку — мешает!.."

Нас просто перестали уважать. Но разве мы заслужили такое отношение?

Корр. А как был воспринят вами принятый в недалеком прошлом пакет военных законов, почувствовали ли вы себя защищенными хотя бы в социальном плане?

А.ПЛЕШАКОВ. Сам факт принятия законов еще не говорит о том, что жизнь изменится к лучшему. Она изменится тогда, когда законы начнут действовать. А у нас вся процедура законодательства напоминает стрельбу холостыми патронами — шуму много, а толку мало.

А.ШУСТРОВ. За наши обязанности с нас спрашивают строго. А вот с кого нам спрашивать за наши нереализованные права?

Корр. От ваших слов веет безнадежностью и безысходностью. Сами вы часом не собираетесь увольняться из войск?

А.ШУСТРОВ. Говорят, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Но лично я увольняться не собираюсь. До стабилизации протекающих в обществе процессов пока далеко. А в смутное время лучше всего работать в стабильных структурах. Армия и внутренние войска — из этой категории.

А.ПЛЕШАКОВ. Служить или не служить — для меня такой вопрос не существует. Служить буду.

У меня есть друзья, кто уже уволился в запас или собирается увольняться. Мне кажется, они поторопились. В войсках больше стабильности. Знаешь, что с тобой будет завтра, послезавтра.

Я могу примерно спрогнозировать свою офицерскую жизнь на ближайшие пять лет. А что случится со мною за это время, если подамся в коммерцию, гадать не берусь. Там ведь как — сегодня ты на коне, а завтра у разбитого корыта.

Не подумайте только, что деньги для нас решают все. Мне служба нравится — не нравилась бы, давно ушел. Мальчишкой мечтал стать офицером, защитником Отечества.

Отечеству нашему плохо сейчас. Но на кого ему еще положиться в трудную минуту, как не на своих офицеров? Они всегда были и будут ему верными сыновьями, людьми слова и чести.

Уверен, пока живы армия, внутренние войска, будет жива и Россия.

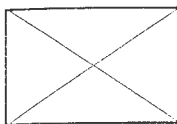
Вместо послесловия

Безусловно, проблемы, о которых вели речь молодые офицеры (самые острые из них — катастрофическая нехватка жилья, чрезмерная служебная нагрузка, неадекватное ей денежное содержание и т.п.), имеют место в жизни войск. Более того, они порождают еще одну очень серьезную проблему — отток из войск офицерской молодежи. Кстати, пока материал готовился к печати, уволились в запас старший лейтенант К.Мураткин и лейтенант И.Глушко. Расстался с офицерскими погонами и лейтенант А.Лушин. Как остановить этот разрушительный по своей сути процесс?

Ответить на вопрос непросто. Пообещать каждому, кто написал рапорт, квартиру, сравнимое хотя бы с доходами коммерсанта средней руки денежное содержание, восьмичасовой рабочий день, два выходных в неделю и отпуск в летнее время — значит, покривить душой. Уговаривать лейтенантов не делать опрометчивого поступка, наверное, занятие бесполезное. Да и стоит ли? При всех своих отрицательных последствиях есть у этого нежелательного в целом процесса и один положительный момент — идет естественный отбор в офицерском корпусе. Да, увольняются многие, но не все. Ведь продолжают же служить старшие лейтенанты Андрей Ямбарышев, Андрей Плешаков — оба получили повышение в должности, оба теперь командуют ротами — и тысячи других молодых офицеров. Хотя они также испытывают немалые трудности, также не имеют пока своего угла, но терпят. Потому что для них право называться офицером — дело чести, а не материального благополучия.

Конечно, сказанное выше не означает, что на проблемы молодых офицеров можно закрывать глаза. За лейтенантов надо бороться: искать возможности для решения квартирного вопроса в частях — движущаяся вперед очередь на жилье самое верное основание для оптимизма. Стараться обеспечить лейтенантов сполна хотя бы тем, что им положено по закону — ссудами, пособиями и так далее. Возможность для отдыха, несмотря на большую служебную нагрузку, у молодых офицеров тоже должна быть. А воспитывать у них чувство гордости за службу во внутренних войсках, чувство собственного достоинства, верность долгу — святая обязанность каждого командира и начальника.

*Отдел социальных проблем
и воинского воспитания.*

В прошлом году в нашу часть прибыло пятеро выпускников военных училищ. Но если у других ребят в Москве живут родители, то у нас с женой тут ни родных, ни близких. Я понимал, что будет нам не просто вписаться в столичную жизнь, однако, надеялся на лучшее. Но тут оказалось, кроме моей, еще сорок четыре семьи не имеют своей квартиры, общежитие хоть и есть в части, но и там все занято, надо ждать своей очереди.

Поймите меня правильно: претензий у меня ни к кому нет. Встретили с пониманием и сочувствием. Командир пообещал: как только освободится комната в общежитии, предоставит мне с женой и ребенком, пока же предложил размещаться в медпункте полка — чем богаты, как говорится, тем и рады... Мы с женой понимали, что для нас это не выход из положения, и если обретаю пусть временную крышу над головой, то все-таки крышу надежную. И вот тут-то я понял, что такое найти жилье в крупном промышленном городе. Да моей лейтенантской зарплаты едва хватает, чтобы оплатить комнату в коммуналке! Как бы мне хотелось поглядеть в глаза тому, кто выделил 5 тысяч рублей в месяц молодому офицеру на поднаем жилья...

Лейтенант С.ЯЦУНЕНКО.

Тем, кто не служил за пределами России, трудно понять ощущения человека, попавшего в непростую житейскую ситуацию. Меня же "перестройка", а затем и развал Союза застали в Казахстане, в городе Шевченко.

Дороговизна, непонимание местных властей, "выжимание" некоренных жителей отовсюду — вот что это такое. Сперва вынуждена была уйти с работы жена, потом — выехать к родственникам в Сибирь для продолжения учебы дочь. Да и сам я понимал, что, если не присягну Республике Казахстан, мне не будет продвижения по службе и вообще нормальной службы.

В 1992 году я написал рапорт на имя командующего с просьбой перевести меня на территорию России на любую должность. Получил ответ, и в апреле 1993 года выехал в город Алексин, заместителем начальника штаба батальона.

Мы оставили в Шевченко двухкомнатную квартиру на берегу Каспия. Часть вещей и мебели вообще пришлось бросить, так как подъемных, которые я получил, хватило лишь на два контейнера и перевозку. Ну а те небольшие деньжата, которые и сумели скопить, съела реформа.

На новом месте мне предоставили комнату в общежитии. 16 квадратных метров на четверых. Вот и посудите, каково мне, офицеру, на двадцать седь-

мом году службы ощущать себя и нищим, и бездомным?!

Два моих контейнера вот уже второй год так и стоят нераспечатанными. Сколько еще так простоят — неизвестно. В прошлом году батальон получил одну квартиру, в нынешнем — пока ни одной. Я обращался к заместителю командира дивизии по тылу с просьбой помочь в приобретении кооперативного жилья (ведь по закону мне оно положено со стопроцентной оплатой). Да вот, говорят, нет денег.

Из-за сокращения рабочих мест скоро год как жена ходит на биржу труда. Дочь преподает в начальной школе и учится заочно в институте в Туле. Ей 22-й год. Сын окончил десятилетку. Я не видел для него ничего лучшего, как тоже стать офицером, готовил его к этому по мере сил. Но видя, как мучается отец, казнит себя за то, что стал причиной несчастья семьи, Саша вряд ли последует моему примеру.

Майор

ВОРОНИН Владимир Иванович.

Двадцать календарных лет прослужил я во внутренних войсках. Увольнялся по собственной инициативе, а если выражаться прямо, не стесняясь, — по глупости. И очень жалею об этом.

Окончил военное училище и Военно-инженерную академию имени Куйбышева. Служил как все — звезд с неба не хватал. Правда, последнее время не все шло гладко. Да, честно говоря, и надоела тайга: Тавда да Североонежск — вот и вся моя армейская биография. Хотелось перебраться поближе к родным краям, но предлагали только Архангельск...

А потом случился побег. Всех перенаказали. Получил неполное служебное соответствие и я. Разобиделся страшно: ведь, казалось бы, дурака не ваялял, тянул за двоих — и как инженер, и как замначштаба. Теперь-то понимаю: обиды моей — глупость, блажь. Сняли бы с меня взыскание. Но тогда... Оно казалось мне последней каплей, переполнившей чашу терпения, и я сел за рапорт.

Все осмысливается со временем. Не скажу, что на гражданке плохо. Если есть голова на плечах и желание работать, всегда можно устроиться в приличное место. На нашего брата офицера смотрят уважительно: люди проверенные, дисциплинированные.

Сперва я пошел в охранную организацию, потом предложили более интересное дело. Теперь вот руковожу участком на строительстве жилья. Зарплата неплохая: в июне за монтаж пяти небольших коттеджей получили вчетвером два миллиона. А ведь у меня еще и 127 тысяч пенсия...

Все вроде бы есть, но... Знаю, не у всех, наверное, бывает такое. Ностальгия это, что ли? Тянет служить. Это не высокие слова, поверьте. Была бы сейчас возможность, вернулся бы в строй не раздумывая. Да мне ведь и всего-то сорок лет.

Майор запаса

УДАЛОВ Александр Васильевич.

ЗА ДЕНЬ ДО ВЕСНЫ

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ

*Этот очерк о человеке ныне уже забытом. В свое время был наделен такой властью, какой никогда не пользовался ни один из подданных русских царей. При его непосредственном участии Россия готова была стать на путь реформ, прийти к конституционно-монархическому строю, но для этого, возможно, ей не хватило всего одного дня...
Михаил Тариелович ЛОРИС-МЕЛИКОВ — а повествование пойдет именно о нем — возглавлял Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, был министром внутренних дел России.*

Граф М.Т. Лорис-Меликов

МИНИСТР двора граф Адлерберг, всегда подчеркнуто официальный по отношению к Лорис-Меликову, ныне приветливо улыбнулся:

— Вас ждет государь, Михаил Тариелович. Желает узнать подробности вчерашнего происшествия.

Вчера среди бела дня близ его дома, на Морской, некто Млодецкий, молодой человек без определенного рода занятий, за агрессивный и необузданный нрав свой уже взятый на заметку полицией, с близкого расстояния трижды выстрелил в Лорис-Меликова из револьвера, но ни одна пуля не задела генерала. Мало того, выстрелы даже не привели его в замешательство: он тотчас бросился на покушавшегося, обезоружил и держал до тех пор, пока не подбежали жандармы.

Граф Адлерберг был не прав — императора интересовали главным образом не подробности.

— Я знаю, о чем завтра напишут газеты, — сказал Александр. — Они отметят, что ты, пожалуй, единственный человек двора, который способен не на слова, а на поступки. И в этом противопоставят тебя в первую очередь Шувалову и Макову. Как ты отнесешься к такой публикации?

Шувалов был начальником 3-го отде-

ления, Маков — министром внутренних дел государства.

— Ваше Величество, это не пример для упреков данных персон. Я тоже не собираюсь бегать по улицам столицы и ловить преступников. Мое дело — выработать и осуществить программу, по которой называющие себя революционерами фанатики потеряли бы почву под ногами...

— Я ознакомлен с твоими планами, они весьма и весьма любопытны. Но все же, будь на то только твоя воля, что бы ты сделал с этим... Как его?

— Его фамилия Млодецкий. Я бы повесил его среди бела дня на Семеновском плацу и пригласил бы туда студентов, журналистов... Вообще всех горожан.

Император удивленно вскинул брови: — Вот как! А тебя не шокирует то обстоятельство, что в столице публичная казнь будет совершаться впервые более чем за полвека?

— Но в России никогда еще не было столько покушений на представителей власти и лично на Государя, Ваше Величество. Если меня что и шокирует, то именно это.

Александр опустил голову, нахмурился, целую минуту молчал, потом сказал:

— Ты свободен. — Когда Лорис-Меликов был уже у двери, закончил фразу: — Что ж, пусть будет Семеновский плац.

Сегодняшний день императора был до предела насыщен, его ждали бумаги, люди, ему надо было торопиться к Екатерине Михайловне Долгорукой, которую он любил беспредельно, которой беспредельно доверял... Но Александр тем не менее, оставшись один, подошел к окну и долго смотрел на застывшие под снегом деревья.

Лорис-Меликов. Не ошибся ли он в этом боевом генерале? Одно дело проявлять себя на полях сражений, а другое... Хотя в Харькове этот человек не шашкой зедь многого добился. Да и не только в Харькове...

Государь хорошо знал послужной список нового человека двора. Школа гвардейских подпрапорщиков, служба на Кавказе — порученцем при командующем Кавказским корпусом графе Воронцове. Крымскую кампанию Лорис-Меликов начал в чине подполковника, а закончил через три неполных года генерал-майором. В русско-турецкую войну — командующий отдельным Кавказским корпусом одной из восточных армий, генерал от кавалерии. В очень тяжелом для войск 1877 году, когда дела на всех фронтах складывались из рук вон плохо, он захватил считавшуюся неприступной Карскую крепость, поддерживая тем самым славу русского оружия. За это был награжден орденом Святого Владимира и возведен в графское достоинство.

После войны начался период не совсем понятной для императора смуты. Революционеры, заговоры, теракты.

Аристократка, девочка голубых кровей Засулич стреляет в Санкт-Петербургского полицеймейстера генерала Трепова за то, что генерал отдал распоряжение подвергнуть телесному наказанию некоего Боголюбова, содержащегося под стражей за подрыв устоев государства (Боголюбов нарушал распорядок, установленный заключенным, призывал к неповиновению тюремным властям). Сообразно с новыми судебными постановлениями уголовное дело Засулич рассматривали с участием присяжных заседателей, и те вынесли оправдательный вердикт. Летом того же года в полдень в самом центре столицы ударом кинжала был убит главноуправляющий третьим отделением и шеф жандармов генерал Мезенцов, нападавший скрылся. В Киеве, Москве, Харькове, Одессе один за другим последовали нападения на гражданские и военные чины, началась самая настоящая война между революционерами и правительством. Пик ее пришелся на апрель семьдесят девятого, когда император Александр прогуливался вблизи своего дворца, а другой Александр, школьный учитель Соловьев, разрядил в него револьвер. К счастью, пули прошли чуть

выше головы императора. Но, судя по всему, счастье это носило временный характер: революционным брожением были охвачены целые области России, мишенью террористов открыто назывались первые люди государства, сам царь...

Это вынудило Александра, противника крайних мер, сделать, наконец, решительный шаг и провозгласить военное положение в некоторых областях с назначением туда генерал-губернаторов, наделив их самыми широкими полномочиями. На должности эти были назначены герои последней войны: Гурко, отличившийся на Балканах, Тотлебен, захвативший Плевну...

Генерал-губернатором Харькова стал Лорис-Меликов, сменивший на этом посту Д. Н. Кропоткина, убитого террористами.

В ответ на террор революционеров Тотлебен и Гурко усилили репрессивную политику, тем самым обострив ситуацию в своих регионах, вызвав недовольство либералов: «Нами правят только кнутом...». В Харькове обстановка была иной. Лорис-Меликов пошел на диалог с интеллигенцией, стал влиять на общественное мнение политическими методами и добился гораздо большего. Нет, он не был мягкотел, он беспощадно расправлялся с заговорщиками и бунтовщиками, но если за это других генерал-губернаторов всячески ругала пресса, то Лорис-Меликова поддерживали и журналисты, и студенты, и профессора. Даже за короткое время криминальная ситуация в городе заметно улучшилась.

А в целом по России продолжался кошмар. Лишь чудом дважды за четыре неполных месяца избежал гибели сам император. В ноябре 1879 года террористы взорвали свитский поезд Александра, в котором отправлялись в Москву личный состав его канцелярии, его багаж... По расписанию в эти минуты на месте взрыва должен был быть он сам, но сломался локомотив... В феврале следующего года страшный взрыв сотряс уже Зимний дворец. Царская столовая и караульное помещение, находившееся прямо под ней, превратились в развалины. Десять солдат было убито, полсотни ранено. Террорист Халтурин, проводивший эту операцию, ставил, естественно, иную цель: убить царя. Но Александру ожить удалось судьба: он задержался с ужином, беседуя в это время в своем рабочем кабинете с болгарским царем.

Общество было растеряно, подавлено, полиция сознавала свою беспомощность, ситуация в столице, других крупных городах страны выходила из-под ее контроля.

Именно поэтому в феврале же государь провел совещание, в котором приняли участие наследник цесаревич, великий князь Константин, председатель Госсовета канцлер князь Горчаков, министры, генерал-губернаторы.

Выступили почти все, но Александр остался крайне недоволен выступлениями: целостной программы борьбы с терроризмом никто не представил. Отмалчивался лишь Лорис-Меликов до тех пор, пока царь не попросил его поделиться своим мнением.

— Ваше Величество, о данном явлении мы судим каждый со своей колокольни. А нужна единая политическая программа, в основу которой легла бы не только наша силовая тактика, о чем ратуют все, но и принципы либерализма. Только так мы привлечем на свою сторону массы, сделаем выгодным для себя общественное мнение.

— Что нужно для этого?

— Время, Ваше Величество. И — единство власти, это непереносимое условие. Власть должна быть сосредоточена в руках одного человека, пользующегося вашим полным доверием.

Александр неожиданно резко встал:

— Ты будешь этим человеком, — сказал он и закрыл собрание.

В одиночку политику делают разве только авантюристы. Даже гениям нужна поддержка, нужны советы друзей и шепот врагов. Нужен свой лагерь.

Лорис-Меликов не был авантюристом. Он искал союзников и нашел их довольно быстро. Случилось это почти сразу после публичной казни Млодецкого, устроенной, как и хотел того вступивший в свои права «всероссийский диктатор», на Семеновском плацу. Именно об этом и пошел разговор между ним и великим князем Константином, братом царя. Они прогуливались по зимнему парку, и Лорис-Меликов с большим вниманием выслушивал своего знатного собеседника:

— Ваше имя сейчас на устах у всех, Михаил Тариелович. Суровые меры, которые вы применили против этого преступника, восприняты на ура и в салоне Елены Павловны, и в Аничковом дворце, хотя две эти группировки не находят никакого взаимопонимания.

— Я пока еще далек от дворцовых интриг...

— Ах, не хитрите, Михаил Тариелович, не хитрите. Лишь по наитию так тонко не играют. Сторонникам цесаревича вы показали, что силовые структуры возвращают Россию к традициям сильной власти, а людям Милютина, Самарина — что не потерпите анархию на пути политики реформ. Я знаком с вашей программой и разделяю ее...

Великий князь Константин был прав, назвав Лорис-Меликова хитрецом. Михаил Тариелович быстро сориентировался в политической обстановке и знал, чем живут два если не враждующих, то уж точно не симпатизирующих друг другу лагеря приближенных императора. Великая княгиня Елена Павловна, жена великого князя Михаила (брата Николая I), была поклонницей европейских форм государственного уст-

ройства, женщиной смелой, решительной, даже в беседах с императором — а Александр II питал к ней большое уважение и проводил такие беседы часто — она говорила ему, что самодержавие уже изжило себя, что в России нужны иные принципы государственной жизни. Такую точку зрения разделял и великий князь Константин, вынашивавший идеи создания правительства общественного мнения, при котором бы большие политические и социальные права были предоставлены земствам. Идеи эти воплотились в некий проект конституции — своеобразного договора между Романовыми и народом. В Аничковом же дворце собиравшиеся граф Шувалов, граф Пален... Укрепление России они видели в том, чтобы вернуться к неограниченному абсолютизму, политику реформ рассматривали как отрицание царской власти. Накануне нынешнего разговора с великим князем Константином Лорис-Меликов встретился с генералом Тимашевым, одним из ярых «аничковцев». Тот тоже был доволен демонстрационной казнью Млодецкого: «Все началось с помилования Засулич. Мы поощрили этих поганцев к действию, показав, что считаемся с ними как с политической силой. А знаете, почему Бог покарал Людовика XVI? Потому что тот склонился перед первыми же требованиями французской революции, тем самым изменив священному долгу цезаря...»

Лорис-Меликов внимал и тем и другим. Он знал, что с каждым днем лавировать между двумя такими разными политическими силами будет все труднее, но, желая выиграть время, не спешил явно примыкать к какому-то из лагерей. Постарался он прикрыть вуалью слов свою позицию и в программной речи при назначении на должность председателя Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия, но великий князь Константин, бесспорно, увидел за этой вуалью суть позиции того, кто стал «всероссийским диктатором». Увидел и в этой прогулке по зимнему парку как бы дал почувствовать: «Вы наш человек, вам есть на кого положиться...»

Да, Михаил Тариелович, как бы сказали сейчас, был человеком либеральных настроений. Это шло от его умения мыслить аналитически. Вот революционеры, в основном очень даже неглупые люди, представители интеллигенции. Что не устраивает их, чего они добиваются? Права участия в государственном управлении, желания того, чтобы их голос был услышан на самых «верхах». Что этот голос потребует? Да ничего существенного, его вполне удовлетворит призрачная свобода высказаться и быть услышанным, призрачная причастность к управлению российским государством. Почему бы не переселить пев-

чую птичку из тесной клетки в просторную вольеру?!

Господа интеллигенты считают, что третье отделение — орудие произвола, что оно охотится и бросает за решетку лучшие умы государства? Лорис-Меликовым подготовлен соответствующий документ, и царским указом это проклятое учреждение уничтожено! (Уничтожение, конечно же, происходит чисто символическое: весь аппарат тайной канцелярии просто переносится в ведение министерства внутренних дел, где концентрируется отныне вся полицейская власть). В светских кругах начинают поговаривать, что неограниченная диктатура председателя распорядительной комиссии не к лицу просвещенному государству. Михаил Тариелович публично испрашивает у государя разрешения снять с себя диктаторские полномочия и наделить его обычными правами министра внутренних дел.

Такие ходы приносит хорошие результаты: месяц, два, три в столице ничего не слышно о действиях революционеров. Печать публикует оды новому министру, в салонах все чаще слышатся реплики в его адрес: "Патриот... Умница... Политик..."

Но сам Лорис-Меликов отлично понимает: задача решена лишь на йоту! Затишье в политической активности временное. Революционеры, либералы, консерваторы притихли в ожидании его дальнейших шагов, сейчас они просто не знают, на чем строить свои программы, какие новые ходы предпримет министр-реформатор.

А новые ходы лишь своей инициативой и властью Лорис-Меликов сделать уже не мог, ибо планы его затрагивали прерогативы монарха. В планах этих предусматривалось введение в государственный аппарат представительного начала. Выборные из народа должны были принимать участие в осуществлении законодательной власти. Государственный Совет таким образом являл бы собой нечто вроде парламентов, какие существовали в Европе...

Александр, уже прославившийся, особенно в начале царствования, реформаторством, понимал: то, что предлагает министр внутренних дел, не просто новое слово в его политике. Это изменение самой политики, это существенное ограничение самодержавия, путь к новому государственному укладу — к конституционно-монархическому государству. Такую ответственность лишь на свои плечи не под силу было взять даже императору. Ведь тогда бы он немедленно оказался под огнем тех, кто составлял окружение наследника. А это были влиятельные, имеющие немалые заслуги перед государством люди.

Министр ясно сознавал: лишь император может стать инициатором новой, неслыханной для России реформы. План, как добиться этого, у Лорис-Меликова уже наметился.

В 1866 году Александру II было сорок семь, княжне Екатерине Михайловне Долгорукой — семнадцать. Но знает ли возрастные границы любовь?! А это действительно была любовь.

Соловьиным июльским утром, проведя с ней ночь в бельведере Петергофского парка, император сказал: "Пока я не свободен, но при первой же возможности женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я считаю тебя своею женой перед Богом". Вот уж действительно — не свободен. Императрица Мария Александровна, женщина крайне болезненная, но умная, порядочная, безусловно, всю жизнь понимала, что семья не сложилась, что ничто, кроме детей, не объединяет ее с мужем. Но муж — не просто человек с именем Александр, он — император великой державы... Ни словом не упрекнула она его до самой своей смерти, то есть до 1880 года. К этому времени Екатерина Михайловна воспитывала уже троих детей, любящим отцом которых был Александр II.

Императрицу похоронили в соборе Петропавловской крепости, а через месяц, как записано в Акте, "...в походной церкви Царскосельского дворца его величество император всероссийский Александр Николаевич соизволил вторично вступить в законный брак с фрейлиной, княжной Екатериной Михайловной Долгорукой".

На основании этого Акта появился еще один документ — Указ правительствующему сенату: "Вторично вступив в законный брак с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой, мы приказываем присвоить ей имя княгини Юрьевской с титулом светлейшей. Мы приказываем присвоить то же имя с тем же титулом нашим детям: сыну нашему Георгию, дочерям Ольге и Екатерине, а также тем, которые могут родиться впоследствии, мы жалуем их всеми правами, принадлежащими законным детям сообразно ст. 14 основных законов империи..."

Александр."

А в статье этой записано было следующее: дети, происшедшие от брачного союза лица императорской фамилии с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему дому, на наследование престола права не имеют. И даже сама Долгорукая-Юрьевская, став законной супругой государя, по той же статье была лишена многих прав, принадлежавших членам императорской фамилии.

Да, Александр очень любил Екатерину Михайловну, более, чем кому-либо доверял ей свои помыслы, прислушивался к ее советам. Да, он очень любил и детей, но есть любовь, а есть — основные законы империи, которые даже он, самодержец, не имел права нарушать.

Помехи эти могла устранить конституция.

В августе государь едет с семьей в Крым, в Ливадию. Лорис-Меликов не

без стараний со своей стороны получает приказ сопровождать его.

Конечно, отдых не место для решения важных государственных вопросов, но у министра внутренних дел уже нет временного пространства для маневров. Шаги, которые он предпринял ранее, принесли свои результаты, террористические акты ныне не будоражат Россию, но они возможны завтра, если будет упущен момент для проведения новых реформ, если не ускорить эпоху либерализации России. Что теракты, если уже появятся листовки и прокламации, по разрушительному заряду своему не меньше, чем бомба! В них — призывы не к улучшению существующего социального строя, а к его разрушению, не к совершенствованию государственных структур, а к слову их. И это уже не просто деяние отдельных фанатиков, это — программа партии, называющей себя «Народная воля». Император должен показать, что есть другой путь для созидательного продвижения государства — путь без крови и насилия, путь реформ.

Александр внимательно выслушивал все доводы Лорис-Меликова, однако, ничего определенного ему не отвечал. Лишь очень осторожно давал понять: да, предлагаемые реформы ему лично нравятся, но так быстро, как хотел бы министр, решать их судьбу нельзя. Нужно, чтобы с ними обязательно познакомился наследник, нужно создать комиссию, которая по пунктам рассмотрит данные предложения... Царю надо было помочь побороть свою же нерешительность, и тогда Михаил Тариелович решил использовать последнюю, козырную карту.

В этот день он не докучал государю разговорами о политике, революционерах, не показывал никаких документов. Он затронул иную тему, можно сказать, лирическую. Он с утра расхваливал его детей — «У Георгия царский лик, уже сейчас удивительный склад ума. Такой бы мог повести за собой народ». Он чуть ли не признавался императору в любви к Екатерине Михайловне — «Не встречал женщины чудесней... Кстати, первый из Романовых, Михаил Федорович, тоже был женат на Долгорукой... Говорилось это так, что Александр за каждой фразой будто заново перечитывал статьи законов империи, ограничивающие права любимых им людей. Наконец, Лорис-Меликов сказал напрямую: реформы, которые предлагаются Вашему Величеству на подпись, позволили бы узаконить в глазах всего общества возвышение вашей супруги в сан императрицы, а ваши дети взошли бы со временем на престол!

Вскоре после этого разговора министр внутренних дел был награжден орденом Андрея Первозванного — самым высоким знаком отличия, которого удостоивались русские государственные деятели. С этого же момента Михаил Тариелович знал: император кровно

заинтересован в том, чтобы некоторые реформаторские предложения, по сути статьи будущей конституции, как можно быстрее были согласованы и утверждены.

Лавирование между двумя лагерями закончено, Лорис-Меликов не скрывает, что он твердо придерживается пути либерализации. Всецело за него — великий князь Константин. Кажется, и наследник определился, с начала 1881 года именно под его председательством собралась секретная комиссия по разработке проекта политических реформ.

Но в Аничковом дворце крепла оппозиция. «Надо спасти Россию, пока не поздно!» — таким был ее главный призыв. И эти взгляды разделяло немало людей в политической, военной сферах, культуре. Лорис-Меликов боялся уже не того, что его не поддержат, боялся, что в трудную минуту ему нанесут удар в спину...

В конце февраля полиция напала на след боевиков партии «Народная воля». Желябов, Перовская и их сподвижники подготовили целый ряд покушений, но были схвачены накануне совершения терактов. Конечно, многие сообщники боевиков остались на свободе, и после ареста их руководителей следовало ожидать ответного хода со стороны народовольцев. Лорис-Меликов нуждался в широкой поддержке, но оппозиция «аничковцев» желала лишь одного: поражения министра.

А он стоял на своем. В последний день зимы Михаил Тариелович несет императору на подпись манифест, сообщавший русскому народу о введении в состав Госсовета членов по избранию. Это был первый значительный акт, ограничивавший самодержавие. Уже в понедельник документ планировалось опубликовать в газетах.

Лишь бы не произошло никакой случайности! Эти народовольцы, эта оппозиция... Господи, они как будто в едином заговоре против России, так думал в тот день Лорис-Меликов. Он даже высказал это царю, посоветовав ему не ездить назавтра, в воскресенье, на развод в Михайловский манеж.

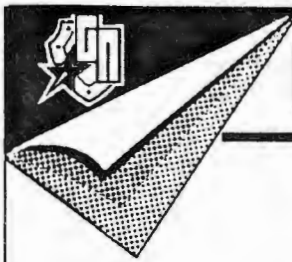
Царь не прислушался к этому совету. При возвращении с развода, когда карета его ехала вдоль сада Михайловского дворца, император Александр II был убит террористами.

В понедельник манифест в газетах не появился.

Еще через месяц граф Лорис-Меликов был отставлен от занимаемой должности.

Русская империя, отказавшись от преобразований, как писал впоследствии посол Франции в Петербурге Морис Палеолог, была обречена идти путем, приведшим ее к мученическому венцу.

Андрей ДЕНИСОВ.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Павел КОКОШКИН

БЕЛОМОРКАНАЛ. 30-е ГОДЫ

В этом номере редакция начинает публиковать главы из повести П.М.Кокоскина "Беломорканал. 30-е годы". Павел Михайлович — ветеран внутренних войск, в прошлом — член редакционного совета союзного комитета ветеранов войны. Он автор более пятисот очерков, рассказов, рецензий и статей. В 1984 году в республиканском издательстве Грузии "Мерани" у него вышла книга "Герой Советского Союза Давид Джабидзе" о летчике, спасшем в воздушном бою над станцией Мшинская под Гатчиной эшелон с эвакуированными из Ленинграда детьми.

На Беломорканале Павел Михайлович служил в начале 30-х годов. В повести он рассказывает о своей службе, о людях и нравах того времени, делится впечатлениями, накопленными им в поездках по Карелии в качестве корреспондента полковой газеты.

НАД МОСКВОЙ неподвижно висели серые осенние тучи. Из них сыпалось что-то сырое и тоскливое, дождь не дождь, одно слово — морось. На щербатом и кривом перроне Ленинградского вокзала галдела, дымила, пела и плевалась некая пестрая субстанция, которую армейский язык определял как призывной контингент. Публика здесь собралась весьма разношерстная. В старых ватниках и напрочь стоптанных кирзачах — тверская команда, в таких же затрапезных фуфайках, но в лаптях — деревенщина Удмуртии. На этом серо-буром фоне резко выделялись москвичи — в пальто и ботинках. Но главным их отличием были чемоданы, смотревшиеся в груде обшарпанных сундучков тверичей и домотканых мешков удмуртов как легковые "форды", среди крестьянских телег.

По свободному краю перрона, между бурлящей толпой и пассажирским составом прохаживались двое военных в длинных шинелях и шишкастых буденовках. Вдруг они остановились, один окинул взглядом толпу и зычно скомандовал:

— Станови-и-ись!

Толпа пришла в хаотичное движение, засуетилась, еще громче загалдела и в течение двух-трех минут растянулась по платформе извилистой кишкой, после чего сделалось относительно тихо. Вихрастый брюнет в надраенных до зеркального блеска хромачах не удержал под мышкой гармошку, и она, повиснув на ремне,

перекинуто через плечо гармониста, растянулась почти до земли, издав протяжный трехголосый гудок.

— Отставить музыку! — среагировал командир.

Брюнет поддернул инструмент вверх и резко сжал мехи, снова нечаянно придавив кнопки. Гармошка взвизгнула, как девка, которую ущипнули за бок. Командир бросил строгий взгляд на виновника инцидента, но ничего не сказал, а стоявший рядом с ним старшина покосился на струхнувшего гармониста и съязвил, сделав в первом слове ударение на "а":

— Моцарт! Ёшкин кот!

Командир достал из-под полы часы на цепочке, глянул на них и крикнул:

— По ваго-о-онам!

Никто не тронулся с места, все озирались в поисках традиционных для призывников теплушек, но кроме блестящего под дождем пассажирского состава, других поездов рядом не было. Первыми пришли в себя москвичи и устремились к открытым дверям вагонов, за ними бросились остальные.

Меня оторвал от земли напористый поток сомкнувшихся тел, внес в тамбур, протащил по коридору и швырнул к свободному месту у окна. Над головой что-то пискнуло — на верхней полке устраивался брюнет с гармошкой. Гвалт в вагоне стоял, как на пожаре. Он слегка опал, когда паровоз, сипло свистнув, дернул состав, загремевший сочленениями, и, набирая скорость, покотился в неведомые края, где ждала нас новая жизнь, непохожая на все то, что мы знали раньше.

Через полчаса после того, как за окном промелькнул выходной семафор, в вагон пожаловал старшина, тот самый, которого мы уже видели на перроне. Теперь он был без шинели, в гимнастерке, вздущейся на спине пузырем, а из-под ремня сзади торчавшей, как куриный хвост. В каждой петлице у него поблескивало по четыре треугольничка. Появившись в нашем отсеке, он рукой показал, чтобы сидевшие напротив меня парни раздвинулись, буркнув при этом:

— Ну-кася...

Воткнув меж ними свой узкий зад, как колун в колоду, старшина разложил на столе помятую, замусоленную тетрадь, разгладил ее шершавой красной ладонью, зачем-то послонил простой карандаш, терявшийся в его лапиче, как травинка в расщелине валуна, и объявил:

— Значится, так! Произвожу перепись населения. Докладывать коротко, не рассусоливать. Фамилия, имя, отчество и из каких будете.

— Это как? — спросил рыже-конопчатый парень, притиснутый старшиной к стенке.

— Ну, рабочий, крестьянин али из интеллигенции какой, — пояснил старшина и, ткнув карандашом в рыжего, скомандовал:

— Давай!

— Звать Шуриком, — начал тот и тут же осекся, увидев, что из-под бровей старшины на него уставились два молотка.

— Это ты возля маткиного подола был Шуриком, а здесь, стало быть, — Александр. Усек?

Рыжий кивнул и продолжил:

— По отцу — Василич, а...

— ...по фамилии — Суворов, — язвительно подхватил старшина.

Шурик Василич захлопал белесыми ресницами и промямлил:

— Ага. А откуда вы знаете?

Тут настала очередь старшины удивляться.

— Ну, ёшкин кот! — воскликнул он.

— Куды ж теперь командиру полка деваться, когда к нему такие полководцы пожалуют? Энтот — Суворов, в том вагоне — Кутузов, ежели щас еще Наполеон обнаружится...

Старшина замолчал, не зная, что делать при обнаружении Наполеона во вверенном ему призывном контингенте. Но эта проблема заботила его недолго. Кивнув рыжему, он взял карандаш на изготовку и с интонацией исполнительной команды произнес:

— Происхождение...

— Из крестьян, — поспешно отозвался тезка генералиссимуса.

— Слава Богу! Хотя тут без кружев.

Дальше старшина молча заполнял свою тетрадь, лишь кивая очередному подлежащему переписи пассажиру, пока на вопрос о происхождении не услышал в ответ:

— А леший его знает.

Он поднял голову и увидел на верхней полке обладателя гармошки. Узнав, усмехнулся:

— А-а, Моцарт! А говоришь — Цыганков. Так чё у тебя по родительской линии?

— Да кабы знать. Цыган я. Малым от табора отбился. Люди нашли, в детдом сдали. Там мне и фамилию, и отчество придумали. А что зовут меня Петром, это я сам помнил. Так что вместо происхождения у меня прочерк.

— Не спеши, паря. Вот когда тебя под холмик положат, прочерк на кресте поставят промеж двух цифирей, ежели большего не заслужишь. А покамест живой — никаких прочерков. Об твоём происхождении я опоясу с политруком потолкую. Подберем почву, куды тебе корень родословного древа пустить. Зачинателем рода будешь.

Старшина поднялся и принялся натягивать гимнастерку на плоском животе, сгоняя складки под ремнем за спину. Тут подал голос Суворов:

— Дядечка, а куда мы едем-то?

— Ха! Племяш выискался! Я тебе не дядечка, а товарищ старшина, Иван Лукич Хозин. А едем мы на кудыкину гору. Не боись, не заблудимся, — пообещал Хозин и отправился в соседний отсек. Так он и перемещался по вагону короткими перебежками, пока не

скрылся в тамбуре. Едва за ним хлопнулась дверь, переписанное население вагона, как по команде, бросилось к своим сидорам и сундучкам. Раздался звон бутылок, стаканов, по проходу поплыл запах сивухи и лука. Голоса звучали все громче, потом где-то у дальнего тамбура запели. Прислали гонца за гармонистом.

— А пожарть дадите? — спросил сверху цыган.

— Как играть будешь, а то и выпить нальем, — заверил вербовщик.

Цыган спрыгнул вниз, закинул ремень гармошки за плечо и, рванув мехи, сыпанул витиеватым перебором кадрили. Весь вечер вагон гулял. Перепели все песни, какие знали, пытались плясать, но в тесноте развернуться было негде. Угмонились уже за полночь. На подъезде к Бологому в вагоне раздавался лишь многоствольный хrap да перезвон катающихся по полу бутылок.

На рассвете прибыли в Ленинград. Там нас выгрузили, завели в вокзал и оставили на несколько часов в ожидании, пока подадут другой состав. Одни, продрогнув при построении на перроне, в вокзальном душном тепле сразу заснули, другие с похмелья маялись и отпивались буфетным чаем, третьи — вроде меня — досадовали, что, побывав в Ленинграде, даже краем глаза не увидят великий город.

Через час нашего сидения на вокзале туда привезли трио гастролировавших в Питере украинских бандуристов и бледную, как моль, тщедушную певичку, у которой оказался неожиданно сильный голос. Для нас устроили концерт, в котором особо отличился наш Моцарт. Это прозвище с подачи старшины накрепко прилипло к цыгану. Когда бандуристы свое отыграли, вдруг выяснилось, что никто не позаботился об аккомпанементе для певички. Не играть же на бандурах «Каховку» и «Смело, товарищи, в ногу» (все равно что «Гоп со смыком», — на арфе). Положение спас Цыганков. Подойдя с гармонью к певиче, он изобразил попури на темы песен ее репертуара, и они, что называется, спелись. Нет, кроме шуток, молодцы! Без репетиций такой концерт устроили, что все продолжавшие спать под переборы бандуристов, тут попроспались и даже принялись подпевать. Артистка от удовольствия порозовела. Под занавес исполнив по просьбам слушателей трижды подряд «По долинам и по взгорьям», она почувствовала и чмокнула цыгана в смуглую, второй день не бритую щеку, оставив на ней ярко-алый помадный след, потом выдернула из своей прически белый искусственный цветок и воткнула его в кармашек моцартова пиджака. Тот выкатил грудь колесом, будто его орденом Красного Знамени наградили.

Артисты уехали, а вскоре нам подали поезд, и мы снова тронулись в путь. Жорка Борозднов, назначенный стар-

шим по вагону, принес весть, что везут нас в какую-то Медвежку. Что это за место такое, никто не знал, поэтому, покалამбуривав немного по поводу названия, вскоре успокоились.

На выезде из Ленинграда по обе стороны состава проплывал голый пригородный лес, усыпанный не успевшими побуреть желто-красными листьями. Проснувшись же утром, мы были ошарашены слепящей белизной за окнами вагона.

— Робяты! — заорал рыжий Суворов. — Тут зима!

— Не быстро радуйся, — осадил его Сергей Ковалев, — теперь тебе зеленой травки месяцев семь не видать. Осто-чертеет еще снег-то.

Ковалев был потомственным иконописцем. Напротив его фамилии в графе «происхождение», старшина, окинув взглядом бедную одежку Сергея, записал: «Из несознательных пролетариев». Заглянув через его плечо в тетрадку, москвич Трегубов спросил:

— Люмпен, что ли?

— Какой такой люмпен? — не понял старшина.

— Люмпен-пролетариат — это жулики, проститутки и прочая подобная публика, — пояснил Трегубов.

— Вот именно, что публика, — насупил старшина, — а человек своим трудом жил, хоша и напрасным, ошибочным. И в Бога, поди, веришь? — спросил он Ковалева.

— А как же без Бога! — подтвердил Сергей. — Верую.

— Это не смертельно. Политрук тебе перекос в мозгах выправит, — заверил Иван Лукич.

Помолчав и с выражением какой-то утраты взглянув на серое небо за окном, он признался:

— Я до того, как в гражданскую забран был, тоже верил. Темнота! Комиссар наш тогдашний лихо за меня взялся. Так что теперя я в порядке. Но религия — штука сильная! Я долго еще козырял и по делу, и без дела, потому как рука сама для крестного знамени поднималась.

На станции Медвежья Гора, высыпав из вагонов, мы все замерли, пораженные открывшейся красотой и запахом снега. Какой-то парень в лаптях и залатанном зипуннике перекрестился на купол вокзала, видимо, приняв его за церковь, и выдохнул:

— Благодать!

Однако наслаждались мы недолго. По команде старшины началось беспорядочное, суетливое построение. Когда наконец нам удалось изобразить некое подобие строя, Хозин крикнул: «Смирно!» — и скрылся за дверью вокзала. Через минуту он вышел оттуда следом за коренастым военным, косолапо загребавшим ногами снег. Массивные роговые очки сидели на его носу-клубе как на корове седло. Чуждые этому багровому лицу, они и его делали чу-

жим всему, к чему оно обращалось. Как потом выяснилось, это был наш командир полка, Грушко Евгений Семенович. Коротко поприветствовав нас и поздравив с прибытием в полк славных войск ОГПУ, он с металлом в голосе распорядился:

— Кто в дороге пьянствовал, хулиганил — два шага вперед!

Строй даже не шелохнулся.

— Так и разбежались, — буркнул за моей спиной цыган.

— Кто в окна бутылки кидал? — продолжал комполка. — Во встречном пассажирском поезде стекла побили. Хулиганить — смелые, а отвечать — никого нет.

Он обернулся к стоявшим позади него командирам и распорядился:

— Лейтенант Шмаков, зачитайте список буютергов.

Встав перед строем, щуплый лейтенант, шея которого выглядывала из ворота шинели, как поварешка из кастрюли, петушиным голосом зачитал десятка два фамилий. Те, кого он называл, были построены в хвосте колонны отдельной группой, и мы побрели по разбитой, раскисшей дороге. Под ногами чавкала каша из грязи и снега. Я подумал, каково сейчас нашим лапотникам. Потом мысли вернулись к словам командира полка о побитых стеклах встречного поезда. Что-то тут было не так. Во-первых, единственный встречный прогремел мимо нас глубокой ночью. Угулявшаяся братия в это время уже храпела во всю ивановскую. А во-вторых, когда я среди ночи попытался открыть окно, чтобы выветрить смрад перегара, рама оказалась заколоченной гвоздями, и, насколько я помнил, все остальные окна тоже были закрыты. Откуда же тогда взялся список нарушителей порядка? Я поделился своими сомнениями с Петром. Цыган саркастически скривил рот:

— А ты не понял? Я эту систему еще в детстве усек. Выбирают несколько человек, за которыми водятся какие-либо грешки, раздувают их провинности до размеров смертного греха, грозят геенной огненной, а потом веревки вьют. Вот и этих будут в стукачи вербовать. Трибуналом припугнут. Только одного не пойму: как я в этот список не попал?

— Ты-то здесь при чем?

— А думаешь, они при чем? — Петр кивнул в хвост колонны. — В такие команды стараются отобрать самых заводил, вокруг которых люди собираются. Этакий рубаха-парень, балагур и весельчак — никто и не подумает, а вечером за закрытой дверью — тук-тук-тук. Ну а я со своей гармошкой — самый что ни на есть кандидат. Странно. Может, тут наоборот, на тихушников, на серых мышек ставку делают?

— Ты вроде жалеешь, что тебя вниманием обошли, — подначил я.

— Дурак ты! — без обиды бросил цыган. — Я скорей удавлюсь, чем гармошку на барабан променяю.

С нами поравнялся сержант, обгонявший строй, и разговор угас. Я уже начерпал полные ботинки грязи и готов был бросить свой облупленный фанерный чемодан, когда, поднявшись на пригорок, мы увидели внизу грузовики, поджидавшие колонну.

— Слава Богу! — обрадовался тезка генералиссимуса. — Кажись, оттопались.

На территории полка машины подкатили к приземистой бревенчатой постройке, малюсенькие окна которой походили на бойницы древней крепости. С одного торца к срубам примыкал кирпичный куб. Из его верхней грани торчала высокая металлическая труба, а сбоку зиял чернотой прямоугольный провал. Из трубы валил бурый дым. Прямо у стены куба высилась угольная куча высотой в три человеческих роста, возле нее суетились два человека, возраст которых не поддавался определению, оттого что оба были черны от макушек до пят. Вдвоем они нагрузили углем скособоленную тачку, после чего один, толкая ее впереди себя и следя, чтобы скрипучее колесо не соскочило с уложенной на землю доски, исчез в кирпичной утробе. Оттуда раздавался скрежет, шарканье лопаты, и в такт этим звукам из трубы снопами полетели искры.

— Свят, свят, свят! — перекрестился на трубу сидевший у заднего борта Суворов. — Чистилище! Как есть чистилище! Эвон и черти тут как тут.

Рядом с Шуриком Василичем захохотал сержант. Хлопнув рыжего по спине, он закричал:

— Ну ты даешь, деревня! Чистилище! Ха-ха! В баню вас привезли. А эти с тачкой — зеки-кочегары.

— Как зеки?

— Какие зеки?

Сразу несколько человек в кузове вскочили, чтобы получше разглядеть невиданных ими доселе зеков.

— Какие-какие! — передразнил сержант. — Обыкновенные. Осужденные по закону.

— Убивцы иль жулики? — не унимались в кузове.

— Всякие есть, — посерьезнев, сказал сержант, — а эти двое — предатели, троцкисты.

На какое-то время в кузове все притихло. Потом Ковалев спросил:

— В чем же их вина?

— Говорю же, — начал раздражаться сержант, — предатели, троцкисты.

— Ну а сделали-то они что?

— Что-что... На мельницу мировой буржуазии воду лили.

— Да где ж они ту буржуазию нашли?

— А вы не забывайте, в каком окружении мы живем, — ответил за сержанта минутой раньше подошедший к машине старший политрук. — Революция победила пока только в нашей стране, а вокруг нас — враги, которые постоянно ведут подрывную деятельность, засылают к нам своих шпионов,

вербуют агентов из политически незрелых граждан.

Тут раздалась команда «к машинам», и разговор прервался, но в бане он возник снова. Отдыхая после парной, мы сидели на лавке в предбаннике, у крошечных оконцев которого два умельца бойца посредством немудрящих манипуляций ножницами приводили прически новичков в соответствие с приказом командира полка, а может, кого и повыше. Цыган, Шурик Василич и я как клиенты их уже не интересовали, поскольку успели расстаться с шевелюрами еще в Ленинграде, в привокзальной парикмахерской. Сержант со старшиной развязывали тюки с новым, пахнущим чем-то непривычным обмундированием. Москвич Трегубов вдруг сказал:

— В газетах пишут, что у нас граница на замке, а политрук говорит, мол, кругом шпионы.

— Что-то я у нас в селе ни одного не видел, — подхватил Суворов. Голова его, остриженная под ноль, все равно оставалась рыжей и напоминала заморский фрукт апельсин, красовавшийся несколько лет назад в витрине коммерческой лавки напротив полуподвала, в котором жила наша семья. Голый, Шурик был еще рыжее, чем одетый, все его тело усыпали веснушки, а грудь и живот покрывал толстый слой шерсти кирпичного цвета.

— А ты думаешь, шпион на себе веску носит? — усмехнулся сержант. — Вот в твоем селе неужто ни одного врага народа не арестовали?

— Арестовать-то арестовали, да только какой он враг народа? Корову в колхоз не сдал, а как ему без коровы? У него восемь душ детей.

— Стало быть, об своем выводке он пекся, а народ кормить — не его забота? Кулацкая позиция!

— А его-то семья не народ разве? Да и какой он кулак? Месяцами на жмыхе сидел. К тому же в колхозном стаде в первую же зиму почти два десятка коров пали, а покамест по своим дворам стояли, худо-бедно до весны дотягивали.

— Выходит, и в колхозе у вас враг окопался. Плохо дело с революционной бдительностью обстоит, — наступал сержант. — А касательно семейства твоего земляка я тебе скажу так: узко смотришь, ты в масштабах страны рассуждай, тогда и поймешь, где народ, а где единоличные собственники, то бишь кулаки.

— Это тебе тут на казенном коште можно в масштабах рассуждать, а у меня за две последних зимы братан и две сеструхи с голоду преставились. Схоронены без поминок. Не водой же колодезной поминать, — не сдавался Василич.

— Горе твое, Суворов, понятно. Однако ты опять дальше своего плетня ничего не видишь. Ладно, тут тебе на политучебе кругозор расширят, а прозеков сразу заруби себе на носу: у нас

зазря не сажают. Раз органы арестовали, стало быть — враг. И сомневаться в этом может либо темнота вроде тебя, либо классово-незрелая интеллигенция, волочащаяся в хвосте рабочего движения к прогрессу.

Слушая перепалку Суворова с сержантом, я подумал о себе. Отец мой — рабочий, активно участвовавший в революции, воевавший в гражданскую под командованием Фрунзе, мать — советская служащая, вроде как из новой интеллигенции — не только не плетется в хвосте рабочего класса, а еще и руководит производством. А я вполне понимаю этого рыжего деревенского парня с его болью и растерянностью и никак не постигну высот революционной сознательности сержанта. Что это за логика такая: раз арестован — значит враг? Почему не наоборот? И если семья Шурика не народ, дети его сосланного земляка не народ, кто ж тогда народ? И кому это решать?

Размышления мои прервал старшина, остановивший разглагольствования сержанта:

— Будя у политрука хлеб отбирать. Давай-ка лучше белье выдавай. А вы, — обернулся к нам Хозин, — марш домываться! На все про все вам — десять минут. На улице еще вона сколько гавриков помывки дожидают.

После бани во дворе я озирался по сторонам, как деревенский родственник на столичном вокзале в поисках знакомого лица. Красноармейская форма настолько всех изменила, что даже цыгана я узнал лишь после того, как он, подойдя вплотную, хлопнул меня ладонью по плечу. Его, и без того высокого, буденовка делала еще выше. Форма ему шла. А вот тезке легендарного полководца шинель досталась не по росту, из рукавов торчали только кончики пальцев, лопухая голова на тонкой шее воспринималась как нечто инородное на бутафорски широких плечах, словно крынка, повешенная на плетень для просушки. Когда нас построили в колонну, я, видя перед собой одинаково выстриженные затылки, в одинаковых шлемах, вообще перестал кого-либо узнавать. Позже я убедился, что эта дезориентация — явление очень непродолжительное, но в тот момент, шагая в строю, с тоскою почувствовал себя надцатой ногой какой-то гигантской сороконожки. Помню, еще тогда подумалось, что при таком количестве ног и при такой неотличимости их друг от друга, если одну из них вдруг оторвет, сороконожка даже не вздрогнет и не заметит потери. Значит, самое главное — шагать в ногу, чтоб на тебя не наступили и не растоптали в стремительном марше к цели, во имя достижения которой спишутся любые потери.

(Продолжение следует.)

Писатель и время

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ЛГАЛ

Три встречи с Сергеем Довлатовым

НАДО ЛИ его представлять читателю?

Не знаю, не знаю. Лично мне кажется, что назови имя и фамилию — Сергей Довлатов — и больше никаких пояснений не потребуется. Писатель милостью божией. Ну кое-что можно лишь напомнить. В Соединенных Штатах вышло около двадцати книг этого автора на русском и английском языках. Переводили его также на шведский, японский, немецкий... В рецензиях писали: «Произведения русского литератора бесхитростны до гениальности». Можно добавить: до гениальности честны и добры. Герои рассказов Довлатова смешны, глуповаты, пронизательны, беззаботны, мудры и ранимы, а потому человечны. Когда-то его упрекали в идейной чуждости, говорили, что персонажи не должны поступать так-то и так-то. А он отвечал: я выдумываю, но не лгу. Не все понимали, что между этими словами большая разница, и непонимающие, как истовые цензоры, хватались за мелочи. «А у него даже солдаты сплошь пошляки да бабники, по себе, видно, обо всех судит...»

По себе судит?

А ведь я знал его солдатом.

Было это весной 1965 года. Я, будучи военным журналистом, приехал в одну из частей внутренних войск — собирать заметки о лучших воинах. Мне сразу же порекомендовали: «Есть

у нас рядовой Довлатов, добросовестнейший солдат. Службу уже заканчивает, но — никакого разгильдяйства. Общественник, редактор боевого листка...»

Так я познакомился с Довлатовым. Узнал, что родился он в сорок первом, ленинградец, до призыва во внутренние войска учился в этом городе в университете, ужасно любит читать, пробует сам писать, но пока лишь для себя: «Свой стиль ищу».

Нет, он не был ни пошляком, ни бабником, он был грамотным, толковым военным служащим, отлично понимающим, чего требует от человека боевая служба. Но он искал своего героя, ироничного и раскованного, от имени которого можно было бы передать дух казармы, нестандартные характеры воинов. Он был выдумщиком в мелочах — и этого ему не прощали редакторы, — но показывал правду ситуаций.

Попробую объяснить, что я имею в виду. Объяснить словами самого Сергея. Наша вторая с ним встреча состоялась через семь лет. Он стоял у Фонтанки, напротив Лениздата, держал в руках пухлую папку. Не слишком весело улыбнулся, все же стараясь выглядеть бодрячком:

— Вот, рукопись вернули. Говорят: ты, Довлатов, учишь людей пить и быть безалаберными. Я отвечаю: пить они

Сергей ДОВЛАТОВ

НА ЧТО ЖАЛУЕТЕСЬ, СЕРЖАНТ?

Попробуйте зайти к доктору Явщицу с оторванной головой в руке. Он посмотрит на вас унылыми близорукими глазами и равнодушно спросит:

— На что жалуетесь, сержант?

Чтобы добиться у Явщица освобождения, нужно пережить авиационную катастрофу. И все-таки за год я научился симулировать болезни — от радикулита до катара. Я разработал собственный метод. Метод заключался в следующем. Я просто называл какой угодно фантастический симптом. И затем отстаивал его с диким упорством. Целый месяц, например, дурачил Явщица, повторяя:

— Такое ощущение, доктор, что из меня выкачивают кислород. Кроме того, у меня болят ногти и чешется позвоночник...

Однако в этот раз мне не повезло. Мой радикулит бесславно провалился. Явщиц сказал мне:

— Можете идти, сержант.

И демонстративно раскрыл Сименону.

— Интересно, — сказал я, давая понять, что на врача ложится ответственность за губительный ход болезни.

— Не задерживаю вас, — промолвил доктор.

Я напился из цинкового бачка, заглянул в ленинскую комнату.

Там в одиночестве сидел Фидель. Перед ним был опрокинутый стул. Уподобляясь древним мастерам, Фидель покрывал изысканной резьбой нижнюю часть сиденья. При этом он что-то напевал.

— Здорово, — говорю.

Фидель отодвинул стул. Затем гордо поглядывал на свою работу. Я прочел короткое всеобъемлющее ругательство.

— Вот, — сказал он, — крик души!

Потом спросил:

— Тебе Эдита Пьеха нравится? Только откровенно...

— Еще бы, — сказал я.

— На лицо и на фигуру?

— Ну.

— А ведь ее кто-то это самое, — размечтался Фидель.

— Не исключено, — говорю.

— В женщине главное не это, — сказал Фидель, — а главное — характер. В смысле — положительные качества... У меня была одна чувиха в Сыктывкаре, так я ей цветы дарил. Незабудки, розы, хризантемы всяческие...

— Врешь, — сказал я.

— Вру, — согласился Фидель, — только дело же не в этом. Дело в принципе... Ты в ночь заступаешь?

— Ну.

— В шестом бараке зеки что-то химичат. Сам опер предупреждал.

— А что конкретно?

— Не знаю, ты его спроси. Какую-то поганку заворачивают. Или просто волят...

— Хорошо бы выяснить.

— Опера спроси...

Мы прошли через казарменный двор. Новобранцы занимались строевой подготовкой. Командовал ими сержант Мелешко. Завидев нас, он живо переменял тон.

— Что, Парамонов, — заорал сержант, — яйца мешают?!

Отец Парамонова был литературоведом. Маршировать его сын не умел. Гимнастерку называл сорочкой. Автомат — ружьем. Кроме того, писал стихи. С каждым днем они звучали все похабнее...

Мы прошли вдоль уборной с распах-

нутой дверью. Оказался на питомнике. Просторные вольеры были ограждены железными сетками. Там бесновались злобные караульные собаки. Лохматая Альма от ярости грызла собственный хвост. Ее шерсть была в крови...

Пахапила не было. Инструктор Воликов что-то мастерил за столом. Перед ним стоял репродуктор. Задняя стенка была отвинчена. Я почувствовал острый запах канифоли.

Завидев нас, инструктор выключил паяльник.

— Хорошо у тебя, — сказал Фидель, — начальство редко заглядывает.

Мы оглядели бревенчатые стены. небрежно убранную постель. Цветные фотоснимки над столом. Таблицу футбольного чемпионата, гитару, инструкцию по дрессировке собак...

— Попрут меня отсюда, — заметил Воликов, — собаки буквально рехнулись. Выставляю Альму на блок-пост. Зек идет вдоль забора — она хвостом машет. А на солдат бросается. Совсем одичала. Даже меня не признает. Кормлю ее, падлу, через специальную амбразуру.

— Вот бы оказаться на ее месте, — сказал Фидель, — да капитану Токарю горло перегрызть. А что, ей ведь трибунал не страшен...

— Если желаете, я щенков покажу, — сказал Воликов, натягивая брюки.

Мы, нагнувшись, прошли в специальный чулан. Там лежал на боку рыжеватая сука Мамуля. Она встревоженно подняла голову. Рядом, уткнувшись ей в брюхо, копошились щенята.

— Не трогай, — сказал Воликов Фиделю.

Он стал брать щенков и передавать нам. У них были розовые животы. Тонкие лапы дрожали.

Фидель поднес одного из них к лицу. Щенок лизнул его. Фидель засмеялся и покраснел.

Мамуля беспокойно оглядывала нас и пошевеливала хвостом.

Несколько секунд все стояли молча. Затем Фидель воздел руки, как джазовый певец Челентано, а обложке грампластинки "Супрафон". Затем он покрыл матом всех семерых щенков. Суку Мамулю. Ротное начальство. Лично капитана Токаря. Местный климат. Инструкцию надзорсостава. И предстоящий традиционный лыжный кросс.

— Надо за бутылкой идти, — сказал Воликов. Как будто увидел где-то соответствующий знак.

— Нельзя, — сказал я, — мне вечером заступать.

— В шестом поганка начинается, слышал?

— А что конкретно?

— Не знаю. Опер инструктировал.

— Пойди ты к Явщицу, — сказал Фидель, — инфаркт, мол... Кашляю... В желудке рези...

— Я был. Он меня выставил.

— Явщиц совсем одичал, — заметил Воликов, поглаживая Мамулю, — абсолютно. Прихожу как-то раз. Глотать, мол, больно. А он и отвечает: "Вы бы поменьше глотали, ефрейтор!..". Намекает, козел, что я пью. Небось сам дует шнапс в одиночку.

— Не похоже, — сказал я, — дед в исключительной форме. Кирным его не видели.

— Поддает, поддает, — вмешался Фидель, — у докторов навалом спирта. Почему бы и не выпить?..

— Вообще-то да, — говорю.

— Я слышал, он Максима Горького загубил, еще когда был врагом народа. А в шестидесятом ему помиловка вышла... Леа... реали... реабилитировали его. А доктор обиделся: "Куда же вы глядели, пока я срок тянул?!". Так и остался на севере.

— Их послушать, — рассердился Воликов, — каждый сидит ни за что. А шпионов я вообще не обожаю. И врагов народа тоже.

— Ты их видел? — спрашиваю.

— Тут попался мне один еврей, завбаней. Сидит за развращение малолетних.

— Какой же это враг народа?

— А что, по-твоему, друг?..

Воликов ушел помочиться. Через минуту вернулся и говорит:

— Альма совсем одичала, начисто. Лает на меня, как будто я чужой. Я раз не выдержал, подошел и тоже как залаю. Напугал до смерти...

— На ее месте, — сказал Фидель, — я бы всем, и цирикам, и зекам, горло перегрыз...

— Нам-то за что? — поинтересовался Воликов.

— А за все, — ответил Фидель.

Мы помолчали. Было слышно, как в чулане пищат щенки.

Я зашел в казарму, надел полушубок и разыскал лейтенанта Хуриева. Он должен был меня проинструктировать.

— Идите, — сказал Хуриев, — будьте осторожны!

Лагерные ворота были распахнуты. К

ним подъезжали автозаки с лесоповала. Заключенные сидели в кузове на полу. Солдаты разместились за барьерами возле кабин. Когда машина тормозила, они прыгивали первыми, затем быстро отходили, держа автоматы наперевес. После этого прыгивали заключенные и шли к воротам.

— Первая шеренга — марш! — командовал Тваури.

В правой руке он держал брезентовый мешочек с карточками. Там были указаны фамилии заключенных, особые приметы и сроки.

— Вторая шеренга — марш!

Урки шли, распахнув ватные бушлаты, не замечая хрипящих собак.

Грузовики развернулись и осветили фарами ворота.

Когда бригады прошли, я отворил дверь вахты. Контролер Белота в распахнутой гимнастерке сидел за пультом. Он выдвинул штырь. Я оказался за решеткой в узком проходном коридоре.

— Курить есть? — спросил Белота.

Я бросил в желоб для ксив несколько помятых сигарет. Штырь вернулся на прежнее место. Контролер пропустил меня в зону...

На Севере вообще темнеет рано. А в зоне — особенно.

Я прошел вдоль стен барака. Достиг ворот, под которыми тускло блестели рельсы узкоколейки. Заглянул на КПП, где свёрхсрочники играли в буру.

Я поздоровался — мне не ответили. Только ленинградец Игнатев возбужденно крикнул:

— Боб! Я сегодня торчу!..

Измятые карты беззвучно падали на отполированный локтями стол.

Я докурив сигарету, положил окурочок в консервную банку. Затем, распахнув дверь, убедился, что окончательно стемнело. Нужно было идти.

Шестой барак находился справа от главной аллеи, под вышкой. Там, по оперативным сведениям, готовилась поганка.

Я мог бы и не заходить в шестой барак. И все-таки пошел. Мне хотелось покончить со всем этим до наступления абсолютной тишины.

В углах шестого барака прятались тени. Тусклая лампочка освещала грубый стол и двухъярусные нары.

Я оглядел барак. Все это было мне знакомо. Жизнь с откинутыми покровами. Простой и однозначный смысл

вещей... Параша у входа, картинки из "Огонька", на закопченных балках... Все это не пугало меня. Лишь внушало жалость и отвращение...

Бугор Агешин сидел, расставив локти. Лицо его выражало злое нетерпение. Остальные разошлись по углам.

Все смотрели на меня. Я почувствовал себя неловко и говорю Агешину:

— Ну-ка выйдем.

Тот встал, огляделся, как бы давая последние распоряжения. Затем направился к двери. Мы остановились на крыльце.

— Зека Агешин слушает, — произнес бугор.

В его манерах была смесь почтения и хамства, которая типична для заключенных особого режима. Где под лицемерным "начальник", явственно слышится "кирпич"...

— Слушаю вас, гражданин начальник!

— Что вы там затеаете, бугор? — спросил я.

Мне не стоило задавать этот вопрос. Я нарушал таким образом правила игры. По условиям этой игры надзиратель обо всем догадывается сам. И принимает меры, если он на это способен...

— Обижает, начальник, — сказал бугор.

— Что я, не вижу?..

Тут я вспомнил краснорозевого официанта из модернизированной пивной на Лиговке. Однажды я решил уличить его в жульничестве и достал авторучку. Пока я считал, официант невозмутимо глядел мне в лицо. Да еще повторял фамильярным тоном:

"Считай, считай... Все равно я тебя обчитаю..."

— Если что-нибудь случится, ты из бригадиров полетишь!

— За что, начальник? — выговорил Агешин с притворным испугом.

Мне захотелось дать ему в рожу...

— Ладно, — сказал я и ушел.

Засыпанные снегом красноватые окошки шестого барака остались позади.

Я решил зайти к оперу Борташевичу. Это был единственный офицер, говоривший мне "ты". Я разыскал его в штрафном изоляторе.

— Гуд ивининг, — сказал Борташевич, — хорошо, что ты появился. Я тут философский вопрос решаю — отчего люди пьют? Допустим, раньше говорили — пережиток капитализма в сознании людей... Тень прошлого... А главное — влияние Запада. Хотя поддаем мы

исключительно на Востоке. Но это еще ладно. Ты мне вот что объясни. Когда-то я жил в деревне. У моего соседа был козел. Такого алкаша я в жизни не припомню. Хоть красное, хоть белое — только наливай. И Запад тут не влияет. И прошлого вроде бы нет у козла. Он же не старый большевик... Я и подумал, не заключена ли в алкоголе таинственная сила. Наподобие той, что образуется при распаде атомного ядра. Так нельзя ли эту силу использовать в мирных целях? Например, чтобы я из армии раньше срока демобилизовался?..

В изоляторе — решетки на окнах. В углу плита. На плите — кипящий чайник, обложенный сухарями. За стеной две одиночные камеры. Их называют — «стаканы». Сейчас они пусты...

— Женья, — сказал я, — в шестом бараке, кажется, поганка созревает. Это правда?

— Да, я как раз хотел тебя предупредить.

— Чего же не предупредил?

— Философские мысли нахлынули. Отвлекся. Простите...

— А в чем там дело?

— Хотят одному стукачу темную устроить. Онучину Ивану.

— Это же твой любимый кадр.

— Уже не мой. Я этого типа использовать не в состоянии. Форменный псих. На политике тронулся. Чего его ни спроси, он все за политику. Этот, говорит, принизил великий образ. У этого — нездоровые тенденции. Будто единственный, кто за советскую власть, — гражданин Онучин. Тьфу, создает же природа...

— А по делу он кто?

— Баклан, естественно. Я тебе вот что скажу. Сиди-ка ты на вахте. Или у меня. А в шестой барак не суйся.

— Так они же его замочат! Каждый сунет по разу, чтобы все молчали...

— Тебе что, Онучина жалко? Учти, он и на тебя капал. В смысле, что ты контингенту потакаешь.

— Не в Онучине дело. Надо по закону.

— Ты вообще излишне с зеками церемонишься.

— Просто мне кажется, что я такой же. Да и ты, Женья...

— Во дает, — сказал Борташевич, нагибаясь к осколку у зеркала, — во дает! Будка у меня действительно штрафная, но перед законом я относительно чист.

— Про тебя я знаю. А я до ВОХРы пил, хулиганил, с фарцовщиками был

знаком. Один раз девушку ударил на Перинной линии. У нее очки разбились...

— Ну хорошо, а я-то при чем?

— Разве у тебя внутри не сидит грабитель и аферист? Разве ты мысленно не убил, не ограбил? Или, как минимум, не изнасиловал?

— Еще бы, сотни раз. А может, тысячи. Мысленно — да. Так я же воли не даю моим страстям.

— А почему? Боишься?

Борташевич вскочил:

— Боюсь? Вот уж нет! И ты прекрасно это знаешь!

— Ты себя боишься.

— Я не волк. Я живу среди людей...

— Ладно, — сказал я, — успокойся.

Опер шагнул к плите.

— Гляди-ка, — вдруг сказал он, — у тебя это бывает? Когда чайник закипит, страшно хочется пальцем заткнуть это дело. Я как-то раз не выдержал. Чуть без пальца не остался...

— Ладно, — говорю, — пойду.

— Не торопись. Хочешь пива? У меня пиво есть. И банка консервов.

— Нет. Пойду.

— Ты даешь, — поразился Борташевич, — совсем народ одичал. Пива не желает.

Он стоял на пороге и кричал мне вслед:

— Алиханов, не ищи приключений!..

Из ШИЗО я направился в самый опасный угол лагерной зоны. Туда, где между стеной барака и забором пролежала освещенная колея. Так называемый простреливаемый коридор.

Инструктируя служебный наряд, разводящий требовал к этому участку особого внимания. Именно поэтому тут всегда было спокойно.

Я прошел вдоль барака, издали крикнув часовому:

— Здорово, Рудольф!

Мне хотелось предостеречь стандартный окрик: «Кто идет?!». От этого у меня всегда портилось настроение.

— Стой! Кто идет?! — выкрикнул часовой, щелкая затвором.

Я молча шел прямо на него.

— Вай, Борис?! — сказал Рудольф Хедоян. — Чуть-чуть тебя стреляла!..

— Ладно, — говорю, — тут все нормально?

— Как нормально, — закричал Рудольф, — почему нормально?! Людей не хватает. Надзиратель вишка стоит! Говоришь, нормально? Нет нормально!

Холод — нормально?! Э!..

Южане ВОХРы страшно мучились от холода. Иные разводили прямо на вышках маленькие костры. И когда-то офицеры глядели на это сквозь пальцы. Затем Резо Цховребашвили сжег до основания четвертый караульный пост. После этого было специальное указание из штаба части, запрещающее даже курить на вышке. Самого Резо таскали к полковнику Гречневу. Тот начал было орать. Но Цховребашвили жестом остановил его и миролюбиво произнес: "Ставлю коньяк!"

После чего Гречнев расхохотался и выгнал солдата без наказания...

— Вот так климат, — сказал Рудольф, — похуже, чем на Луне.

— Ты на Луне был? — спрашиваю.

— Я и в отпуске-то не был, — сказал Рудольф.

— Ладно, — говорю, — потерпи минут сорок...

Я стоял под вышкой несколько минут. Затем направился к шестому барaku. Я шел мимо косых скамеек. Мимо покоробившихся щитов с фотографиями ударников труда. Мимо водокачки, черный снег у дверей которой был истоптан.

Затем свернул к пожарной доске, чтобы убедиться, все ли инструменты на месте.

Начнись пожар, и заключенные вряд ли будут тушить его. Ведь любой инцидент, даже стихийное бедствие, приятно разнообразит жизнь. Но аварийный стенд был в режиме, и зеки этим пользовались. Когда в бараке начиналась резня, дерущиеся мчались к пожарному стенду. Здесь они могли схватить лопату, чугунные щипцы или топор...

Из шестого барака донеслись приглушенные крики. На секунду я ощутил тошнотворный холодок под ложечкой. Я вспомнил, какие огромные пространства у меня за спиной. А впереди — один шестой барак, где мечутся крики. Я подумал, что надо уйти. Уйти и через минуту оказаться на вахте с картежниками. Но в эту секунду я уже распахивал дверь барака.

Онучина я увидел сразу. Он стоял в углу, прикрывшись табуреткой. Ножи его зловеще торчали вперед.

Онучин был известным стукачом. А также единственным человеком в зоне, который носил бороду. Так он снялся, будучи подследственным. Затем снимок перекочевал в дело. В дальнейшем борода стала его особой приметой, как

и размашистая татуировка: "Не забуду мать родную и погибшему отцу!".

Онучин был избит. Борода его стала красной, а пятна на телогрейке — черными. Он размахивал табуреткой и все повторял:

— За что вы меня убиваете? Ни за что вы меня убиваете! Гадом быть, ни за что!..

Когда я вошел... Когда я вбежал, заключенные повернулись тотчас же, снова окружили его. Кто-то из задних рядов, может быть Чалый, с ножом пробивался вперед. Узкое белое лезвие я увидел сразу. На эту крошечную железку падал весь свет барака...

— Назад! — крикнул я, хватая Чалого за рукав.

— От греха, начальник, — сдавленно выговорил зек.

Я ухватил Чалого за телогрейку и сдернул ее до локтей. Потом ударил его сапогом в живот. Через секунду я был возле Онучина. Помню, расстегнул манжеты гимнастерки.

Заключенные, окружив нас, ждали сигнала или хотя бы резкого движения. Что-то безликое и страшное двигалось на меня.

С грохотом распахнулась дверь. На порог шагнул Борташевич в ослепительных яловых сапогах. Меня он заметил сразу и, понижая голос, выговорил:

— Через одного... Слово коммуниста... Без суда...

Угрожавшее мне чудовище распалось на десяток темных фигур. Я взял Онучина за плечо. Мы втроем ушли из барака.

За спиной раздался голос бугра:

— Эх, бакланье вы помойное! Разве с вами дело замочить?!..

Мы шли вдоль забора под охраной часовых. Когда достигли вахты, Борташевич сказал Онучину:

— Иди в ШИЗО. Жди, когда переведут в другой лагерь.

Онучин тронул меня за рукав. Его рот был горестно искривлен.

— Нет в жизни правды, — сказал он.

— Иди, говорю...

Рано утром я постучался к доктору. В его кабинете было проторно и чисто.

— На что жалуетесь? — выговорил он, поднимая близорукие глаза.

Затем быстро встал и подошел ко мне:

— Ну что же вы плачете? Позвольте, я хоть дверь запру...

Четверть века прослужил во внутренних войсках Петр Михайлович ДМИТРИЕВ, прапорщик в отставке. Был участником первого семинара литераторов внутренних войск, дважды становился лауреатом литературных конкурсов нашего журнала. Его стихи публиковались в коллективных сборниках, журналах "Юность", "Знаменосец", в областных и районных газетах. Он автор поэтической книги "Время перемен", вышедшей в Москве в 1992 году.

ПЕТР ДМИТРИЕВ

ДАЛЬНИЙ ЛЕС

ЧАСЫ

На основании закона,
Смирив потребности и страсти,
Я наблюдаю жизнь с балкона
В ее доступной, малой части.

Теперь в чреде тоскливых буден
Мой быт от прежнего отличен
И тем еще, что уж не будет
Ни премий и ни зуботычин.

На пенсион пора — и баста!
Со мной расстались без печали.
Что лишним стал,
что стал балластом —
Великодушно умолчали.

Зато каким я был хорошим,
Как на поминках, говорили!
И был подарком огорошен,
Когда будильник подарили.

Чтоб, доживая одиноко,
Не прозевал бы час кончины...
Недавно те часы до срока
Остановились без причины.

И — тишина опять, до звона!
Но я живу, дышу, страдаю
И с персонального балкона
Ход новой жизни наблюдаю.

ОБИДА

Как обузу, отринув сошку,
Стал посредник лихой в чести.
Без него, делового, ложку
Мне ко рту уж не поднести.

Видно, пенки с торговли сладки,
Коль купчишка совсем не прочь,
День-деньской проторчав в палатке,
Заодно прихватить и ночь.

Не привыкнуть к дороговизне,
Но печалюсь не о себе —
Мало ль было ухабов в жизни,
Поворотов крутых в судьбе?! —

Вынес все без нитья, без звука,
Для себя — и теперь стерплю.
Но обидно:
Гостинца внуку
Подходящего не куплю...

ВСТРЕЧА

Сижу в знакомой мне квартире
Нежданым гостем у стола.
Изменчив мир, и в этом мире
Ты, приспособившись, жила.

И зримы нового приметы
Во всем, открывшемся теперь:

*Из спальни детские портреты
Глядят в распахнутую дверь.*

*Там — дочь твоя: в кроватке лежа,
Без куклы, с куклою. Анфас...
Как на тебя она похожа,
На ту, далекую сейчас!*

*Молчим с тобою, как у гроба.
А впрочем, так оно и есть.
Мы повстречались снова, чтобы
Потери жизненные счесть.*

*В окно смотрел ненастный вечер,
Манил настейчиво во тьму.
— Давай хоть выпьем ради встречи,
Последней, судя по всему...*

*С улыбкой девочка глядела
На нас с портретов на стене.
Ей, беззаботной, мало дела,
Как худо здесь чужому — мне.*

*Была любовь, да постепенно
Ушла, как душу ни трави...
Чужая жизнь.
Чужие стены.
Чужие отзвуки любви.*

НАХОДКА

*Нет «Жигулей».
Скромны мои чертоги.
Не светит дача в видимой близи.
Зато нашел полтинник
На дороге
Лежит себе, затоптанный в грязи.*

*Нагнулся я и думаю:
Не мешкай!
Хоть полрубля,
Но все-таки добро!
И не поднял.
Лежал он кверху решкой —
Не будет толку,
Ставь хоть на ребро...*

ДАЛЬНИЙ ЛЕС

*Чтоб выбраться из этой чащи —
Вконёц я выложусь всегда.
Здесь нет тропинки, вдали манящей,
А все неведомо куда.*

*Бредешь измотаннее клячи,
К тому ж по кругу водит бес...
А будь в лесу том все иначе,
И не ходил бы в этот лес!*

МОЛИТВА О РАЕ

*«Хватит догмами жить!» —
Сверху так указали.
Внял законопослушный,
Да только беда:
Все мне кажется,
Будто живу на вокзале,
Где билеты дают
Неизвестно куда.*

*И трястись нам, трястись,
Пассажирам эпохи,
И ловить впереди
Тот обманчивый свет,
И, трезвея, менять
Свои ахи на охи,
На заглавный вопрос
Ожидая ответ.*

*Кем написан он был,
Нашей жизни сценарий?
Никому произвольно
С пути не свернуть...
И лететь нам, лететь
Через крови и гари —
Потрясениями
Обозначен наш путь.*

*И припомнится: жили —
Не били баклуши...
А теперь на тебя
Поглядят свысока
Даже в самом раю:
Там ведь тоже — чинуши.
И тропинка туда
Стала слишком узка.*

ГРАЧИ

*Вот и кончились метели,
И на вольные харчи
Издалека прилетели
К нам сезонники-грачи.*

*Строят гнезда спозаранку,
Граем души веселя.
Как на скатерть-самобранку,
Вылетают на поля.*

*«Кар» да «кар» друг дружке вторят,
Песнь избранницам поют.
Из-за них порой повздорят
И опять червей клюют.*

*Несусветной холодрыгой
Вдруг потянет. Не беда,
Коль торчит победной фигой
Хвост грачиный из гнезда!*

Овидий ГОРЧАКОВ

ВНЕ ЗАКОНА

Главы из романа*

20.

Однажды утром мы увидели, что малиновые цветы татарника покрылись белесыми пятнами инея. Зловещ и мрачен был вид тронутой морозом травы. Все, теперь не постирать в реке или озере одежду — не высохнет до утра, да и спать без нее невозможно холодно. А в деревенских хатах нельзя засиживаться: немцев вокруг полно, у полицаев с ними связь отлажена. Лес, хоть как-то кормивший нас летом и осенью, истощился, все труднее стало добывать продовольствие в населенных пунктах.

На берегу маленькой безымянной речки зашли в дом старосты. Сам он успел сбежать, видно, издали распознав в нас партизан, но жена его осталась на хозяйстве.

— А что же ты с мужем не убежала? — спросил Баженов.

— Ага, разворуете тут все...

— А есть что воровать?

— Ничего уже и нет, а что было, то немцам сдали, то партизаны растащили.

— Интересно у тебя, хозяйка, получается, — покрутил головой Виноградов, — партизаны, значит, тащат, а немцам сама готова все сдать, так? — и уже грозно завершил: — Поищем сейчас, что Гитлеру в подарок приготовила!

— И не ищите, нет ничего...

Но Виноградов уже шагнул на конюшню с шомполом в руке и им, как щупом, стал орудовать в сене. Через минуту все услышали его повеселевший голос:

— Есть бочка, с салом. Свежее, еще не просолившееся. Люблю такое!

Барашков в подпечье обнаружил лукошко яиц, Баженов не поленился разбросать мусор, зачем-то сложенный в кучу у крыльца. Вскоре мы увидели зачем: им была завалена пузатая кадлушка с отличнейшим медом. Его тут же разлили по котелкам и ведрам, и прежде чем двинуться дальше, к Ипуть, Барашков сказал хозяйке:

— Ты, старостиха, сама прикинь и у мужа спроси: как перед народом отчитываться будете, когда мы немца с этих краев прогоним? А в том, что прогоним, не сомневайся!

Казалось, вот она, Ипуть, но уже упала на землю холодная, безлунная ночь, а реки все не было. Так и оставались ждать рассвета в неуютном сыром лесу.

Утром, продолжая путь, зашли в большое село Лопатище. История со старостой и здесь почти повторилась: он сбежал, едва завидев выходящих из леса людей, но жена его оказалась более покладистой. В их доме было полно теплых вещей — как раз прошел сбор для отправки на германский фронт. Мы их, естественно, реквизировали. По подворью ходило целое стадо гусей — тоже для немцев, мы некоторым сразу отрубили головы. Заваляшин при этом пошутил:

*Окончание. Начало в № 5, 7.

— Будем помнить, граждане, что каждый гусь, съеденный партизанами, — это удар по Гитлеру! Ему, гаду, меньше достанется!

Уже уходя в лес, увидели, как к селу тянется длинная колонна подвод: это немцы ехали за одеждой и продовольствием. Вскоре оттуда по лесу была открыта беспорядочная стрельба: нас они, конечно, не видели, стреляли так, со зла.

В Лопатище мы узнали, где нам лучше всего переправиться через Ипуть. Был брод между селами Блинные Кучи и Крестовая, но для этого надо было пересечь Мглинский большак — а там полно немцев. Хорошо, что темной, безлунной выдалась ночь. Мы разделались догола, зашли в ледяную воду, держа над головами одежду. Старались идти тихо, но кто-то все же, видно, потеряв равновесие, вскрикнул, раздался всплеск, и тут же со стороны кладбища села Крестовая забила пулеметная очередь. Пули зашлепали по воде намного ниже по течению, в ту же сторону потом полетела и осветительная ракета. Нас по-прежнему скрывала темнота.

Выскочили на берег, не одеваясь, углубились в лес. Лишь здесь натянули на себя штаны, куртки. И сразу же отчаянно зачесались. Сначала даже не поняли причину, но Виноградов пояснил:

— Вши, собаки. В реке замерзли, теперь греться начали. И нам бы костерок не помешал, а?

Конечно, не помешал бы. Стоял уже конец октября, и ночной воздух после ледяной воды, кажется, холодил даже кости. Мы приняли решение остановиться на ночевку и развести огонь, углубившись подальше в чащобу. Тогда немцы, даже если что и заметят, к нам вряд ли сунутся. Брянский лес — это не для их, так сказать, зубов.

Мы шли, шли и шли, но деревья не становились гуще, создавалось такое впечатление, что все время топаям по опушке. Наконец частокол елей заставил нас буквально продираться между стволами, еще немного — и можно остановиться на отдых. Метров сто еще...

Но через сто метров отряд оказался не то на поле, не то на большой поляне. Мы замерли, всматриваясь. Впереди, на фоне низкорослого кустарника, горел костер.

Кто возле него: вражеский дозор, партизаны?

21.

В разведку пошли вчетвером: Виноградов, Солянин, Завалишин и я. Подползли к костру со стороны кустов, легкий ветер относил дым прямо в нашу сторону.

— Квашеным тестом пахнет, — прошептал Завалишин. — Не пойму: хлеба тут выпекают, что ли? А, разведка?

— Чего там не понять, — Виноградов смело встал на ноги и нам сказал: — Поднимайтесь. Винокурня тут, самогонку варят.

Сам винокур, щупленький мужик в бараньем полушубке и непомерно большом треухе, увидев нас, в первую минуту настолько перепугался, что и сказать толком ничего не мог. Только поверив наконец, что мы партизаны, он пришел в себя.

— Угощайтесь тогда, хлопцы! И сала кусочек есть, и хлеба краюха. Сегодня праздник у меня семейный, вот и решил немного того... Чтоб на стол поставить, значит...

Праздники. Мы уже забыли, что это такое. А ведь в Москве вот в такие же октябрьские дни мама готовила торт к моему дню рождения... Стоп, какое сегодня число?

Этот вопрос я задал самогонщику. Тот ответил, как раз мне протягивая ковш с еще теплым зельем.

— Есть тост, — сказал я. — Товарищи, мне сегодня восемнадцать лет. Понимаете, восемнадцать лет! Разве думал я, что буду отмечать такой юбилей ночью, с самогонкой в руках, в Брянских лесах?!

Ребята сразу же схватили меня за уши, чуть не оторвали, а мужик в треухе, поздравив, возразил:

— Только лес этот не Брянский, Брянский за Десной, а тут Клетнянские леса. Слыхали о таких?

— Кабы только слыхали!.. — воскликнул Солянин, но Виноградов вовремя толкнул его в бок: держи, мол, язык за зубами. Потом Солянин уже другим, более спокойным тоном спросил: — А что, отец, партизаны здесь есть?

— Я ж вам говорю, — начал растолковывать нам мужик, — что Клетнянские это леса. Партизанский край, значит. Немцев тут меньше, чем наших. Да вот хотя бы в мою деревню пройдите: пять-шесть хат, а наверняка или из бригады Данченкова, или из бригады Лазо кто-то там будет.

К деревне мы шли быстрым шагом. Лишь на окраине остановились, посоветовались. Непохоже, чтоб самогонщик провокатором оказался, но бережного Бог бережет, и потому надо быть ко всему готовым. Завалишин стал за углом хаты с пулеметом, мы тоже приготовили оружие к бою, осторожно двинулись вдоль изгородей.

У крайней от нас хаты стояла повозка, на ней сидел ездовой с красной ленточкой на шапке. Увидев его, Барашков забыл всякую осторожность. На полном бегу он вскочил к вознице, обнял его, захохотал своим громовым голосом. Тот непонимающе отбивался от него, даже грозить начал:

— А ну отойди, леший. Отойди! Скажи лучше, кто такой, а то как врежу сейчас...

Помирились Барашков с партизаном быстро.

А из хаты вышли на крыльцо еще трое: в немецких шинелях, при портупях, в кубанках, хромовых блестящих сапогах. Они выслушивали рассказы о нашем мытарстве, познакомили нас в свою очередь с новостями на фронтах и из партизанской жизни. Фрицев остановили в Сталинграде — это главное. О Самсонове данченковцы слышали, мало того, в бригаде есть группа лейтенанта Казакова, которая отбилась от Самсонова в белорусских лесах.

— В этой группе был и лейтенант Любимов, знали такого?

— Конечно, знали! А почему "был"?

— Пуля ему прямо в лоб угодила, здесь, на берегу Ипути. Тут случай нехороший произошел. Пятеро наших разведчиков пошли в Понятовку, да не дошли. Остановились отдохнуть, и один из этой пятерки, подлец, перестрелял заснувших ребят, забрал их оружие, ушел к немцам сдаваться. В бригаде это как узнали, так в тот же день налет на Понятовку устроили, все там разгромили. А когда возвращались, напоролись на засаду. Вот и погиб Любимов. А Вася Уваров, тоже из ваших, за эту же операцию к ордену Ленина представлен... А вы как воевали?

— Всяко было, — не стушевался Виноградов. — Да говорить обо всем нельзя: задание-то у нас было особое.

Партизаны хорошо понимали, что такое особое задание, и с расспросами больше не приставали. А один из них, Миша Иванов, сказал уважительно:

— Пообтрепались вы, ребята, заросли. Может, вам баньку устроить, а?

Пока вы мыться будете, мы на стол сообразим. Надо же ваше возвращение отметить!

Господи, какое это блаженство — баня: пар, горячая вода, ощущение чистой кожи после того, как сходит с тебя грязевой панцирь...

После бани, пока накрывали столы, я с Ивановым склонился над пятикилометровой, чтоб окончательно определиться, где мы находимся, куда нам топтать дальше, чтоб найти Самсонова. К нам подошла Ляля:

— Прервитесь, командиры, без вас мы веселье начать не можем.

Выпили. Ляля сидела, тесно прижавшись к моему боку. Я то и дело ловил на себе ее задумчивый взгляд.

Наступает конец нашим скитаниям, не сегодня-завтра мы будем в общем строю нашего отряда, как-то сложится все у нас с ней? Ляля, наверное, думает сейчас об этом же.

Вроде и к своим попали, а не очень весело на душе. Я выхожу из-за стола и опять смотрю на карту. Подходит Виноградов.

— Ну показывай, где Самсонов?

— Вот... Километров двадцать отсюда его лагерь.

Разведчик хмурится, потом говорит:

— Давай выйдем, разговор есть.

Над Крестовой то и дело взмывали ракеты. Свет полной луны серебристо мерцал на чахлой, покрытой инеем траве. Холод в минуту выстудил тепло, накопленное одеждой в избе.

— Дрожь по телу, но даже выпить не хочется, — начал Виноградов, закурил и продолжил, глядя на горящую спичку: — Витя, мы можем ведь с тобой и в другой отряд уйти, так ведь? У того же Данченкова остаться, ребята говорят, он хороший мужик, все поймет... Я к тому, Витя, что, если ты надумаешь чего, я с тобой. Хоть куда, это чтоб ты знал, понял?

Вместо ответа я положил ему руку на плечо. Мы долго молчали, слушая, как горланят в избе частушки, как постанывает на ветру стылый лес.

— Ну что? — спросил наконец Виноградов.

— Что и следовало ожидать. К утру собирай людей. Пойдем к Самсонову. Проводника нам дадут, я уже говорил об этом...

22.

Два дня мы в отряде, и вот только сегодня обо мне вспомнил Самсонов. Во время обеда к столу подошел Кухарченко, ухмыльнулся, блеснув ровными белыми зубами:

— Идем! Командир вызывает.

Рядом с ним стоял Гушин, с тревожным любопытством поглядывая то на меня, то на сидевшего рядом Барашкова.

— Оружие твое где? — спросил он. — В землянке? Зайдем — сдашь.

Я услышал, как ложка Барашкова ожесточенно стукнула о бок котелка.

Мы идем по тропе: слева Кухарченко, справа Гушин. Точно так эта пара конвоировала Надю Колесникову через "аллею смерти", перед тем как убить ее. На ее месте сейчас я. Голова совершенно освобождена от мыслей, и думается, и подмечается какая-то ерунда. Вот чугунный котел на треноге с толстым нагаром копоти. Почему его никто не чистит? Головешки в костре еще тлеют, надо бы залить их. Искры быстро поднимаются к небу, гаснув. Когда-то мы с мамой любили разжигать костры в Подмосковье. Когда-то... А ведь я из Москвы вылетел всего пять месяцев назад. Мама тогда получила официальное письмо: "Ваш сын находится в длительной командировке..."

Наверное, сегодня этой командировке наступит конец. Со мной Самсонов решил расправиться сейчас, а кто будет завтра, послезавтра? Барашков, Виноградов, Солянин, Баженов... Убить сразу всех вместе — он на это не пойдет, кишка тонка, за это спросить могут. А вот по одному да по разным формулировкам...

Навстречу бежит Павел Завалишин.

— Витек, мы вечером на операцию собираемся, пойдешь с нами?

Я пожимаю плечами: неужели, мол, не видишь, что я, кажется, отходился? Завалишин машет рукой:

— Не хочешь — не надо.

Как из-под земли вырастает Солянин.

— Командир, пиши домой письмо, есть возможность на Большую землю почту передать, наши на аэродром едут, представляешь?

— Не до писем ему, — отвечает за меня Кухарченко и подталкивает в спину: шевелись, мол.

До землянки Самсонова остается метров десять. Ручной пулемет лежит на пне, на нем сушатся чьи-то портянки. Мимо ходят партизаны в нижних рубашках, без ремней, смеются, горлают песни. Что им до того, что меня ведут к Самсонову.

— Эй, подождите!

Мы втроем одновременно оглядываемся на окрик. Это Барашков.

— Мне только что передали: тоже к командиру явиться надо. Вместе с вами войду.

Что ж, вдвоем будет чуть легче.

Переступаем порог землянки. Я тут же замираю от неожиданности. Возле потухающей печки, лицами к столу, за которым восседает Самсонов, вытянулись в струнку Бухтеев и Токарев.

— Не ожидали? — спрашивает Самсонов, глядя на нас с Барашковым. — Вы почти одновременно в отряд вернулись, вот только радист и его товарищ пошустрее оказались, первыми ко мне с докладом прибыли, а вы особого приглашения ждали. Дождались.

Самсонов красноречиво смотрит на свой парабеллум, лежащий без кобуры на столе перед ним.

— Что молчишь, командир самозванный? — теперь он уже обращается только ко мне. — Язык проглотил, да?

— А что говорить? — спрашиваю я и чувствую, что язык действительно ворочается с трудом. Трус я, трус. Надо стряхнуть с себя оцепенение, надо принять приговор по-мужски, а приговор — он сейчас прозвучит.

— Как что? Расскажи мне, какие такие преступные действия я совершал, почему ты меня порочил при бойцах, как предлагал им вообще не возвращаться в отряд, что хотел в Москву передать...

— Он хотел, товарищ капитан, — торпливо заговорил Токарев, — сообщить в Центр про Богомаза, про Колесникову...

— Молчать! — яростно оборвал его Самсонов. — Ты уже все, что хотел, сказал и не хрен клевету повторять!

— Да он же все лжет! — ответил Самсонову за меня Барашков. — Врет, гад! Поэтому первым к вам и прибежал, что вину свою чувствует. Никаких разговоров о вас Витя не вел. Мы с ним друзья, и, если бы он захотел

какую телеграмму в Москву дать, он бы со мной посоветовался, с другими партизанами. А я... Если бы что было, я бы вам рассказал сам, товарищ капитан, вы же меня знаете!

Самсонов, кажется, заколебался, не зная, кому верить, сощурил глаза, глядя на меня:

— А ты что скажешь?

Что мне оставалось делать? Признаться во всем и идти под расстрел? И доставить этим удовольствие Токареву да Бухтееву? Будь что будет, но пусть и они сейчас немного попотеют.

— Я только могу повторить слова Барашкова.

— Та-а-ак...

Самсонов взял со стола парабеллум, покачал его на ладони, словно взвешивая.

— Вот теперь, радист, я тебя слушаю.

У Токарева задрожал голос:

— Где как же... Они же... Поверьте, товарищ капитан, он дал мне текст радиogramмы для Москвы, а я ее не передал, только вид сделал... Они же не соображают в радиоделе и ничего не поняли. А позже я сам сочинил радиogramму, будто Центр приказал вернуться к вам. Без нее они бы не вернулись!

Господи, вот что произошло! Мерзавец Токарев как мальчишку обвел меня вокруг пальца. "НЕМЕДЛЕННО СОЕДИНЯЙТЕСЬ С САМСОНОВЫМ"... Значит, Москва ничего не знала, и напрасно я думал, что там не поверили мне, не разобрались, что слепо защищают Самсонова. Никакой телеграммы не было! Ну погоди, Токарев!

— Вопросы есть? — зло улыбнувшись, спросил Самсонов.

— Есть, товарищ капитан. Вопросы к радисту. Если он знал; что мы после ответа Москвы возвращаемся в отряд, то зачем он от нас откололся? Даже рацию бросил? Где логика?

Даже в полутемной землянке было видно, как лицо радиста покрылось красными пятнами, на лбу мгновенно выступил пот.

— Мы были просто уверены, — продолжил я, — что Токарев и Бухтеев и большинство из тех, кто ушел от нас, осядут где-нибудь в деревнях, в примаки к местным вдовам пойдут.

— Почти угадал, — покрутил головой капитан. — Если бы мои разведчики на них не вышли...

— Ну что вы, — подал наконец голос Бухтеев. — В той деревне, где разведчики были, мы просто решили малость передохнуть. Мы бы обязательно пришли в отряд, мы это сразу же решили, после того как этот — кивок на меня — объявил, что не хочет вам подчиняться.

— Это опять общие бездоказательные слова, — с каждой минутой я чувствовал себя все увереннее. — Если бы я поступил так, как они говорят, то Токарев наверняка сохранил бы текст радиogramмы, которую я якобы приготовил для передачи в Москву, чтобы показать вам. Ведь они же утверждают, что готовились заранее идти к вам. Неужели бы они не сохранили такой разоблачающий меня документ?

Самсонов резко повернулся к радисту.

— Где текст? Или даешь мне текст, или...

Фраза была произнесена таким тоном, что Токарев наверняка грохнулся бы в обморок, если бы его не поддерживал Бухтеев. Лицо радиста стало бело-зеленым, он с трудом разлепил губы:

— Я... Мне... Не думал тогда...

Игра была, кажется, за нами, и очередной ход в ней сделал Барашков:

— Бухтеев, а разве не ты оправдывал Королева, который сначала полиция отпустил, потом вора, который мирное население грабил? Это каждый из наших бойцов подтвердить может. Теперь понятно, почему ты так поступал, думал, что если к врагу попадешь, то прощение вымолишь. А говорил при этом что, помнишь? "Самсонов диктатор, не повторяйте его ошибок..." А когда Виноградов хотел тебе за это морду набить, ты тут же смотался от нас. Не так, что ли? Ты вообще, Бухтеев, аморальный тип, подонок! К Люде приставал, хотя знал, что в отряде ее дожидается муж — наш врач Юрий Никитич. Только за одно это, Бухтеев, нет тебе веры ни в чем, и я не знаю, как такой опытный командир, как Георгий Иванович Самсонов, не раскусил тебя сразу.

Самсонов потемнел лицом.

— О Люде мне уже Юрий Никитич сказал, я думал, Бухтеев, что об этом у нас отдельный разговор будет, но тут, оказывается, все в один клубок сплетено. И полицией, и вор, и Люда. Было все это или нет, Бухтеев? Учи: скажешь неправду — заплатишься вдвойне.

— Все не так просто, — начал мямлить тот. — Перед Людой я действительно виноват...

— Раз виноват, значит, не планировал, что встретишься когда-нибудь с Юрием Никитичем, да? — спросил Барашков.

Бухтеев потупил глаза.

А мне пришла на ум еще одна мысль. Рискованная, но кто не рискует... Я вспомнил, как Самсонов приказал мне убить Сашу Покатило, и именно это, как козырную карту, решил сейчас использовать.

— Товарищ капитан, если бы я был негодяем и подбивал людей против вас, я бы обязательно рассказал им об одном случае... О том, как вы ошиблись и потом, конечно, признались в своей ошибке. Дело касается Покатило... Вы спросите Токарева, говорил ли я ему об этом случае?

Воспоминание о Покатило было, конечно, неприятно Самсонову, но он понимал, что в словах моих есть логика, и потому резко спросил радиста:

— Что знаешь о Покатило? Выкладывай.

— Ни... ничего...

Командир крутанулся на каблуках, быстрым шагом прошел за стол, сел, минуту помолчал, видно, принимая какое-то решение, потом отчетливо, выделяя каждое слово, сказал:

— Бухтеев и Токарев, вы арестованы. — Поднял глаза на меня. — Тебя я зачисляю в группу Кухарченко. Барашкова — в группу Ефимова. Но в сегодняшнем разговоре окончательной точки я еще не поставил, понятно?

23.

Баня. Березовые веники, в ведрах вода с ледяным крошевом и кипятком, запах смолы и хвои, вши трещат, становятся мягкими рубцы ран... Такое все несовместимое, разное — баня!

Пыхтит Виноградов:

— Если в человеке сомневаешься — тащи его сюда. Коли это немецкий шпион — он прямо на полке и окочурится. Никто, кроме славянина, такого испытания не выдержит.

Мы хохочем, и, чтобы никто не сомневался, что среди нас нет немецких шпионов, поддаем пару.

Потом я сижу на бревне, еще издали замечаю Николая Самарина и радуюсь,

что он идет в мою сторону. Мне приятно говорить с этим человеком. Он даже при Самсонове всегда отстаивает свою точку зрения, никогда ни перед кем не заигрывает, держится независимо. Это он помог мне разобраться с тем, как погиб Богомаз.

Самарин присаживается рядом, улыбается:

— С прибытием, путешественник. Рассказывай, где столько блукали, что повидали...

Мне от Самарина нечего таить, я рассказываю обо всем и высказываю ему свое удивление: чего это Самсонов не арестовал меня вместе с радистом и Бухтеевым? Почему сразу же не пустил в расход? И не за такие провинности он партизан убивал, а тут... Ну не могу же я поверить, что он принял за чистую монету наши с Барашковым рассказы!

— Все дело в том, что теперь мы не в Хачинском лесу, — говорит Николай. — Это там на него управы не было. А здесь рядом другие партизанские отряды, помощнее, повесомее. Их командирам Москва верит. И потом, по их рациям можно отправить в Центр радиogramму, которую Самсонов не просмотрит. Понял, к чему я клоню? Кстати, я уже договорился насчет такой радиogramмы.

— Понял, — ответил я. — Я не боюсь. Когда надо текст тебе отдать?

Самарин улыбнулся:

— Не сомневался, что именно эти слова и скажешь. Радиogramму мы уже отправили, есть и другие люди, которые тоже немало грязных дел за нашим командиром знают. Но радиogramма не совсем то, что нужно, в ней многого не скажешь. Надо подготовить письмо, в котором привести конкретные, неопровержимые доказательства вины Самсонова. Знаю, у тебя есть доказательства того, что он убил Богомаза. Вот и изложи их.

Наш разговор постепенно переходит на более общую тему. Здесь, оказывается, действительно партизанский край. В пяти километрах от нас стоит бригада лазовцев. Еще недавно это был партизанский полк имени Сергея Лазо, а теперь уже — бригада. Чуть дальше — бригада Данченкова. Есть и отряды вроде нашего. Никто не сидит без дела, операции проводятся почти ежедневно. Люди в других отрядах есть просто замечательные...

— Но ты пока зверя не дразни, не отлучайся надолго никуда, постарайся

все время быть на людях. Не рискуй жизнью, Витя. Нам надо до конца с Самсоновым разобратся.

— Для этого хорошо бы Токарева с Бухтеевым от расстрела спасти. Они могли бы дать важные свидетельские показания. Не устранит ли их раньше времени наш капитан?

Самарин открыл свой блокнот, сделал в нем пометку.

— Учтем и попробуем что-то сделать.

— Коля, а ты не боишься, что твой блокнот Самсонову на стол попадет, а?

— Ну, во-первых, я ничего не боюсь, это теперь сам Самсонов всего боится. А во-вторых, собственный шифр придумал, и мои записи никто не разберет.

24.

В южной группе клетнянских отрядов появился новый отряд — майора Чернова. Сам Чернов был переброшен через линию фронта нашим Центром, теми же, кто готовил и нас к работе в тылу врага. Таким образом, у Самсонова появился здесь как бы вышестоящий начальник.

Вчера майор прибыл к нам со своим адъютантом, осматривал лагерь, потом уединился с Самсоновым в землянке.

— Сейчас он ему малость бока намет, — сказал мне Самарин. — И Бухтеева с радистом, думаю так, освободит.

По тому, как это было сказано, я понял, что Николай как-то успел переговорить уже с Черновым. А может, тот как раз и прибыл по радиогамме, которую послал в Москву Самарин? Спрашивать об этом было как-то неудобно, и я лишь сказал:

— Хорошо бы.

В тот же день Токарева и Бухтеева освободили из-под стражи. По лагерю они ходили хмурые, боялись, видно, и партизан, которые в основном были на нашей стороне, и пули из засады — они хорошо знали методы «работы», Самсонова. Впрочем, и сам капитан после разговора с Черновым сутки выглядел как в воду опущенный. Чувствовал, видно, что теперь он на контроле у начальства, что уже сам подвластен кому-то. Такое состояние было непривычным для Самсонова, и ос-

тавалось лишь гадать, что он предпримет, чтобы найти выход.

Уже на следующее утро, когда мы стояли в очереди к отрядному котлу, командир остановился неподалеку с особистом Ефимовым и нарочито громко, чтоб было слышно партизанам, начал говорить о том, что вот уже почти месяц находится отряд в Клетнянских лесах и не видно, чтобы тутошние партизаны джуже проявляли себя.

— Газетки издают, листовки... А что дела касается, так за все это время лишь Понятовку атаковали. Говорят о себе больше, раздувают славу как мыльный пузырь, еще и нам осмеливаются нотации читать. Ну ладно, это учтем. Вот сейчас проведем операцию на железной дороге, а потом... Пойдем-ка, Ефимов, в землянку.

Завалишин, стоявший в очереди передо мной, тихо сказал:

— Поссорить нас со всеми хочет. Но и это не беда. Видно, еще худшее задумал. Что а, Витя?

Мимо нас прошел связной из бригады Коротченко.

— Быстрее ложками работайте, ребята. Веселая жизнь приближается, кто ее захочет — к себе берем. Где ваш командир?

Как оказалось, бойцы Коротченко собрались выступить на выполнение приказа Центра: уничтожить пятидесятиметровый мост через реку Прохода на шоссе Брянск — Рославль и атаковать гарнизон станции Сеца и аэродрома с тем, чтобы лазовцы смогли нанести удар на Пригорье. Коротченко нужны были еще люди, вот потому и прислал он связного к Самсонову. Щелкунов, Виноградов и я напросились в отряд Сильча.

В ночь на пятое ноября мы напали на охрану моста и перебили ее, захватив при этом несколько комплектов зимнего немецкого обмундирования, один станковый пулемет, телефонный аппарат, документы. Меня и Щелкунова Сильч приставил к батарее, состоявшей из одной семидесятипятимиллиметровой пушки и одной «сорокапятки». То врозь, то залпами мы били по сеченскому аэродрому, ответный огонь был плотен, правда, шрапнельные снаряды рвались в стороне от нас. Мы вымокли до нитки, помогая расчетам подносить снаряды и перекачивать пушки с места на место. Только утром прекратили стрельбу.

А днем разведчики донесли: оказывается, нами было уничтожено четыре вражеских самолета.

После нашего, можно сказать, бесплодного путешествия по лесу это была первая значимая операция и сразу — такие результаты! К тому же мы содействовали и успехам других подразделений бригады Коротченко: партизаны уничтожили около двух десятков самолетов, двенадцать бронетранспортеров, 250 вагонов с военными грузами, восемнадцать автомашин, склады с продовольствием и боеприпасами...

Когда возвратились в свой отряд, нас, понятное дело, тут же окружили товарищи, уже прослышавшие об успехах бригады. Но теперь подробности им подавай!

— Все расскажу, — начал Виноградов. — Но вы сначала поведайте мне, как прошла операция на железной дороге, которую вы тут лишь своими силами проводить хотели?

Партизаны замялись:

— Так себе... Особо хвастаться нечем... Это вы там отличились...

— Отличились, — согласился Виноградов. — А все почему? Потому что Коротченко грамотный и толковый командир, масштабно мыслить умеет, и при всем при том не только о себе, но и о людях думает. Карьера у него на десятом месте, главное — чтоб дело шло...

Чего это он так пропагандой командира бригады занялся, подумал я, и тут краем глаза усек Самсонова, стоявшего за кустарником. Ну конечно же, понял я, Виноградов увидел его и специально разговор на эту тему заводит.

— Его все не иначе как батеи зовут, Коротченко-то. Уважают — словами не передать. Не боятся, а уважают, понимаюте? — продолжал разведчик. — Вот бы все такими командирами были!..

Самсонов круто повернулся и зашагал в глубь леса. Виноградов это заметил и подмигнул мне.

25.

После разгрома партизанами Пригорья немцы приостановили движение поездов по дороге Рославль — Брянск. Интенсивней они стали использовать другую ветку — из Рославля на Кричев, и группа Кухарченко получила задание

двинуться на северо-запад, чтобы лишить врага и этого пути. В межсезонье, когда ни снега, ни морозов, ни сухих участков, идти по дороге — мука, но мы знали худшие времена. Зубо-скалим, с шутками помогаем вытаскивать из грязи подводы, удивляемся названиям колхозов, встречающихся на пути: "Новое счастье", "Красный Октябрь", "Мирная жизнь"... Немцы боятся в эти края и нос сунуть, лишь изредка, правда, устраивают разбойничьи набеги и, пограбив крестьян, стараются как можно скорее смотаться отсюда. Говорливая молодуха из поселка Ворга так по этому поводу сказала:

— Мы тут все партизаны, что дети, что бабы. С весточками в лес бежим, еду да одежду вам собираем, больных да раненых выхаживаем. Вы, бойцы, только помогаете нашу народную власть поддерживать да защищать.

В этом же поселке начхоз Илюшка, толстый, рано обрюзгший парень, заговорщицки подмигнув мне, шепнул:

— Отойдём-ка в сторонку, разговор есть.

Он завел меня в пустую избу, поставил на стол бутылку, тарелку с закуской.

— Витек, дружочек ты мой родной, расскажи мне, как ты хозяина нашего вокруг пальца обвел.

Друзьями мы с ним никогда не были, более того, я всегда сторонился этого человека, отирающегося лишь возле начальства, сквозь зубы разговаривающего с остальными. И потому насто-рожился сейчас.

— Ты что имеешь в виду?

— Да ты не бойся, не бойся. У меня на Самсонова тоже зуб, и я даже рад, что он, кажется, допрыгался. Ты ведь мог не возвращаться в отряд, но вернулся только для того, чтобы хозяина к стеке припереть, да?

— Послушай, Илюша, Самсонов не хозяин, а командир, это разные вещи, понимаешь? И давай сменим тему. Все, что хотел, я рассказал, когда меня капитан к себе вызывал. Добавить больше нечего.

Начхоз понял, что меня не расколоть, и легонько хлопнул по плечу:

— Ладно, забудем. А теперь выпьем. Я пью за то, что ты хороший парень, Витек. В трудный час не выдашь и поддержишь, так?

Об этом странном разговоре с Илюхой я рассказал Самарину, и Николай долго качал головой:

— Или чует крыса, что корабль ее скоро ко дну пойдет, да новую палубу ищет, или это чистой воды провокация. Так или иначе, держи с ним ухо остро, Витя.

Стемнело, когда мы двинулись к "железке". Работа предстояла немалая: подобраться к рельсам, выкопать ямку, заложить тол, замаскировать все так, чтобы и самим не различить, где установлена мина. С ней возился сам главный минер — Барашков. Он уложил ее на такой глубине, чтобы не взорвалась она от сотрясения под дрезинной или под платформами с песком. Лишь более мощное сотрясение могло бы замкнуть контакты батареи. Тола в ямку поместилось килограммов двенадцать. "На славу рванет, вот увидите!"

— Чему уж тут радоваться! — как-то уж очень горестно воскликнул впервые пошедший с нами на операцию казах Алихалуб.

Барашков непонимающе взглянул на партизана.

— Как это "чему"? Одним фашистским эшелонем будет меньше.

Боец смущенно улыбнулся:

— Вы простите меня, невольное вырвалось... Я ведь поезд впервые увидел перед войной, уже после того как семилетку закончил. Для меня он был как чудо, понимаете? Чтобы его увидеть, мы из селения нашего несколько километров пешком, по бездорожью... А тут — уничтожать... Простите...

— Да ладно тебе, Алихалуб. Мы все понимаем. Но что же делать — война.

Мы уходили на базу, и на каждом привале Алихалуб все прислушивался: не рванет ли мина? На это Барашков ему ответил:

— Может несколько дней пройти, прежде чем она рванет. Теперь только от разведчиков узнаем, как мы поработали.

И вправду, через четыре дня разведчики донесли: наша мина подрвала эшелон с живой силой и техникой. Немцы остановили на этой ветке движение, бегают с миноскателями, ощупывая каждый сантиметр земли.

— Бесполезно, — махнул рукой Барашков. — Захотим — опять эшелон взорвем, а враг ничего не сделает. Мины-то нам теперь доставляют необычные — без металла.

26.

После позорных для немцев боев под Пригорьем враг решил отыграться. В середине ноября он начал карательную экспедицию против клетнянских партизан и при поддержке танков, артиллерии занял деревни в районе Ершичи — Грязеня — Артемовка. После этого колонна его углубилась в лес и завязала бой со вторым батальоном бригады. Он продолжался восемь часов, партизаны выбили немцев из леса, уничтожив полсотни солдат и офицеров, но после этого и сами покинули свои позиции, так как повторную атаку отбить им было бы не по силам. Все готовились к горячим схваткам...

А меж тем происходили у нас и случаи прямо-таки комические. Проводили хозяйственную операцию наши тыловики, вместе с которыми участвовали Бухтеев, Токарев. Переправившись через Ипуть, они на подворье одного из полицаяв реквизировали двух коров. Вновь подойдя к реке, решили, что тонкий лед животных не выдержит и нужно по нему уложить кладку. Дело это, конечно, утомительное, трудоемкое, да еще надо учесть, что полицай мог о партизанах уже сообщить немцам...

В общем, пришлось попотеть хозяйственникам до такой степени, что они даже верхнюю одежду скинули с себя: кожаные полушальи, комсоставские плащи... Привязали все на спину буренкам, а те словно этого и ждали: спрыгнули с кладок, развернулись и так резко пересекли молодой лед и скрылись в лесу, что партизаны даже ахнуть не успели. Так и вернулись в отряд: раздетые и без добычи.

Конечно, смеху было!.. Люди и на опасные операции уходили смеясь: "Слышали, корова Бухтеева раздела почти догола... И Токарева..."

Самарин сказал по этому поводу:

— От этих двоих пусть хоть такая польза будет: нервная нагрузка у бойцов от хорошего настроения снимается. А тебя, Витя, я другим известием обрадую: Центр приказал Самсонову немедленно перейти линию фронта. Думаю так: вызывают его вовсе не для того, чтобы вручить награду. Но об этом — пока никому.

Я добросовестно держал язык за зубами, но слухи уже к вечеру этого дня стали будоражить партизан. Говорили разное: и что весь отряд на Большую землю возвращается, и что лишь Сам-

сонов и начштаба уходят за линию фронта, и что все это болтовня — никто никуда не идет... Сам командир несколько дней кряду не выходил из землянки, и это только прибавило разговоров. Все, кто его видел в это время, говорили, что капитан на редкость спокоен, тих, только осунулся уж больно заметно.

Наконец объявили отрядное построение. На нем Самсонов довел нам приказ: партизаны должны подготовиться к тяжелому и долгому походу, а для этого надо запастись продовольствием, проверить оружие, боеприпасы, обзавестись зимней одеждой, привести в порядок обувь. Отряд пойдет за линию фронта, где получит заслуженные награды и отдых.

Я взглянул на Самарина, но он лишь улыбнулся.

— Со мной пойдут не все, — продолжал Самсонов. — Остальные вольются в другие отряды. А вот список людей, которые должны готовиться к выступлению...

Меня в этом списке не было.

— Все свободны, — закончил капитан, — а десантникам приказываю явиться после построения в штабную землянку.

Мы зашли, расселись там на нарах и приготовились выслушивать его прощальную речь. Мол, спасибо за совместную службу, я расстаюсь с вами, но всегда буду помнить...

Однако Самсонов заговорил о другом.

— Центр предложил оставить в этом районе агентурно-разведывательную группу из пяти человек. Остается Студеникин с радиостанцией, это бесспорно. По остальным кандидатурам сейчас поговорим. Если их доводы о невозможности пребывания здесь будут убедительными, то...

Он развел руками.

Вот тебе и на! Когда же это наш командир считался с чьими-то доводами, мнениями? Как изменилась ситуация...

Первой он назвал мою фамилию, спросил:

— Возражений не имеешь?

Интересно, что произойдет, если я возражу? Попаду с Самсоновым на Большую землю, возвращусь в Москву, к маме, прыгну в чистую постель, буду пить чай с лимоном, поведу Лялю в лучший магазин? Забуду, что идет война? И обо мне все забудут?

— Возражений не имею.

Так же ответили Барашков, Щелкунов. Но буквально взорвался криком Морозин:

— Я уже девять месяцев в тылу, по горло сыт и кровью, и грязью. Я пару сотен немцев уложил, и мне надо хотя бы месяц, черт возьми, пожить по-человечески.

— Ты думаешь, мы возвращаемся затем, чтобы нас по санаториям распределили для отдыха? — спросил устало бесцветным голосом Самсонов.

— И все же я пойду с вами на Большую землю, — упрямо, с силой выговаривая каждое слово, заявил Морозин.

— Что ж, только потом не жалею. — Самсонов потер ладонями лицо... Закончив обсуждение кандидатов в группу, командир заговорил о другом.

— Чтобы не было никаких кривотолков, объясню, почему я попросил разрешения у Центра на переход линии фронта. Наш отряд выполнил первоначально поставленную перед ним задачу: после десантирования в тылу врага мы стали боеспособной единицей, провели ряд успешных операций... получили высокую оценку у Центра... вышли в зону действий других соединений... готовы получить новое задание...

Слова эти звучали бы для меня убедительно, если бы я не знал, что стоит за ними. Ведь это из-за него лежат в земле Богомаз, Суворов, Кузенков, Колесникова... Нет, не по своей воле возвращается за линию фронта Самсонов, он знает, что с него там за многое спросится. И потому не берет с собой никого, кто, по его мнению, мог бы дать компромат. Баженов, Виноградов, Самарин, я — мы все остаемся здесь. Немцы начали грандиозную операцию по уничтожению партизан, и у капитана наверняка теплится надежда, что свидетелей его преступлений не останется вообще...

Бои с фашистами стали действительно носить ожесточенный характер. Деревня Борковичи, одна из ближайших от нашего лагеря — туда мы все время ездили в баню, — была уже сожжена. И Артемовка, и Бояркино... Немцы расстреляли здесь всех жителей от двенадцати до шестидесяти лет. Надо было готовиться к предстоящим схваткам и одновременно обеспечивать всем необходимым тех, кто готовился на Большую землю.

Ляля, наверное, специально в последние дни старалась быть в поле моего зрения.

— Витя, хочешь останусь здесь, с тобой, не пойду в другой отряд? — спросила однажды.

— Жертвы не принимаю, — грубовато ответил я, будто Ляля была в чем-то виновата.

— Мне два дня осталось, Витя. И ты... Ты мне ничего даже не скажешь на прощание?

— Еще два дня, это немало, — опять с непонятной злостью бросил я. — И потом, ты же не на Большую землю уходишь, где-то здесь останешься. Так что, может быть, наши дороги опять пересекутся, и придется свидеться.

— Придется? — Она вздохнула сквозь слезы. — Глупый ты какой, Витенька.

27.

Я действительно глупый. Я проснулся сегодня от мысли, что вот настанет день, и Ляля уйдет. А эта война, она разбрасывает людей не только по разным отрядам, но и порой в разные части света. И мы наверняка больше не увидимся. Не увидимся!

Я оделся, пошел к выходу. Серебрилась от инея и громко ломалась под ногами высохшая листва. Мимо меня Уваров протащил на кухню еще с лета поваленные ели, на земле оставалась черная полоса от осыпающихся хвоинок.

— Вася, ты Лялю не видел?

Он удивленно взглянул на меня, даже остановился.

— А что у тебя к ней?

— Любовь у меня с ней, большая-большая. Понял?

Уваров заржал:

— Трепло! Кабы была любовь... Она в землянке хоззвода ночевала. Она чего-то тебе должна, да? Ты гляди, а то так и уйдет. К обеду почти все наши разойдутся по другим отрядам.

В землянке хоззвода, куда я вошел, было темно и зябко. Зола в печи уже остыла, лишь чуть дымились головешки. Растопили печь с ночи — и все, перед рассветом уже никто не подкинул дров. Незачем: землянка с сегодняшнего дня осиротеет, потеряет своих жильцов. И каждый из нас тоже что-то

потеряет, какую-то частицу тепла. Вот если я больше никогда не увижу Ляли...

Незнакомо запершило в горле. Я бросил в печь поленья, подкинул сухой соломы, и она тотчас вспыхнула, потом занялись дрова, но и от огня уютней не стало. С чего так, интересно? Беду сердце чувствует, что ли?

— Есть кто живой?

В землянку зашли Виноградов и Баженов, сели тоже поближе к печи.

— Что, — сказал Павел, — хнычешь теперь, да? И думаешь, друзья тебя утешать начнут? Черта с два!

— Почему я хныкать должен? — недоуменно посмотрел я на товарища.

— А, — ввязался в разговор Виноградов, — его же, Паша, вчера в отряде не было, он поздно вернулся, не в курсе.

— Да бросьте вы загадками говорить! Что произошло?

— Ляля вчера свадьбу праздновала. С Богдановым, представляешь? Выпила чуть-чуть... Я к ней: чего, мол, дура, делаешь? А она: "Раз я Витечке не нужна, то мне все равно, с кем судьбу делить, лишь бы в чужом отряде не так скучно было.. Представляешь? От скуки, значит. Я ей опять говорю: дура ты, Витя же тебя любит, просто он лапша лапшой, пацан он, не осмелится тебе об этом сказать, ты дождись его сегодня, поговори... А она мне: "Сколько раз с ним говорила — бесполезно.. Она говорила с тобой?"

Ну что я мог ответить Паше?

Виноградов и Баженов закурили, не дождавшись от меня ответа, сидели молча и лишь вздыхали. Наконец Виноградов сказал:

— Знаешь, Витек, я бы, конечно, Богданову морду набил, но за что? Он-то мужик ничего, простой только дюже. Может, он и не догадывался даже, как ты к Ляле относишься. А тут подходит к нему девушка, предлагает себя в спутницы... Ляля ведь красавица, кто бы на его месте устоял?

Я онемело смотрел на огонь, не было никакого желания поддерживать разговор. Ляля не виновата. И Богданов не виноват. Виноват я. Я захотел во всем отличаться от Самсонова, я стал трусом, стал бояться всего, даже любви. Как бы что не подумали, как бы чего не сказали...

— Ты, Витя, это... Может, у них и не было ночью ничего, а? Может, она вовремя сообразила, что глупость затеяла?

— Да идите вы все, утешители... — буркнул я и выбежал из землянки.

Надо было побыть одному, чтобы разобраться, что же все-таки произошло. Мне в какой-то миг до такой степени стало жалко себя, что непроизвольно выдался из уст звук: "Самсонов, гад!". И мысли работали в том же направлении: это из-за него я стал сомневаться в себе, из-за него не мог объясниться с Лялей, из-за него распадается наш отряд и мы теряем друг друга... Но другое тоже не выходило из головы: хорошо искать виноватого на стороне, хорошо свои грехи приписывать другому, трус...

— Витя, — меня окликнул радист Студеникин, заспешил от штабной землянки навстречу. — Посоветоваться с тобой хочу, Витя.

Слава Богу, обрадовался я, надо отвлечься от всех этих мыслей, надо наконец-то заняться делом.

— Витя, с Самсоновым не поговоришь, а? Продуктов нам не оставляет, лошадей не оставляет. Пусть он хоть связанных по деревьям предупредит, что тут остается агентурно-разведывательная группа, надо ее снабжать всем необходимым... Я к нему подошел было, но он и слушать не хочет.

— Выкрутимся, — сказал я. — У меня уже есть договоренность с другими отрядами, они нам помогут, если что.

— Тогда ладно. Тогда кадровый вопрос, так сказать. Ляльку ты же знаешь? Отловила меня ночью, вся в слезах, Ваня, говорит, делай что хочешь, но помоги в вашей группе остаться. Я ей по-честному: не бабское, мол, дело у нас, а она не отстает, битый час за мной меж землянками ходила. Но мы же не будем, как Самсонов, девок набирать, да? А потом ломать голову, как от них избавляться.

— Она что, с Богдановым к тебе ходила? И за него просила? — спросил я.

— Да нет, она убежала от него. Это у них, я думаю, так, вроде баловства затеялось. Какая они пара? Лялька ведь умница... Но я ей все равно сказал, что мы ее вряд ли возьмем, так же? Это Самсонов...

— Да хватит тебе о Самсонове! — выкрикнул я, притом так, что Студеникин от неожиданности вздрогнул. — Хватит, — повторил тише. И закончил

совсем непонятно для него: — Ни при чем он тут, это я во всем виноват, и только я.

28.

Самарин разыскал меня в полдень, смахнул с поваленной березы только что выпавший снег, присел на нее.

— Устраивайся рядышком. Разговор есть. Большой и серьезный. Передаю тебе агентурные явки, пароли. Я, если ты знаешь, все сделал для того, чтобы попасть вместе с Самсоновым на Большую землю, а то ведь некому будет правду о нем сказать.

Николай достал из-за пазухи тоненькую ученическую тетрадь в пакете, открыл ее.

— Самсонов как-то поинтересовался: что, мол, пишешь? А я говорю: стихи. Он и отцепился. Ты прочти "стихи", — то эти и подпишишь в конце. Там уже несколько подписей стоят.

Я одним залпом прочел записи Самарина. Здесь были строки про "аллею смерти", про Надю Колесникову, про Кузенкова, Гущина, Покатило, Бикаревич, Богомаза... Про живых и мертвых, про тех, кто творил зло и добро, кто страдал от Самсонова и ходил у него в прислуге...

— Эта тетрадка может стоить мне жизни, — сказал Самарин. — Если капитан узнает, что в ней. Впрочем, если ты поставишь свою подпись, а он ее заполучит и поймет, что рано или поздно ты выступишь с этими своими показаниями, то... У него длинные руки, Витя. Меня мой знакомый, особист, тут консультировал. Самсонову могут в вину поставить только то, что он превышал власть, и, учитывая боевые заслуги, накажут минимально. И он начнет сводить с нами счеты. Хочу, чтобы это знал, прежде чем ставить подпись.

Я торопливо, словно боясь, что Самарин упрекнет меня в трусости, расписался в конце тетрадки. Николай вновь спрятал ее на груди.

— Осталось одно: уберечь Самсонова от шальной пули, когда будем фронт переходить. Надо, Витя, чтоб все по закону было. Жили мы уже вне закона — хватит. Суд пусть все рассудит, так?

— Ты вот что, Коля, — попросил я. — Выберешься на Большую землю — черкни моей маме письмо, ладно? Я тебе сейчас адрес дам. Напиши, что у меня

все отлично, напиши так, чтоб не тревожилась.

— Не переживай, это я сумею.

29.

Через считанные минуты уходит на Большую землю наш отряд, уходят в соседние соединения те, кому не идти с Самсоновым. Мы, агентурно-разведывательная группа, сейчас в центре внимания всех. Мы остаемся тут, как семя нашего отряда, как частица его.

Самсонов пожимает руку каждому из нас, похлопывает по плечу. Странное дело, еще вчера я думал, что никогда не подам ему руку, а вот сейчас даже рад слышать его голос.

— Я, наверное, не всегда был прав, но давайте не забывать, что идет война и у нее свои законы... Главное — вам надо выполнить задание и уцелеть, любой ценой, слышите? Для этого мы были здесь, в тылу...

Я слушаю эти слова и не знаю, с чем тут можно не согласиться. Да, война, да, выполнить задание, да, выжить. Любой ценой, поправ все законы? Стреляя в своих? Или это действительно так надо на войне?

Подошел Сенька Богданов, несмело протянул руку.

— Ты прости, Витя, я ничего не знал, про тебя и про Лялю. Ты прости, а?

— О чем ты! — говорю я. — Все нормально, Сеня, все нормально!

— Правда? — Он расцветает в улыбке. — Слышь, а она нормальная такая девочка. Ты разыщи ее, она же в Клетнянских лесах остается. Я слышал, обещала прийти, проститься, да вот нет что-то. Ты не видел ее?

— Не видел, — говорю я. — И вряд ли она, Сеня, захочет, чтоб я ее разыскал. Что прошло, то прошло. На войне не место любви.

— Красиво говоришь. — Это уже обнимает меня Самарин. — Неужто больше не увидимся, а? Быстрее бы вы вернулись.

— А может, лучше ты к нам опять прилетишь? Новый отряд сколотим, снова будем по лесу плутать.

— Не зарекаюсь, все может быть.

— Станови-и-ись!

— Все, Витюша, все, все, все!

— Счастья вам, ребята!

— Так где все-таки встретимся?

— Как где? В Берлине, — смеется Барашков. — Кстати, отсюда нам меньше к нему топать, чем с Большой земли, так что, когда придете в Берлин, нас спрашивайте, мы уже там будем.

— Это мы еще посмотрим, кто первый...

Построена колонна. Звучит команда — и вот она уже шагает в глубь леса, быстро исчезает среди деревьев. Вскоре мы видим только след от нее на свежем снегу.

Нас остается пятеро среди пустых землянок. Мы стоим и молчим. Печально гудят сосны. Колющий снег царапает лица. Неуютно, тоскливо, зябко.

Студеникин смотрит на часы, говорит, и голос его после шума прощания и последовавшей потом тишины кажется чересчур громким.

— Ого, сколько здесь торчим. Пора связываться с Центром, посылать первую нашу радиограмму.

— И печь топить пора, и кашу варить, — говорю я. — Нас пятеро осталось, так что нагрузки на каждого, слава Богу, будут.

— Ну насчет печи и каши вопрос решен, — ухмыляется чему-то Барашков. — А вот то, что пятеро, ты не прав, командир. Плохо считаешь, я вижу.

Я смотрю на Барашкова, потом на другие лица. На всех непонятные улыбочки.

— Это вы к чему клоните?

— Наблюдательности в тебе мало, командир. И почему именно тебе доверили командовать отрядом, ума не приложу, — продолжает Барашков.

— Да о чем вы, черт возьми!

— Как о чем? Ты вот о печи говоришь, а неужели трудно поднять голову и увидеть, что из одной трубы дым идет? И варевом оттуда пахнет, а?

Я непонимающе посмотрел на партизан: вся наша агентурно-разведывательная группа стояла здесь. А над землянкой, где жил Самсонов и где теперь должны расположиться мы, вился дымок. Я почти бегом побежал к землянке, переступил порог и застыл. За бывшим самсоновским столом сидела Ляля.

Конец второй книги.

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Сам себе тренер

Уроки дает
европейский
директор
Международной
тренинговой
ассоциации по боевой
подготовке
правоохранительных
органов
Иосиф ЛИНДЕР.

Тема занятия: комплексы гимнастики Цигун — динамические упражнения

УПРАЖНЕНИЯ предлагаемых комплексов требуют достаточно свободного владения телом. Они лишь малая часть многовекового наследия и носят различную ритуальную и эмоциональную окраску. Поэтому каждый, кто желает ближе познакомиться с ними, может выбрать себе наиболее подходящие по характеру движений, способам перемещения в пространстве, сложности композиции. Публикуемые системы упражнений имеют ознакомительный характер, ибо более глубокое и детальное изучение темы необходимо проводить только под непосредственным наблюдением опытного наставника.

Комплекс N 1.

Своими корнями он уходит в древние ритуальные танцы, исполнявшиеся в честь того или иного явления природы, чтобы подчеркнуть единство с ней человека, его мыслей и дел. Можно считать, что рассматриваемый комплекс — адаптированный вариант «Танца рождения дня». Сходство подчеркивается условным делением комплекса на две большие части — день и ночь, каждая из которых также делится на два компонента: утро — полдень, вечер — полночь. Части отличаются особенностями распределения нагрузки на группы мышц тела, фазами дыхания. И только дважды повторенный цикл создает законченную композицию, в которой сила гармонично связана с духом.

И. П. — стоя, ноги вместе, руки свободно опущены вдоль тела. Рис. 1 — вдох. Руки поднимаются вверх, правая нога отставляется в сторону так, чтобы расстояние между ступнями было примерно равно ширине плеч (рис. 2).

Рис. 3 — выдох. Руки опускаются ладонями вниз чуть ниже пояса,

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

колени несколько сгибаются.

Рис. 4 – вдох. Корпус разворачивается вправо, вес тела на левой ноге, правая – выпрямлена в коленном суставе, левая рука согнута в локте так, что кисть находится на уровне лица, правая рука согнута, и ее кисть поддерживает локоть левой.

Рис. 5 – выдох. Шаг вперед левой ногой с перемещением корпуса, вес тела на полусогнутой левой ноге, правая – выпрямлена, правая рука выводится

вперед, кисть свободна, локоть разогнут, левая рука полусогнута, и ее кисть на уровне пояса.

Рис. 6 – вдох. Правая нога поднимается так, что бедро и стопа параллельны полу, правая рука опущена вниз, кисть параллельна полу, пальцы обращены вперед, левая рука согнута под прямым углом так, что ее кисть и левое плечо – на одном уровне, пальцы обращены вперед.

Рис. 7 – выдох. Шаг правой ногой

назад, она выпрямляется в колене, левая — полусогнута, на ней в основном вес тела, правая рука выпрямлена и выведена вперед, левая — полусогнута, кисть — на уровне пояса.

Рис. 4 — вдох. Шаг назад левой ногой, она полусогнута и вес тела на ней, левая рука согнута так, что кисть — на уровне лица, правая также согнута, и ее кисть поддерживает локоть левой.

Рис. 7 — выдох. Разворот тела на 180 градусов, вес его на полусогнутой правой ноге, левая выпрямлена в колене, правая рука согнута так, что кисть — на уровне лица, левая тоже согнута, и ее кисть поддерживает локоть правой.

Вдох. Шаг вперед правой ногой. И далее упражнение выполняется аналогично представленному на рис. 5, но с противоположной стороны (так называемое зеркальное отображение).

Выдох. Зеркальное отображение рис. 6.

Рис. 5 — вдох.

Рис. 7 — выдох.

Рис. 3 — вдох. Руки поднимаются вверх, ноги выпрямлены. Далее весь комплекс повторяется, но начинается с поворота влево.

Тип рекомендуемого дыхания — нижний или средний плюс нижний. Необходимо следить, чтобы дыхание и движение были синхронными, частота дыхания — 6-12 дыхательных движений в минуту, что определяется возрастом и общим состоянием. Избегайте резких скачков от одного положения к другому и не задерживайтесь подолгу в крайних точках. Желательно прорабатывать отдельные части комплекса перед зеркалом.

Комплекс N 2.

Иное название — гимнастика пяти животных Хуа То. Созданная в конце II — начале III века знаменитым китайским врачом Хуа То, она претерпела немало изменений и легла в основу большого ряда стилей и систем ушу. Особенность — раздражительный характер, имитирующий движения животных. Но базовая система — Цигун.

Предлагаемый вам комплекс относится к наиболее древней разновидности гимнастики пяти животных. Он строится на основе классических представлений восточных философов о взаимодействии полярных сил Ян и Инь, определяющих взаимное влияние первоэлементов: земли, огня, воды, дерева, металла. Хуа То нашел аналогии этой теории в живой природе, наблюдая за поведением животных, что позволило прозорливому медику соотнести полученные данные с базовыми философскими положениями и, исходя из определенных симптомов заболеваний, со-

здать систему гимнастических упражнений, направленных на лечение конкретного недуга. Действия человека, схожие с движениями животных, позволяли уравновесить психическое напряжение, активизировать различные группы мышц, связанных с больным органом, усилить кровообращение, улучшить отток венозной крови, повысить реактивность иммунной системы организма.

Для практически здоровых людей были созданы комплексы, включающие движения пяти животных в различной последовательности в зависимости от того, чего человек хотел бы добиться — успокоиться или поднять тонус.

Предлагаемые вам сегодня комплексы — общеоздоровительные: первый вариант вызывает возбуждающий эффект, связанный с взаимной активизацией первоэлементов, второй — успокаивающий.

Вариант 1.

И.П. — стоя, ноги вместе, ступни несколько развернуты в стороны, руки свободно опущены вдоль тела, шея выпрямлена, взгляд — вперед, в «бесконечность». Вдох — руки поднимаются вверх, правая нога отставляется в сторону, ступни примерно на ширине плеч. Выдох — руки опускаются вперед-вниз, ладони параллельны полу и находятся ниже уровня пояса, колени полусогнуты.

Медведь (земля), рис. 8 — вдох. Вес тела переносится на полусогнутую правую ногу, левая также полусогнута и ступня касается пола лишь носком, корпус развернут влево, руки слегка согнуты в локтях, ладони открыты вперед-внутри.

Птица (металл), рис. 9 — выдох. Шаг левой ногой вперед, вес тела на полусогнутой левой ноге, правая выпрямлена в колене, корпус несколько наклонен вперед; левая рука выведена вперед-вверх, ладонь открыта, правая рука опущена вниз-назад, выпрямлена в локте, и ладонь также открыта.

Обезьяна (вода), рис. 10 — вдох. Разворот на 180 градусов, вес тела переносится на полусогнутую левую ногу, полусогнутая правая касается пола носком стопы, корпус развернут вправо, спина и шея чуть согнуты, плечи несколько опущены, правая рука согнута в локте под прямым углом, предплечье находится слева от лица, кисть — на уровне головы, левая рука тоже согнута в локте под углом 90 градусов так, что предплечье и кисть находятся на уровне пояса спереди.

Олень (дерево), рис. 11 — выдох. Разворот на 180 градусов, вес тела на полусогнутой левой ноге, правая — выпрямлена в колене, корпус несколько развернут влево и чуть наклонен вперед, левая рука выведена вперед-вверх с от-

крытой ладонью, правая согнута под прямым углом, предплечье закрывает голову спереди-сверху, кисть — на уровне лица.

Тигр (огонь), рис. 12 — вдох. Перенос веса тела на полусогнутую правую ногу, левая — выпрямлена в колене, корпус несколько развернут вправо и наклонен вперед, голова чуть опущена вниз, руки — тоже, ладони параллельны полу, правая рука под правым коленом, левая — на середине расстояния между ступнями.

Переход в исходное положение: вдох. Руки поднимаются вверх, ноги выпрямляются в коленных суставах, голова поднимается, взгляд — вперед, в "бесконечность". Выдох. Руки опускаются вдоль тела, правая нога приставляется к левой, голова чуть наклоняется вниз.

Вариант 2.

И. П. — то же. И далее последовательность выполнения упражнений следующая:

Медведь. Рис. 8 — вдох.

Обезьяна. Рис. 10 — выдох.

Тигр. Рис. 12 — вдох.

Птица. Рис. 9 — выдох.

Олень. Рис. 11 — вдох.

Затем эта комбинация упражнений выполняется в зеркальном отображении с противоположными фазами дыхания. После окончания комплекса — переход в исходное положение.

Дыхание в гимнастике пяти животных — ниже. Темп — 6-12 дыхательных движений в минуту.

Комплекс № 3.

Он взят из гимнастики тайцзицюань и также относится к системе динамических упражнений. Основная направленность — восстановление психического равновесия, нормализация физиологических процессов. Предлагаю небольшой фрагмент комплекса тайцзицюань.

И. П. — стоя, ноги на ширине плеч, спина, шея выпрямлены, голова — прямо, взгляд — вперед, руки свободно свисают вдоль тела. Вдох. Руки поднимаются до уровня плеч, ладони раскрыты вниз. Выдох. Руки опускаются вниз, ноги сгибаются в коленях, руки над коленями.

"Поглаживание гривы коня". Перенести вес тела на правую ногу, несколько развернув корпус вправо; правая рука поднимается до уровня груди ладонью вниз, левая располагается у пояса ладонью вверх; левая нога опирается на мысок ступни, взгляд направлен на правую руку. Все это — на вдохе.

Выдох. Корпус медленно поворачивается влево, левой ногой шаг вперед и несколько по диагонали — на ней вес тела. Правая выпрямлена в колене, опирается на пол всей ступней, левая

рука движется вперед вместе с левой ногой, разворачиваясь ладонью вверх, а правая рука опускается к правому бедру ладонью вниз. Взгляд направлен на левую руку.

Вдох. Левая нога слегка разворачивается наружу (влево) за счет поворота ступни, левая рука чуть сгибается в локте, и кисть несколько приближается к груди, правая вместе с разворотом корпуса влево-вперед выносится вперед и располагается под левой рукой, правая нога медленно переносится вперед и находится около левой с внутренней ее стороны, касаясь пола носком ступни.

Выдох. Правая нога передвигается вперед и по диагонали, вес тела переносится на правую ногу, правая рука движется вместе с правой ногой ладонью вверх, а левая опускается к левому бедру.

"Игра на китайской лютне". Вдох. Левая нога выносится несколько вперед и располагается перед правой, опираясь на мысок ступни. Вес тела на полусогнутой правой ноге. Правая рука, сгибаясь в локте, приближается к корпусу, левая выносится вперед с чуть согнутым локтем. Обе кисти — в вертикальной плоскости, взгляд направлен на левую руку, расположенную примерно на уровне лица.

"Брать слева воробья за хвост". Выдох. Вес тела на правой ноге, колено которой полусогнуто, левая нога выносится вперед и встает на всю ступню, корпус разворачивается вправо, правая рука двигается вдоль линии плеч, а левая опускается вниз над левым коленом, взгляд на правую руку, расположенную на уровне правого плеча ладонью вниз, правый локоть — под прямым углом.

Вдох. Левая нога приставляется к правой с внутренней стороны, левая рука, делая дугу, располагается под правой ладонью вверх.

Выдох. Левая нога и корпус переносится вперед и немного по диагонали, вес тела на левой ноге, левая рука идет вперед ладонью вверх с полусогнутым локтем, правая рука опускается к правому бедру.

Вдох. Переход в исходное положение: руки поднимаются до уровня плеч, корпус разворачивается вправо, вес тела распределен поровну на обе ноги. Руки свободно опускаются вниз, колени выпрямляются.

И далее рекомендуется выполнить комплекс в зеркальном отображении, чтобы равномерно распределить нагрузку на тело.

При тренировке старайтесь совмещать движения кисти и стопы, локтя и колена, плеча и бедра, корпус располагайте вертикально, голову держите прямо, поворачивая ее только в горизонтальной плоскости.

Автодайджест

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И РЕМОНТ ЭЛЕКТРООБОРУДОВАНИЯ

Ремонт щеток генератора

Если у щеток генератора оборвался провод, а запасной нет, то можно поступить следующим образом. Просверлите в торце щетки отверстие немного больше диаметра провода. Полученные опилки графита смешайте с клеем, например БФ-2 или эпоксидным, заполните отверстие в щетке полученной массой и вставьте туда провод. После затвердевания клея щетка будет хорошо работать.

Изношенные щетки генератора переменного тока можно заменить самодельными, выпиленными из больших щеток марки М1. Самодельные щетки способны работать на автомобиле не менее 50–70 тыс. километров.

Замена центрального контакта распределителя зажигания

Не часто, но случается, что в дальней дороге сломается центральный контакт распределителя зажигания. В этом случае может помочь любая батарейка от карманного фонарика (она почти всегда есть под рукой). Нужно ее разобрать и из центрального электрода напильником выточить стержень по образцу сломанного.

Неисправности прерывателя-распределителя

В процессе эксплуатации в прерывателе-распределителе возникает ряд, на первый взгляд, незначительных неисправностей, существенно влияющих на тягово-мощностные показатели двигателя.

Во-первых, причиной падения мощности и перегрева двигателя может быть ослабление крепления вольфрамового наконечника подвижного контакта. Для устранения дефекта нужно дополнительно расклепать заклепку, крепящую контакт.

Во-вторых, иногда незаметно ослабевает винт, стопорящий подвижную

пластину с контактами. Величина зазора и угол опережения зажигания при этом начинают изменяться, что вызывает детонацию, снижение мощности двигателя, увеличение расхода топлива.

И наконец, дефект может скрываться в изолированном проводнике, подводящем ток от боковой клеммы распределителя к пружине подвижного контакта. Этот проводник имеет на концах наконечники, которые закреплены на нем механическим обжатием. Вот в этом месте иногда и нарушается контакт, что приводит к перебоям в работе двигателя. Для устранения дефекта лучше всего сомнительное место пропаять мягким припоем с канифолью.

Замена высоковольтных проводов

Высоковольтные провода, подводящие напряжение к свечам зажигания, иногда являются причиной трудновыявляемых неполадок в работе двигателя. Дело в том, что со временем изоляция проводов покрывается сетью трещин, почти невидимых глазом, по которым происходит утечка тока. В результате наблюдаются перебои в работе двигателя, а иногда, особенно в сырую погоду, он вообще отказывается работать. Коварство этого дефекта состоит в том, что место утечки тока трудно обнаружить. Только иногда, в темноте, проворачивая двигатель при включенном зажигании, можно увидеть слабый разряд, окутывающий провода голубым свечением. Такие провода отремонтировать практически нельзя. Особенно подвержены старению провода с резиновой изоляцией.

Поэтому, чтобы не иметь неприятностей в пути, провода примерно раз в три года рекомендуется заменять новыми.

Очистка свечей

Удобно и быстро можно очистить свечу от нагара специальной самодельной кисточкой. Возьмите отрезок стального троса диаметром 2–3 мм и длиной 50–

70 мм и обмотайте тонкой мягкой проволокой, оставив свободный конец длиной около 10 мм. Этот конец распустите так, чтобы получилась кисточка, а остальную часть облудите. Получается отличная кисточка с удобной ручкой.

Ремонт наконечника провода высокого напряжения

Как обеспечить надежный контакт в цепи, если обломился наконечник провода высокого напряжения, входящий в гнездо крышки распределителя?

Снимите изоляцию с провода на длине примерно 40 мм и в 2–3 мм от конца изоляции намотайте поливинилхлоридную ленту. Затем отогните назад и уложите равномерно по всей окружности проволочные жилы и попробуйте, как входит такой провод в гнездо. Если слабо — подмотайте под жилы еще немного ленты, если слишком туго — часть ленты снимите. Теперь обмотайте жилки двумя слоями ленты, предварительно разрезав ее по ширине пополам, загните концы жилок на эту обмотку и окончательно закрепите их двумя слоями ленты нормальной ширины.

Очистка контактов регулятора напряжения

Для очистки загрязненных контактов регулятора напряжения, реле защиты, реле блокировки и других подобных устройств рекомендуется пользоваться куском капроновой ленты, смоченной спиртом или 20-процентным водным раствором лимонной кислоты.

Проверка стоп-сигнала

Для того чтобы при проверке исправности стоп-сигнала обойтись без помощника, поставьте автомобиль задней частью как можно ближе к стенке или забору, окрашенным в светлый тон. А теперь садитесь за руль и нажмите на педаль. Отсвет фонарей будет прекрасно виден с места водителя на стене-экране.

Защита клемм аккумулятора

Для защиты клемм аккумулятора от коррозии рекомендуется пользоваться нитролаком, который эффективнее и удобнее в применении, чем различные консистентные смазки.

Можно приготовить лак самостоятельно, растворив в ацетоне мелко нарезанную киноплёнку, предварительно отмытую от эмульсии. Желательно, но не обязательно добавлять к готовому лаку около 10% дибутилфталата, который повышает эластичность лаковой пленки.

Хранение аккумуляторов

За последние годы автомобильные аккумуляторы стали значительно лучше и надежнее. В связи с этим изменились их эксплуатационные возможности, и поэтому некоторые рекомендации по обслуживанию аккумуляторов, встречающиеся в литературе, устарели. В частности, это касается способов длительного хранения аккумуляторов.

Если аккумулятор новый и вполне исправен, его нужно зарядить и хранить в холодном месте, лучше всего при отрицательной температуре, но не ниже 25° С, в противном случае может потрескаться заливочная мастика. При этом почти не наблюдается саморазряда и не испаряется вода из электролита.

В первый месяц хранения желательно два раза проверить, не падает ли плотность электролита. Если все в порядке, аккумуляторную батарею можно оставить на хранение на всю зиму.

Для старого аккумулятора (более 3 лет эксплуатации) такой способ хранения непригоден. Дело в том, что у старого аккумулятора резко возрастает саморазряд, который может достичь 10 и более процентов в сутки. Это приводит к снижению плотности электролита и, как результат, к его замерзанию при низкой температуре и разрушению корпуса батареи, поэтому старые аккумуляторы следует хранить при плюсовой температуре, периодически их проверяя, доливая воду, подзаряжая и т.п. Сигналом о необходимости подзарядки служит снижение плотности электролита при +15° С до 1,23 г/см³.

Действия водителя при пуске двигателя

При пуске двигателя (особенно зимой) обязательно нажимайте педаль сцепления и держите стартер включенным не 1–3 с, как делают некоторые, а 6–8 с, так как при многократных и кратковременных включениях электроэнергии расходуется больше, чем при редких, но более продолжительных. Выключать сцепление нужно для того, чтобы не проворачивать в загустевшем масле шестерни коробки передач и облегчить этим работу стартера.

Иногда автолюбители, желая облегчить пуск двигателя, оснащают свои автомобили аккумуляторами большей емкости, чем те, которые устанавливаются на автомобиле данной модели. Результат такого «усовершенствования» обычно бывает отрицательным — быстро выходит из строя привод стартера, так как крутящий момент в этом случае намного больше того, на который он рассчитан.

Полковник В. ЛИТВИНОВ.

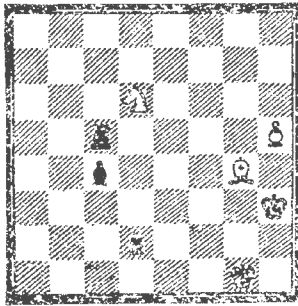
Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

«СЕКРЕТЫ» ЭТЮДОВ

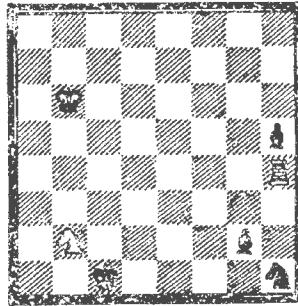
№ 4. А. Кошечев, 1990

№ 5. В. Ловцов, 1989

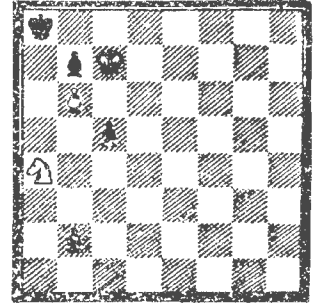
№ 6. А. Калинин

Ничья

Ничья

Выигрыш

Этюд № 4 решается так: 1. h6 Лс7 2. Кг4 Л:с4 3. h7 Л:г4 4. h8Ф а1Ф 5. Фс3! Соотношения сил для белых проигрышные, но данная позиция (хотать, адияотяенная) фаноме-нальна, здесь взаимный цугцванг и ничья. Открыл эту позицию компьютер, а композитор использовал для этюда.

В миниатюре № 5 (публикуется впервые) тоже есть "секрет": 1. Кс3+ Крd1 2. Крe7!! Неожиданно! Почему же нельзя 2. Крe6 или 2. Крb5? Ответ мы получим в конце решения. 2... g1Ф 3. Л:h1 Ф:h1 4. Кf2+ Крe2 5. К:h1 Крf3 6. Крb6 Крg2 7. Крe5 Кр:h1 8. Крf4 с ничьей. Итак, при других ходах белый король попадал бы под шах превращенного ферзя или не успевал задержать черную пешку.

Этюд № 6 предлагаем решить, в нем тоже есть некоторые парадоксы.

НОВОСТИ В ШАХМАТНОМ МИРЕ

1. Обнародован очередной рейтинг-лист ФИДЕ, в нем 108 мужчин и 53 женщины. Наши читатели знают, что рейтинг — это числовой показатель спортивного уровня шахматистов, меняющийся в зависимости от результатов соревнований данного полугодия.

В мужском разделе рейтинг-листа на первом месте А. Карпов, его рейтинг самый высокий — 2740, на втором и третьем А. Широв (Латвия) и В. Ананд (Индия) — по 2715. Далее В. Иванчук (Украина) и В. Крамник (Россия) — по 2710 и др. Отсутствуют в рейтинг-листе Г. Каспаров и Н. Шорт, по известным причинам они для ФИДЕ не существуют.

У женщин изменений по сравнению с прошлым рейтинг-листом почти нет. На первом месте 17-летняя Юдит Полгар (Венгрия) — 2630, на втором ее сестра — Жужа Полгар — 2550. Чемпионка мира китайка Се Цзюнь только на пятом месте, ее рейтинг 2515. У

Нонны Гаприндашвили рейтинг 2365 и 25-е место.

2. В декабре прошлого года в Голландии прошел турнир по выявлению семи претендентов на звание чемпиона мира среди профессионалов. Призовой фонд в 200 тыс. долларов привлек 54 гроссмейстера, игра шла по швейцарской системе. Победителями стали: В. Ананд (Индия), М. Адамс (Англия), В. Крамник и С. Тивьяков (Россия), Г. Камский и Б. Гулько (США), О. Романишин (Украина). Восьмым претендентом остается Н. Шорт. Дальнейшая борьба в "честолоубивой", восьмерке пройдет по олимпийской системе, она и определит, кто же встретится с Г. Каспаровым.

3. Блистательной победой А. Карпова завершился супертурнир 14 сильнейших гроссмейстеров, состоявшийся в марте этого года в Испании. А. Карпов набрал 11 очков из 13 возможных! У Г. Каспарова только 8,5. Не зря, видимо, А. Карпову принадлежит звание чемпиона мира.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

(На боевом посту, 1994, № 7)

№ 1. А. Галицкий, 1903. Крf4, Фe4, Лg8 — Крd7, п.с7, мат в 2 хода. 1. Крe5! с6, Крe7 2. Фh7X1, 1... c5 2. Фb7X1! Маты правильные.

№ 2. В. Брон, 1970. Крf3, Лс3 — Крh3, п. b7, мат в 4 хода. 1. Лс7 Крh4 2. Лс5 b6, b5 3. Лb5 Крh3 4. Лh5X, 1... Крh2 2. Л:b7 Крg1 3. Лh7 и 4. Лh1X.

№ 3. Р. Рети, 1925. Крd5, Лf1, Сс4 — Крh2, п. g3, выигрыш. 1. Лf3! g2 2. Сf1!! В этом ходе вся красота! 2... g1Ф, жo 3. Лh3X! Талантливые композиции надолго запоминаются, а бездарные быстро забываются. Для композиции справедливы общие законы искусства.

Сад-огород

МЯТА

Мята известна и популярна с глубокой древности. Прекрасный охлаждающий запах растения связан с наличием в нем большого количества эфирного масла сложного химического состава, насчитывающего около 90 компонентов, основным из которых является ментол. Имеются сорта, содержащие более 80 процентов ментола в эфирном масле. Кроме эфирного масла листья и соцветия мяты содержат органические кислоты, дубильные вещества, каротин, аскорбиновую кислоту, рутин, микроэлементы и другие вещества.

В народной медицине мяту применяют как ветрогонное и потогонное средство при простудных заболеваниях, кашле, расстройстве желудка, при повышенной и пониженной кислотности желудочного сока, заболеваниях печени и желчного пузыря.

Эфирное масло мяты, или чистый ментол входят в состав многих лекарственных препаратов: анестезол, борментол, валидол, капли Зеленина, пектусин, камфомен и др.

Листья мяты в свежем и сушеном виде добавляют в салаты, используют как приправу к мясным, рыбным, мучным, овощным и фруктовым блюдам, для ароматизации чая. Их можно класть в молоко для предупреждения скисания.

На приусадебных участках можно выращивать практически любые сорта мяты перечной с понравившимся ароматом: Загадка 75, Краснодарская 2, Кубанская 6, Москвичка, Прилукская 6, Лекарственная 1. Многим придется по вкусу и мята кудрявая, выращивание которой не отличается от выращивания мяты перечной.

Мята — влаголюбивая, требовательная к плодородию почвы культура. Хорошо растет на черноземах, суглинистых и супесчаных почвах с глинистой подпочвой, обеспечивающей сохранение влаги в почвенном слое, на торфянистых почвах, а также на обогащенных органикой почвах осушенных болот.

Особенности выращивания. В средней полосе посадку мяты лучше проводить весной, а в южных районах можно весной и осенью. Почву под мяту хорошо приготовить с осени: убрать остатки предшествующей культуры, тщательно перекопать и удалить сорняки, особенно корневища многолетних сорняков.

В качестве предшественника хорошо использовать культуру, под которую вносились органические удобрения. Вносить их под мяту нежелательно, так как она при этом развивает обильную зеленую массу, но снижает ароматичность.

Под осеннюю перекопку вносят 15 г/м^2 азотных, $25\text{--}30 \text{ г/м}^2$ фосфорных и $10\text{--}15 \text{ г/м}^2$ калийных удобрений. Весной на тяжелых уплотнившихся почвах проводят перекопку, а на легких достаточно провести рыхление на глубину $10\text{--}12 \text{ см}$. На подготовленной под посадку площади прокапывают борозды на расстоянии $45\text{--}60 \text{ см}$ одна от другой, глубиной $8\text{--}10 \text{ см}$. На дно борозд укладывают заготовленные корневища мяты, присыпают почвой и уплотняют.

Уход за мятой заключается в рыхлении почвы, прополке и поливе в засушливую погоду. Подкормки минеральными удобрениями при многолетней культуре проводят на бедных почвах в весеннее время из расчета $5\text{--}8 \text{ г/м}^2$ азотных, 15 г/м^2 фосфорных и $5\text{--}6 \text{ г/м}^2$ калийных удобрений.

Убирают мяту для сушки в период максимального содержания эфирного масла в растении — в фазу бутонизации $1\text{--}2$ раза за вегетационный период. Стебли срезают у самой земли и слегка подвяливают прямо на участке, а затем переносят в тень под навес с хорошим проветриванием. Срезанную массу раскладывают тонким слоем на бумаге или связывают в небольшие пучки, которые развешивают. Сушка считается законченной, если листья начинают отделяться от стебля. Сухой лист хранят в плотных бумажных мешках.

Наиболее распространенными болезнями мяты в средней полосе являются ржавчина и мучнистая роса, возбудителями которых являются грибы. К мерам борьбы относится уничтожение растительных остатков, перекопка междурядий на глубину $15\text{--}20 \text{ см}$.

Мяту поражают многие вредители, но наиболее часто встречаются мятная блошка, мятная тля. Мятная блошка — прыгающие жучки $1,3\text{--}1,8 \text{ мм}$, желтого цвета. Повреждения представляют собой округлые отверстия на листьях. При этом снижается продуктивность растений. Мятная тля — размером $1,5\text{--}2 \text{ мм}$, темно-зеленого цвета. Вызывает деформацию и скручивание листьев, приостанавливается рост растения. Меры борьбы — уничтожение растительных остатков, перекопка почвы в междурядьях.

Против обоих вредителей рекомендуют применять опрыскивание настоями какого-либо из следующих растений: чеснока, лука, цитрусовых корок, табака, чистотела, тысячелистника, одуванчика лекарственного, перца стручкового горького.

В. ГУЩИНА,
садовод-любитель.

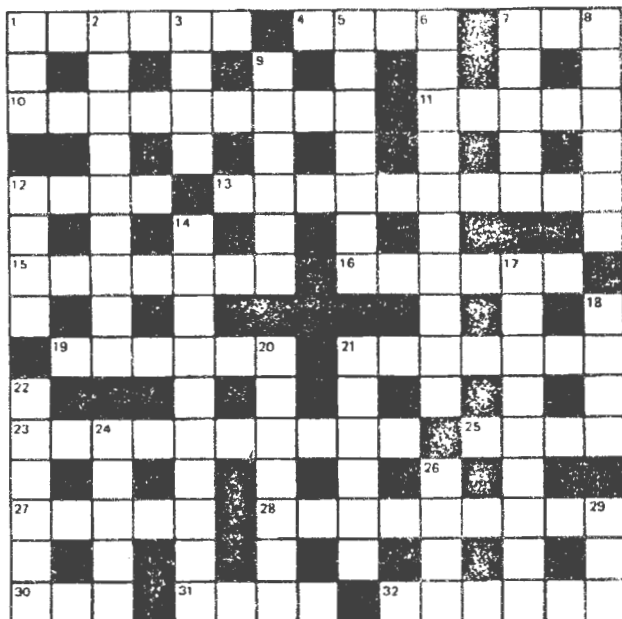
ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Владелец финансового учреждения. 4. Мужское имя. 7. Официальный документ. 10. Величина наибольшего отклонения колеблющегося тела от положения равновесия. 11. Непериодическое издание в виде брошюр-ванных листов печатного материала. 12. Французский физик, один из создателей учения о радиоактивности. 13. Хранитель исторических документов. 15. Кровеносный сосуд, проводящий кровь от сердца во все части тела. 16. Несчастный случай, дорожно-транспортное происшествие. 19. Вещество, соединение химического элемента с кислородом. 21. Отличительное свойство, признак. 23. Морское парусное двухмачтовое судно. 25. Широкое водное пространство между островами. 27. Конторский служащий в некоторых странах Западной Европы и Америки. 28. Сборник избранных художественных произведений разных авторов. 30. Самая длинная река в мире. 31. Косметическая мазь. 32. Старинный рождественский обряд прославления праздника песнями.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Настенный светильник. 2. Колпачок, надеваемый на палец при шитье. 3. Травянистое растение с крупными яркими цветками. 5. Пластинка, удар

КРОССВОРД

по которой приводит в движение рычаги механизма. 6. В античном мире — празднество в честь Бога вина и веселья. 7. Доказательство непричастности обвиняемого к преступлению. 8. Путь, дорога. 9. Животное, обитающее по берегам пресных водоемов. 12. Эмблема на форменной фуражке моряков. 14. Писатель, автор повести «Ночевала тучка золотая». 17. Система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу,

класс. 18. Планета солнечной системы. 20. Древняя историческая область в восточной Латвии. 21. Древнеримские боги, покровители домашнего очага. 22. Река в Красноярском крае, приток Енисея. 24. Нечто совершенное, высшая цель стремлений. 26. В греческой мифологии — одна из девяти муз, покровительница истории. 29. Углубление в земле.

Составил
старший лейтенант
С. КОЛЕСНИКОВ.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Замок. 6. Дозор. 8. Разоружение. 13. Ермак. 14. Толстой. 15. Табун. 18. Эсминец. 19. Бастион. 20. Ветеран. 21. Гестапо. 26. Потсдам. 27. Крепер. 30. Котин. 31. Рикошет. 32. Вираз.

35. Волоколамск. 36. Попов. 37. Пилот.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Таран. 2. Воронов. 3. Полевой. 4. Порик. 7. Буссоль. 9. Брест. 10. Василевский. 11. Наступление. 12. Жуков.

16. Генерал. 17. Тактика. 23. Поход. 24. Антонов. 25. Редан. 28. Симонов. 29. Чекалин. 33. Порох. 34. Псков.

ПО КРУГУ В ЦЕНТРЕ:
22. Единоначалие.

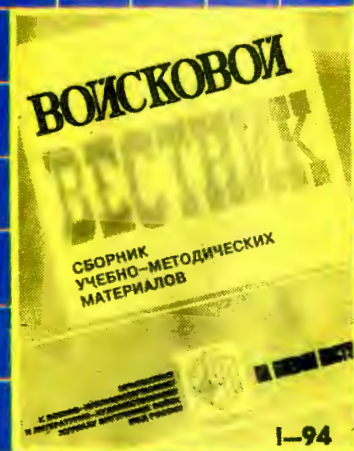
ВЫПИСЫВАЙТЕ! ЧИТАЙТЕ!

Военно-публицистический и литературно-художественный журнал «На боевом посту» стремится объективно информировать читателей о роли и месте, жизни и деятельности внутренних войск в нашем государстве, отражать практику работы органов внутренних дел России.

Какими будут профессиональные внутренние войска? Миротворцами по типу «голубых касок»? Силами быстрого реагирования, способными потушить очередную горячую точку? Что за люди обеспечивают общественную и вашу личную безопасность? Вы найдете подробные ответы на эти и многие другие вопросы только У НАС.

'95

ПРИЛОЖЕНИЯ
К ЖУРНАЛУ

“СИТУАЦИЯ” — звучит просто, но МНОГООБЕЩАЮЩЕ!

Вы встретите на ее страницах в будущем году много интересных, поистине сенсационных материалов, но до тех пор вы так и не узнаете:

- что такое спецназ внутренних войск?
- как действуют пары в краповых беретах, защищая людей от преступников?
- некоторые пикантные подробности различных тайных операций, мафиозных сделок.

Вы постоянно можете знакомиться с публикациями на злобу дня.

“Ситуация” — это правда о положении в стране, о жизни и службе ее защитников — людях в военной форме!

Исполнилось пять лет, как в части и военно-учебные заведения внутренних войск стали поступать номера учебно-методического приложения к журналу “На боевом посту” “Войсковой вестник”. Методическими разработками и советами оно помогает сержантам, прапорщикам и офицерам подразделений, курсантам военных училищ грамотно проводить занятия с личным составом, правильно организовывать выполнение задач боевой службы. На страницах “Войскового вестника” вы найдете также нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность Вооруженных Сил, МВД и внутренних войск.

С 1995 года учебно-методическое издание выходит в свободную подписку. Выписывайте “Войсковой вестник” и тогда у вас не будет особых проблем в проведении занятий! Выписывайте “Войсковой вестник” и тогда у вас не будет сомнений в его своевременной доставке! Подписку можно оформить индивидуально и коллективно.

Наш адрес: 107120, г. Москва, Б-120, Сыромятнический проезд, 8.
Расчетный счет редакции №340616 в АБ “Лефортовский”, г. Москвы,
МФО 201207.

- Ружья охотничьи гладкоствольные ИЖ-27М и ИЖ-43.
- Боеприпасы охотничьи.
- Революеры газовые отечественные РС-01 и РС-22.
- Пистолеты и революеры газовые импортные:
 - калибра 8 мм — «Mauser», «Reck G-5», «Walther PPK», «Detektiv», «Browning», «Record», «General»;
 - калибра 9 мм — «Remington», «Sheriff», «Combat», «Government», «Walther P-88», «RG-89», «Reck-Miami», «Agent», «Walther-Terminator»;
 - калибра 11 мм — «Sergeant», «Agent-45».

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ЗАКРЫТОГО ТИПА

ПРЕДЛАГАЕТ:

- Пистолеты для стрельбы красящими шариками «Paintball».
- Баллончики газовые CS-Trillion, CS-Million.
- Пусковые устройства для сигнальных ракет центрального и бокового боя.
- Кобуры оперативные.
- Системы охранной сигнализации «Аргус», «Фотон» и «Кворум А-100», не имеющая аналогов в России и в Европе.
- Спецсредства защиты: шлемы, дубинки, спецкомплекты, бронежилеты.

ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Адрес: 117279, Москва, ул.Профсоюзная, 93а.

Время работы: 10.00—19.00, суббота 10.00—17.00, воскресенье — выходной.

Телефоны для справок:

(095) 336-33-77 — оптовая торговля, 335-66-77 — розничная торговля.

Факс: (095) 330-79-33